

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Бурцева Алла Олеговна

**ПРОЕКТ
СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1930-Е ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРКМЕНСКИХ АЛЬМАНАХОВ)**

Специальность 5.9.1 — Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Зыкова Галина Владимировна

Москва — 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. История создания туркменских альманахов	29
1.1 Альманах «Туркменистан весной» как первый туркменский бригадный проект	30
1.2 История создания туркменско-русских альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения»	45
Глава 2. Туркменская и ориентальная советская литература в альманахах 1930-х гг.	75
2.1. Конструирование туркменской советской литературы как политическая и культурная задача	75
2.2. Альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» как примеры взаимодействия литератур	92
2.2.1. Структура и содержание альманаха «Айдинг-Гюнлер»	93
2.2.2. Структура и содержание альманаха «Туркмения»	141
2.2.3. Альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» — работа переводчиков	188
Глава 3. Оформление альманаха «Айдинг-Гюнлер» как основного итога туркменского проекта	221
3.1 Рувим Мазель — оформитель альманаха «Айдинг-Гюнлер»	221
3.2 Иллюстрации как способ репрезентации советского Туркменистана в альманахе «Айдинг-Гюнлер»	229
Глава 4. Рецепция произведений из туркменских альманахов в критике	233
Заключение	248
Приложение 1	251
Приложение 2	263
Библиография	267

Введение¹

Настоящая диссертационная работа посвящена изучению советского проекта национальных литератур СССР на материале туркменских альманахов 1930-х гг. Термин «национальная литература» прочно укрепился в исследованиях на подобные темы². Для нашего исследования представляется более корректным выражение «литературы советской периферии», так как в рамках настоящей работы мы изучаем одну из республик советской Центральной Азии. Слово «периферия» в этом случае употребляется в географическом смысле. Ярко выраженные черты этого региона делают его ситуацию отличной от, например, Украины и Беларуси. Конечно, следует учитывать тот факт, что литературы разных советских республик формировались под лозунгом многонациональности и «дружбы народов»³,

¹ При подготовке Введения были использованы материалы статей: *Бурцева А. О.* Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 269–286; *Бурцева А. О.* Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: от колониального гнета к сталинскому раю // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 303–317.

²См. напр.: *Козицкая Ю.М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022; *Земскова Е. Е.* Переводчики с языков национальных республик в советской литературной критике середины 1930-х годов // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39). С. 167–177. *Франк С. К.* Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 230–247; *Dobrenko E.* Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 3–17; *Dobrenko E.* Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932 // Slavic Review. 2022. Vol. 81. Iss. 4. P. 869–890. Для нашего исследования представляется более корректным выражение «литературы советской периферии», так как в рамках настоящей работы мы изучаем одну из республик советской Центральной Азии. Слово «периферия» в этом случае употребляется в географическом смысле. Ярко выраженные черты этого региона делают его ситуацию отличной от, например, Украины и Беларуси. Конечно, следует учитывать тот факт, что литературы разных советских республик формировались под лозунгом многонациональности и «дружбы народов» (см. об этом *Козицкая Ю.М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022), однако нам представляется важным выделить не только общее, но и частное.

³ См.: *Козицкая Ю.М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.

однако нам представляется важным выделить не только общее, но и частное. Альманахи формировались по результатам бригадных поездок, из русскоязычных писателей в их создании участвовали Г. А. Санников, А. П. Платонов, П. Г. Скосырев и ряд других. Туркменский материал был представлен в основном поэзией (в переводах на русский язык), среди наиболее известных имен — лауреат Сталинской премии Берды Кербабаев⁴. Вслед за Д. Кудайбергеновой⁵ и К. Холт мы считаем, что изучение подобного рода проектов должно учитывать личные писательские стратегии и амбиции, поиск национальной идентичности и т. п.

В свете вышесказанного представляется важным говорить не только о взгляде, направленном на литературы СССР как целостную систему, но и о коррекции оптики исследования относительно принятого в советском литературоведении «восхваления новой национальной литературы»⁶. Как представляется, подобные литературоведческие тексты следует рассматривать скорее как часть исследуемого нами проекта, нежели как академическую литературу. Между тем реакция на советскую парадигму в постсоветской науке может привести к «стиранию» личности писателя и индивидуальности той или иной национальной литературы в СССР. Таким образом, мы рассматриваем систему в усложненном виде: она включает не только общую литературную политику, получавшую риторическое воплощение на страницах «Правды» и «Литературной газеты», но и те

⁴ Нам представляется корректным использовать туркменские имена в полной форме, не сокращая инициалы, чтобы не формировать ошибочную установку на русификацию материала.

⁵ *Kudaibergenova D. Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lanham, MD & London: Lexington Books, 2017. Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013.*

⁶ Один из многочисленных примеров, имеющий непосредственное отношение к нашей работе: *Реджепов С. Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1961.*

частности, которые формировали ее периферию. В настоящей работе речь пойдет о проекте литератур советской периферии во взаимодействии с литературой центра. Как представляется, это составляло суть проекта (хотя и не исчерпывало ее). Имплицитно (а позже и эксплицитно) развитие литератур советской периферии оценивалось как «догоняющее»⁷. Нельзя сбрасывать со счетов то, каким было указанное взаимодействие, по каким векторам оно развивалось.

Площадкой для такого рода взаимодействия и становились альманахи, создававшиеся по результатам бригадных поездок писателей в Туркменистан. И хотя их тираж не превышал 5500 экземпляров, именно эти альманахи становились изданиями, по которым советский читатель мог составить представление о литературе Туркменистана. Изданные в Москве на русском языке, они повышали литературный статус участников, чьи амбиции, как представляется, подразумевали в том числе выход за пределы Туркменской ССР.

В 1930-е гг. внутренняя политика СССР была направлена в том числе на установление прочной связи центра с периферией. Начатый в 1920-е гг. проект по формированию национальных республик претерпевал различные изменения⁸. Относительно молодая советская идеология искала новые пути

⁷ См. в диссертационном исследовании Ю. М. Козицкой: «Истории национальных литератур конструировались по-разному для европейских, кавказских, азиатских или северных народов; для языков, на которых существовала давняя письменная традиция светской литературы или традиция религиозной литературы, для бесписьменных или т. н. “отсталых” народов» (Козицкая Ю. М. Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022. С. 5–6).

⁸ См. об этом, например, работу Ф. Хирш «Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза» (Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022), сосредоточенную в основном на судьбе этнографической науки и ее роли в национальной политике СССР. Эта работа проливает свет на сдвиг научной парадигмы относительно национальной политики СССР. В книге исследователя советской публичной сферы Дж. Брукса «Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War» один из разделов назван «The Nationalities and Their Assigned

влияния, ориентируясь на «создание» нового «советского народа». В связи с этим стали развиваться проекты национальных литератур, в том числе в Центральной Азии. На Первом съезде советских писателей политика по развитию национальных литератур была провозглашена официально, в том числе из-за внимания к ним Максима Горького⁹. Тогда же появляется тезис о культуре национальной по форме и пролетарской (затем — социалистической) по содержанию. Этот вектор развития задается незадолго до Первого всесоюзного съезда советских писателей, в частности, в речи И. В. Сталина «О политических задачах университета народов Востока»¹⁰. На съезде движение навстречу национальным литературам было обозначено как одно из важнейших направлений советского литературного процесса¹¹.

Установка на развитие национальных литератур и книгоиздания в национальных республиках отразилась в документах ОГИЗ. Так, в сентябре 1933 г. в ходе переговоров с национальным сектором ОГИЗ отмечалось: «...за прошедшие с момента постановления Ц. К. два года значительно вырос спрос на национальную литературу, как в количественном, так и в качественном отношении, на местах значительно усилилась издательская

Roles» (*Brooks J.* Thank you, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 93–97), что подразумевает закрепление за республиками определенных функций. Брукс рассматривает эту тенденцию в рамках долженствования советских граждан лично Сталину.

⁹ См. об этом статью (*Быстрова О. В.* Влияние М. Горького на развитие национальных литератур // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 76–82); следует, однако, отметить, что статья несет не аналитический, а беглый описательный и некритичный характер. См. также высказывания самого Горького: *Горький М.* [Белорусской академии наук] // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 26. М., 1953. С. 372.

¹⁰ У Сталина: «Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, – такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание» (*Сталин И. В.* О политических задачах Университета народов Востока // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 138).

¹¹ См.: *Богомолова А.* Понятие «мировая литература» в советской культуре 1930-х гг.: Первый съезд советских писателей // Текстология и историко-литературный процесс. М.: Буки-Веди, 2016. С. 151–152; *Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 269.

деятельность нацгизов, выросли новые кадры, укреплена местная полиграфическая база, организованы национальные издательства там, где их в 31 году не было. Значительно возрос контингент индивидуальных заказчиков на национальную книгу»¹².

Издание национальной литературы нуждалось в регулировании. Это породило установку на печатание только актуальной и «отвечающей потребностям определенной национальности» литературы¹³. Из приведенной формулировки видно, что по крайней мере в начале 1930-х гг. официально пока еще речь шла о том, что каждая национальная литература воспринимается как формирующаяся по отдельности от других и обладающая собственными характеристиками. Также, видимо в силу перебоев с бумагой, работа по выпуску национальной литературы переносилась на места, что, казалось бы, должно было способствовать ее более автономному развитию (и здесь на первый план выходит взаимодействие центра и периферии).

Особая ситуация в связи с проектом сложилась в Центральной Азии. Она была на тот момент активно осваиваемым советской культурной политикой регионом. Советская пропаганда, с одной стороны, видела своей целью приобщение центральноазиатской культуры к общесоветской, с другой — декларировала деколонизацию региона за счет развития национально-культурного пласта¹⁴. Выделенные после национального размежевания 1924 г.

¹² РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4742. Л. 2

¹³ Там же.

¹⁴ См., например, подробный обзор советской политики модернизации в Казахстане в: *Абашиев С. Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. См. также статью «Культура Полтора» Н. Скакова, который считает, что «понятие *национального* лишается всякой сущности и превращается в простую оболочку для высшей сущности — социалистического содержания» (*Скаков Н.* Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 119). Соглашаясь отчасти с этим утверждением, мы тем не менее постараемся показать, что в середине 1930-х гг. в Туркменистане местные национальные интенции все еще могли быть воплощены за счет как сохранения интереса к дореволюционной культуре, так

республики требовали особого пропагандистского контроля. Как замечает американская исследовательница Э. Л. Эдгар, «роль Москвы в создании наций была, несомненно, важна», однако «в Центральной Азии представители культурных и политических элит имели свои идеи национального и социалистического и обсуждали их с русскими товарищами на встречах коммунистической партии, а также между собой в газетах, издаваемых на местных языках»¹⁵.

Советский национальный проект в Центральной Азии был сложным сплавом, сочетавшим интересы Москвы и республик. Как отмечает А. Бустанов, «создание центральноазиатских наций» на фоне размежевания республик было связано и с «размежеванием историй, общего и отдельного прошлого»¹⁶. Если же говорить о литературе, то, как мы увидим, в этом поле также возникал интерес к прошлому и были попытки выстроить (в той или иной степени вовлекая в конструирование памяти о туркменской традиции молодую советскую идеологию) историю восточной словесности. В своей недавней статье Е. А. Добренко отмечает: «Эпическое время фольклора закончилось в Европе рождением авторской литературы. С появлением автора дорога к эпосу была заблокирована навсегда. Творчество стало индивидуальным. В Центральной Азии, однако, этого еще не случилось. Советская власть столкнулась с живой фольклорной традицией и приспособила ее для своих политических задач»¹⁷.

и того, что сами «создатели» новой национальной литературы не всегда четко понимали свои задачи.

¹⁵ *Edgar A. L.* Tribal Nation: The making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton UP, 2006.

¹⁶ *Bustanov A. K.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. New York: Routledge, 2014. P. 41.

¹⁷ *Dobrenko E.* Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 13.

Не оспаривая того, что опора на фольклор была логичным пропагандистским ходом в рамках создания таких знаковых фигур, как Джамбул, следует отметить, что литература Центральной Азии не может целиком сводиться к фольклорному пласту. Как мы покажем ниже, в Центральной Азии советская литературная политика 1930-х гг. опиралась на многие другие элементы восточной словесности. Кроме того, когда речь заходит о литературе Центральной Азии, кажется логичным вести речь не об отсутствии авторства, а об иной концепции авторства и циркуляции текстов. Наконец, если вернуться к процитированной выше мысли Э. Л. Эдгар, нельзя игнорировать тот пласт литературы, который существовал исключительно на языке республики без перевода на русский и, соответственно, без включения в общесоветское литературное поле.

В связи с введением термина «поле» нам представляется принципиальным пояснить, в каком значении он употребляется в настоящей работе. Сама применимость концепции поля к советской литературе может вызвать сомнения. Хотя литературное поле зависит, по Бурдьё, от поля власти¹⁸, к государственным властям оно имеет лишь опосредованное отношение. Тогда как материал официальной советской литературы представляет собой субполе с перевернутой иерархией: «популярность» декларируется как благо, а «меркантильность» не трактуется как девальвация фигуры писателя¹⁹. Показательно в этом отношении сближение принципов нормативной эстетики соцреализма с принципами авангарда, как отмечал Б. Гройс²⁰.

¹⁸ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 368.

¹⁹ Подробнее об этих понятиях см. : Там же. С. 376.

²⁰ См.: Гройс Б. *Gesamtkunstwerk* Сталин. М.: Ad Marginem Press, 2013. С. 25–27.

Популярность в советской литературе соответствует проекту «пролетарская литература». Меркантильность — декларации о том, что писатель — такой же трудящийся, его творчество — часть общей работы по перестройке страны. За труд надо платить государственные деньги, и в этом нет ничего плохого, коль скоро экономика в стране плановая.

Писатель же, несмотря на кажущуюся меркантильность, по-прежнему хочет быть признанным внутри субполя не заказчиков, а производителей. Именно по этой причине для советской литературы остается актуальным «потрясение поля», когда в него входят новые авторы.

Здесь также следует отметить, что в советской литературе возможна уникальная ситуации переквалификации автора согласно полученному сверху заказу. Советский писатель 1930-х гг. вновь и вновь входит в литературное поле в связи с поставленной ему задачей (ранние произведения многих альманашных авторов были так или иначе известны читателю) — в нашем случае с темой советского Востока. Позиция писателя постоянно флуктуирует: в условиях жесткой цензуры, когда сам писатель можно стать персоной нон-грата (ср. случай Платонова), не в последнюю очередь важна сама возможность напечататься. Таким образом, применительно к официальной советской литературе 1930-х гг. иначе работает и понятие манифестации²¹.

Несколько иначе, чем в схеме Бурдье, происходит и взаимодействие писателя с социальной группой. В ситуации советской литературы связь с пролетариатом не выводится из произведения, а декларируется заранее (а затем уже критика может оценить, насколько «социалистическим» или «пролетарским» получился продукт). И хотя писатель не становится

²¹ См.: Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. С. 393–394.

от этого простым медиумом или рупором социальной группы²², под этот медиум он должен маскироваться, одновременно избегая обвинений в излишней прямоте высказывания.

Таким образом, хотя мы и используем введенное Бурдьё понятие, применительно в советской литературной ситуации его схема нуждается в пересмотре. Как отмечал С. Ловелл, составляющие этой схемы работают иначе в силу специфики отношений в советском литературном поле²³.

Советские туркменские альманахи 1930-х гг. помогают понять характер конструирования туркменской советской литературы и — шире — советской идентичности в Центральной Азии. Сам проект конструирования литературного региона следует рассматривать в связи с проектами писательских бригад, которые должны были «познать новую Туркмению»²⁴. Как представляется, их работа вступала в сложное взаимодействие с молодой туркменской пролетарской (позднее — соцреалистической) литературой. В этом взаимодействии (как представляется, следует говорить не только о влиянии литературы «центра» на периферию, но и об инкорпорировании национальных особенностей в советскую литературную традицию) немаловажную роль играл процесс перевода. К сожалению, переводы с русского языка на туркменский нам недоступны (в проект одного из альманахов входил перевод его на туркменский язык, по-видимому, неосуществленный)²⁵. Однако анализ переводческой практики может дать показательные для туркменской

²² Там же. С. 387.

²³ См.: Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Era. London: St. Martin's press, 2000.

²⁴ Для чего мы приехали в Туркмению. Беседа с участниками первой бригады писателей // Туркменская искра. 1930, 1 апреля.

²⁵ Хранится в РГАЛИ (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088). Доступ к Центральному государственному архиву Туркменистана в настоящее время затруднителен. Также на территории России сохранилось немного изданий на туркменском языке. Эти факторы в некоторой степени ограничивают наше исследование, однако материалы московских архивов дают некоторое представление об оригинальном творчестве писателей 1930-х гг.

ситуации результаты. Проблема перевода применительно к литературам Центральной Азии в советское время обостряется в силу того, что стратегия работы с текстом должна не просто отвечать личным интенциям переводчика, но и требованиям, которые перед ним ставит молодая советская идеология.

Как писала М. О. Чудакова: «Нет ничего проще, чем представить литературу 30-х годов расплющенной под молотом терроризирующей страну власти. Но это будет неверно. В литературе явно сохранялась жизнь, хоть и загнанная и метавшаяся в поисках спасения»²⁶. Чудакова описывала 1940–1941 гг. как рубежные для смены литературных циклов²⁷. И хотя речь в ее статье преимущественно идет о фигурах первого ряда, маргинальные явления позволяют высветить, каким образом литературная жизнь функционировала. Для нас фундаментальной будет предпосылка о том, что если говорить о литературах периферии и текстах на «региональную» тему, то даже во второй половине 1930-х гг. речь идет все же о большой степени подвижности формирующегося канона, который еще не кристаллизован. Поэтому мы сталкиваемся с относительно широким разнообразием текстов. Как мы продемонстрируем ниже, структура альманахов была неоднородна и часто тематически не соответствовала плану, а в некоторых случаях в подборку включались тексты, уже вышедшие на страницах журналов (в первую очередь это касается произведений писателей из «центра» о Туркменистане). Ситуация Туркменистана показательна в том отношении, что советская власть была заинтересована в формировании сразу двух

²⁶ Чудакова М. О. Сквозь звезды к терниям: Смена литературных циклов // Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 344.

²⁷ Там же. С. 362.

идентичностей: общетуркменской и собственно советской. Об этом пишет Э. Л. Эдгар в своей книге «Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan»²⁸.

Разумеется, этот тезис касается не только Туркменистана, но и литератур Центральной Азии в целом. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан занимали особое место на политической карте России. Как представляется, совокупность литератур Центральной Азии имеет свою специфику и не может быть механически поставлена в один ряд с другими литературами периферии СССР. В связи с этим часто используется концепция имперского, разработанная Т. Мартином, в исследованиях которого 1930-е гг. трактуются как особый период становления сталинской национальной политики²⁹.

Однако само понятие «имперского» проекта нуждается в уточнении. Как представляется, именно в 1930-е гг. происходит институциональное его оформление. Тем не менее, имперские и колониальные тенденции имели в СССР особое преломление. Так, С. Н. Абашин в своих работах подчеркивает, что вопрос о том, была ли Центральная Азия колонией, остается дискуссионным и необходимо выделить особенности, связанные с модернизацией региона³⁰.

С теми же проблемами сталкиваются исследователи, когда речь идет о вопросе русского и советского ориентализма. Д. Схимменпеннинк ван дер Ойе отмечает: «У русских никогда не было единого представления об Азии. Ориенталистская схема Саида³¹ безапелляционно предполагает

²⁸ См.: *Edgar A. L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton: Princeton UP, 2006. Подробно о ситуации в Туркменистане и концепции Эдгара будет сказано в главе 2.

²⁹ См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

³⁰ См.: *Абашин С. Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

³¹ См. его недавно переизданную в новом переводе на русский классическую работу: *Саид Э. В.* Ориентализм. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021.

сложившееся видение того, что такое Азия и как она противопоставлена Европе. Но в России его просто не существовало. Российская империя, расположенная на двух континентах, имела неоднозначные отношения с остальной Европой, а природа взаимодействий с Азией была сложна. В результате понимание Востока складывалось из множества отдельных мнений. Перефразируя расхожее выражение из фильма Александра Мотыля 1969 г. «Белое солнце пустыни», русский ориентализм — дело тонкое»³². Советский ориентализм, таким образом, совмещал в себе разнородные тенденции, кроме того, следует учитывать, что советская политика 1930-х гг. связана с началом свертывания коренизации 1920-х гг.³³

В диссертации Ю. М. Козицкой, описывающей казахстанскую ситуацию рассматриваемого периода, отмечается: «Формирование казахской советской литературы было непосредственно связано с появлением местных отделений официальных институций, контролирующих литературную жизнь в республике. Председатель Союза советских писателей Казахстана Ильяс Джансугуров, выступая на Первом съезде писателей Казахстана, прошедшем в июне 1934 года, в основу периодизации казахской литературы положил образование Казахской ассоциации пролетарских писателей (КазАПП) в 1925 году»³⁴. Козицкая также подчеркивает: «Развитие литературы, которое курировалось партийным руководством, может рассматриваться как политический проект, осуществляемый силами новой

³² Schimmelpennick van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven, CT, 2010. P. 11.

³³ Политика коренизации была направлена на усиление национальной идентичности, в том числе поддержку изданий на языках республик, внедрение их в школьную программу, их кодификацию и нормализацию и т. п. Позднее коренизация была свернута и вытеснена русификацией, многие ее идеологи на местах были репрессированы.

³⁴ Козицкая Ю. М. Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022. С. 24.

партийной казахской интеллигенции»³⁵. Как представляется, различия между туркменской и казахстанской ситуацией следует искать как в характере политической ситуации (размежевание республик советской Центральной Азии), так и в характере литературного процесса. Так, сведения о репрессиях среди туркменских литераторов скуднее, нежели в Казахстане. С другой стороны, становление советской власти в регионе было сопряжено с характерными для него проблемами, о которых писали Э.Л. Эдгар и А. Халид³⁶.

Таким образом, и ориентализм, и колониальные тенденции для 1930-х гг. требуют дополнительного анализа, и в этом смысле проект туркменских альманахов представляет особый исследовательский интерес.

В настоящей работе мы опираемся как на ту академическую литературу, которая имеет непосредственное отношение к проблеме, так и на ту, которая рассматривает ее шире. В первую очередь это диссертация и статьи К. Холт и статья Н. Скакова «Культура полтора». Мы не во всем согласны с последней, однако она стала для нас источником сведений, которые проливают свет на структуру и динамику советских литератур. Фоном для туркменского материала послужила диссертация Ю. М. Козицкой, написанная на казахстанском материале. Ю. М. Козицкая рассматривает тему в несколько ином ракурсе, однако проблематизирует ее в русле, схожем с оптикой настоящей работы. Принципиальным для нас здесь будут отличия туркменской ситуации от казахстанской.

³⁵ Там же. С. 27.

³⁶ Что касается литературы и культуры, здесь стоит упомянуть в первую очередь отношения с местными интеллектуалами-джадилами — представителями прогрессивного ислама, которые поначалу пытались установить контакт с советской властью, однако затем сами же могли быть обвинены в национализме. Понятия «националистический» и «национальный» для советской культуры этого периода — принципиальные концепты. С одной стороны, речь идет о сохранении «национальной формы» и формировании новой идентичности, с другой — звучат обвинения в «местном национализме», «пантюркизме» и т. п.

В статье «Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism» К. Холт речь идет в первую очередь о месте рассказа «Такыр» А. П. Платонова в альманахе «Айдинг-Гюнлер». Эта статья имеет для нас принципиальное значение, так как в ней ставится вопрос об альманахе как коллективном литературном продукте. И хотя, на наш взгляд, рассказ Платонова выбивается из общей структуры альманаха, соображения исследовательницы формируют необходимый ракурс рассмотрения материала.

Холт обозначает коллективное авторство как «коллаборацию группы авторов в создании одного произведения или их серии» и подразделяет типы такого авторства на «сильное» (strong), «слабое» (weak) и «невывяляемое» (unacknowledged)³⁷, подразумевая, по-видимому, что альманах «Айдинг-Гюнлер» относится к сильному типу (в качестве примера другой такой книги упоминается альманах о Беломоро-Балтийском канале). Холт затрагивает важную тему. По ее мнению, рассказ Платонова не должно рассматриваться не изолированно, а на фоне содержания всей книги. Исследовательница бегло сравнивает «Такыр» с повестью П. Г. Скосырева «Оазис», которой открывается альманах.

И хотя фокус настоящей работы подразумевает выявление в первую очередь того, что привносили изучаемые альманахи в конструирование туркменской литературы в 1930-е гг., позиция Холт, а именно — предложение рассматривать альманах как комплекс взаимосвязанных текстов, сходна с нашей.

Мы также согласны с тезисами, которые исследовательница выдвинула в другой статье — «Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936». Эта статья обозначает близкий нам

³⁷ Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 57–83. P. 58.

ракурс рассмотрения той литературной продукции, которая и должна была стать образцами «национальной литературы СССР». Полемизируя с Добренко, Холт замечает: «И хотя я согласна, что литература эпохи сталинизма создавалась в первую очередь не для самовыражения, я все же настаиваю, что Лахути и Джамбул заслуживают внимания как индивидуальности, ведь именно их использовали для того, чтобы сделать центральноазиатским “лицом” для послания вождя и легитимировать широко известные переводческие проекты, которыми ставило перед собой советское государство»³⁸. Как и для Холт, для нас важны индивидуальные писательские стратегии.

Наконец, в диссертации «The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935» Холт использует понятие «иконографии» для того, чтобы описать, каким образом Туркменистан был репрезентирован в русскоязычных литературе и кино³⁹. Эта работа послужила для нас важным ресурсом, аккумулировавшим часть источников, на которые мы опираемся, когда речь идет о путешествии писательских бригад. Именно у Холт академически осмысливается попытка «познать Туркмению изнутри», то есть задача, которая ставилась перед писателями. Как представляется, эта принципиальная установка повлияла на характер взаимоотношений между русскоязычными писателями и туркменскими авторами.

Объект настоящего исследования — альманахи 1930-х гг., написанные по материалам писательских бригадных поездок в Туркменистан. Мы рассмотрим как историю их создания, так и внутреннюю структуру, которая

³⁸ Holt K. Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936 // Cahiers d'Asie centrale. 2015. No. 24. P. 217.

³⁹ Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013.

формировалась исходя из соотношения между переводами с туркменского языка и русскоязычными текстами. Отдельно следует рассмотреть вопрос о горизонтальных связях между литературами советских республик (таким образом, хотя взаимоотношения «центр—периферия» выходят на первый план, речь пойдет также и о двух случаях, когда в альманахах появлялось произведение прозаика из Осетии (Хаджи-Мурат Мугуев) и поэта из Армении (Азат Вштуни)). Настоящее исследование предполагает заполнение тех лакун, которые были ранее не освещены в академической литературе или же привлекались для исследований, исходящих из других задач. К сожалению, доступ к архивам Туркменистана в настоящее время затруднен в силу политических причин, и далеко не все оригиналы туркменских текстов удалось обнаружить (это связано в том числе с репрессиями среди туркменских литераторов в 1930-х гг., а также с тем, что, вероятнее всего, некоторые тексты из альманахов не предполагалось перепечатывать в сборниках отдельных авторов; часть оригиналов найдена в Российском государственно архиве литературы и искусства, далее — РГАЛИ). Также исследование предполагает обращение к периодике — газетным материалам, печатавшимся в Туркменистане во время писательских поездок, и литературной критике (впрочем, материал последней достаточно скуден).

Предмет исследования — конструирование туркменской литературы СССР в 1930-е гг. Этим обусловлены как выбор материала, о чем было сказано выше, так и теоретическая рамка исследования. Для понимания развития литературного конструкта нами будут привлечены как историко-литературные, так и сугубо исторические исследования. Последние помогают прояснить общий фон литературной ситуации в 1930-е гг. в Центральной Азии. Как представляется, для литератур советской периферии требуется корректировка как постколониальной, так и советологической оптики.

Материал исследования составляют тексты туркменских и русскоязычных писателей (а также одно произведение осетинского автора и одно — армянского), вышедшие на страницах альманахов в их взаимодействии в рамках проекта. Привлекаются архивные материалы, которые хранятся преимущественно в РГАЛИ, а также в Архиве Российской академии наук (далее — АРАН⁴⁰) — как личные фонды советских писателей (в частности, Г. А. Санникова), так и фонды организаций (Союз советских писателей, Государственное издательство художественной литературы). Также исследование предполагает обращение к статьям в газете «Туркменская искра», печатавшимся в Туркменистане во время писательских поездок, и литературной критике.

Цель исследования — рассмотреть механизмы, по которым конструировалась туркменская литература на страницах альманахов, а также проследить репрезентацию Туркменистана в русскоязычных текстах из альманахов. Для реализации цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать предпосылки создания альманахов «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936), на страницах которых соседствовали туркменские и русскоязычные тексты.

2. Выделить внетекстовые элементы книги (графика, фото, иллюстрации), которые также формируют у читателя образ туркменской литературы, и соотнести их с опубликованными текстами.

3. Проследить культурно-политический фон конструирования туркменской советской литературы.

4. Проанализировать альманахи как продукт коллективного творчества, то есть представить их структуру как результат взаимодействия

⁴⁰ Благодарим А. Р. Ихсанова за помощь в работе с документами АРАН.

русскоязычных и туркменских текстов, а также рассмотреть случаи горизонтальных связей (Азат Вштуни и Хаджи-Мурат Мугуев).

5. Рассмотреть специфику перевода с туркменского на русский, в частности, сопоставить переводы для альманахов и позднейшие, чтобы выявить, какие аспекты были характерны именно для переводов 1930-х гг.

6. Проследить восприятие альманахов в критике.

Степень научной разработанности темы. В современных исследованиях в области истории литературы рассмотрены вопросы, значимые для формирования общего представления о специфике литератур советской периферии и явлении советской многонациональной литературы (С. Франк⁴¹, Н. Скаков⁴², Ч. Г. Гусейнов⁴³, О. В. Быстрова⁴⁴, Е. А. Добренко⁴⁵ и др.). Существенное значение имеют исследования, касающиеся конкретных литератур республик советской Центральной Азии 1930-х гг. (Ю. М. Козицкая⁴⁶, К. Холт⁴⁷, Д. Кудайбергенова⁴⁸ и др.). Отдельно разрабатываются тема советского ориентализма (К. С. Соколов⁴⁹ и др.) и

⁴¹ Франк С. К. Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 230–247; Frank S. “Critical Appropriation of Literary Heritage” and the Shaping of Soviet National Literatures: A Close Reading of the Debate in the Journal *Literaturnyi kritik* (The Literary Critic, 1933–36) // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. Iss. 4. P. 891–913.

⁴² Скаков Н. Культура Полтора // Новое литературное обозрение. 2020. № 161. С. 104–123.

⁴³ Гусейнов Ч. Г. Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Советский писатель, 1988.

⁴⁴ Быстрова О. В. Влияние М. Горького на развитие национальных литератур // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 76–82.

⁴⁵ Dobrenko E. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // *The Literary Field under Communist Rule*. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. 3–17; Dobrenko E. Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932 // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. Iss. 4. P. 869–890.

⁴⁶ Козицкая Ю. М. Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022; Козицкая Ю. М. «Язык мой неспокоен...»: эротические песни акына Джамбула Джабаева // Новое литературное обозрение. 2020. № 165. С. 113–128.

⁴⁷ Holt K. Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936 // *Cahiers d'Asie centrale*. 2015. No. 24. P. 213–238.

⁴⁸ Kudaibergenova D. Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lanham, MD & London: Lexington Books, 2017.

⁴⁹ Соколов К. С. Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 123–130.

вопросы перевода в 1930-е гг. (Е. Е. Земскова⁵⁰, С. Витт⁵¹ и др.). Поездками писательских бригад в рамках туркменского проекта занималась К. Холт⁵². Отдельное внимание в связи с этим уделялось А. П. Платонову (Н. В. Корниенко⁵³, Е. А. Роженцева⁵⁴, К. Холт⁵⁵). Однако полного анализа туркменских альманахов ранее не проводилось, также они не помещались в контекст конструирования литературы советской периферии.

Научная новизна исследования определяется тем, что туркменский проект практически не изучен. Диссертация К. Холт преимущественно рассматривает тексты русскоязычных писателей и феномен бригадного, коллективного творчества, по сути — формирование образа Туркменистана в их текстах. Холт сосредоточена на альманахах «Туркменистан весной» (1932) и «Айдинг-Гюнлер» (1936). Первый включал только произведения русскоязычных авторов, и мы рассматриваем лишь историю его создания для понимания предпосылок. Второй альманах мы рассматриваем целиком, тогда как Холт затрагивала отдельные тексты, в частности, повесть «Оазис» П. Г. Скосырева. Произведения из альманаха мы рассматриваем под иным фокусом: конструирование туркменской советской литературы. Помимо материалов, уже подобранных К. Холт и биографами А. П. Платонова, мы обращаемся к ранее не опубликованным, а те из них, которые уже были

⁵⁰ Земскова Е. Е. Переводчики с языков национальных республик в советской литературной критике середины 1930-х годов // Новый филологический вестник. 2016. № 4 (39). С. 167–177.

⁵¹ Witt S. The Shorthand of Empire: *Podstrochnik* Practices and the Making of Soviet Literature // *Ab Imperio*. 2013. No. 3. P. 155–189; Witt S. Institutionalized Intermediates: Conceptualizing Soviet Practices of Indirect Literary Translation // *Translation Studies*. 2017. Vol. 10. P. 166–182.

⁵² Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013.

⁵³ Корниенко Н. В. «Андрей Платонов: “Туркмения — страна иронии”» // *Нация. Личность. Литература*. Вып. 1. М., 1996. С. 98–122.

⁵⁴ Роженцева Е. Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // *Архив Андрея Платонова*. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 396–405; Роженцева Е. Туркмения в письмах и записных книжках А. Платонова и В. Козина // *Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения*. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 294–306.

⁵⁵ Holt K. Collective Authorship and Platonov’s Socialist Realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 57–83.

использованы в других академических работах, анализируем во взаимодействии с туркменской советской литературой.

Актуальность работы обусловлена обозначенными во Введении продолжающимися дискуссиями относительно литератур советской периферии, а также сталинской национальной политики в общем. Рассмотрение конкретного случая может внести вклад в академическое осмысление как понятия «советская литература», так и национальной политики в области литературы, а также очертить схему взаимодействий между центром и периферией.

Методологической и теоретической основой исследования является комплексный междисциплинарный подход, подразумевающий историко-литературный анализ печатных и архивных материалов, текстологическую работу, а также рассмотрение материала с точки зрения социологии литературы и культурной истории региона.

Теоретическую основу диссертации составили труды, посвященные советскому литературному канону, советской публичной сфере, концептуализации истории советской Центральной Азии (М. О. Чудакова, К. Кларк, Дж. Брукс, А. Халид). Историко-литературную основу исследования определили положения и выводы научных трудов К. Холт, Ю. М. Козицкой, Н. В. Корниенко, Е. А. Роженцевой, С. Витт, Д. Кудайбергеновой. При описании вопросов, связанных с историческим процессом в советской Центральной Азии мы опирались на работы Э. Л. Эдгар и А. Халида.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования определяются системным подходом к анализу текстов и структуры альманахов, обращением к ряду архивных материалов личного и институционального характера.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Материалы писательских поездок демонстрируют, что туркменская советская литература считалась нуждающейся в обучении. Тем не менее туркменские литераторы сохраняли свою самостоятельность, так как перед ними стояла задача сформировать свой национальный канон в рамках советского.

2. Газетные публикации, а также документы личного характера и русскоязычные тексты из альманахов говорят о том, что конструирование советской туркменской литературы нельзя рассматривать как однонаправленное от центра к периферии; также альманахи стали площадкой для проявления горизонтальных связей между литературами советских республик. Русскоязычные тексты в альманахах следует также считать продуктом туркменского проекта.

3. Обращение к переводам из туркменской поэзии XVIII–XIX вв., а также дискуссии о ней в прессе и архивные материалы на эту тему позволяют заключить, что новая советская туркменская литература рассматривала авторские тексты прошлого как часть своего фундамента.

4. В альманахах нашла отражение реализация политических задач, которые были актуальны для молодой советской идеологии в республиках Центральной Азии.

5. Воспроизведение характерных литературных моделей создавало иллюзию альманаха как единого коллективного текста, однако это происходило не из-за унификации переводов, а из-за того, что автор должен был соответствовать определенным ожиданиям.

6. Реакция на альманахи в критике, а также газетные дискуссии о литературе и языке закрепляли ряд риторических формул, которые затем активно использовались как положительные (правдивое, национальное) или отрицательные (экзотическое, националистическое).

Теоретическая значимость работы заключается в концептуализации характера советского литературного процесса в отдельном регионе. В диссертации переосмысляется ряд теоретических положений, связанных с изучением литератур советской периферии и предлагается иная концепция. **Практическая значимость** работы заключается во введении в научный оборот нового материала. Результаты работы могут быть использованы для формирования курсов по истории литературы.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова:

1. *Бурцева А. О.* Советская “оборонная литература” начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 34–42. ИФ РИНЦ — 0,299

2. *Бурцева А. О.* Народная музыкальная культура Туркменистана как предмет изображения в альманахе «Айдинг-Гюнлер» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 6. С. 160–172. ИФ РИНЦ — 0,264.

3. *Бурцева А. О.* Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: от колониального гнета к сталинскому раю // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 303–317. SJR — 0,2.

4. *Бурцева А. О.* Освобожденная женщина Туркменистана: два перевода из поэмы Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 2. С. 205–214. ИФ РИНЦ — 0,264.

В других изданиях:

5. *Бурцева А. О.* Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: предварительные наблюдения // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 125–148. ИФ РИНЦ — 0,067.

6. *Бурцева А. О.* Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 269–286.

7. *Бурцева А. О.* Книжная графика в альманахе «Айдинг-Гюнлер»: издательская стратегия и литературный контекст // Эйхенбаумовский сборник. М.: Издательство «Литературный музей», 2020. С. 76–86.

8. *Бурцева А. О.* Репрезентация быта и культуры как редакционная задача альманаха к 10-летию Туркменистана «Айдинг-Гюнлер» // Эйхенбаумовский сборник. М.: Издательство «Литературный музей», 2020. С. 65–75.

9. *Бурцева А. О.* Познание «изнутри» и «снаружи»: литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // Текстология и историко-литературный процесс. Сборник статей VIII Международная конференция молодых исследователей. М.: Буки-Веди, 2020. С. 160–175.

Положения и выводы исследования были апробированы в следующих докладах, представленных на международных научных конференциях: 1) Рассказ А. П. Платонова «Такыр»: Повествовательные стратегии для азиатской темы (VI Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс». МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, 9–11 марта 2017 г.). 2) Стратегия заглавия в советском коллективном писательском сборнике (на примере альманаха «Айдинг-Гюнлер») (XXI конференция из цикла «Феномен заглавия» —

Заглавие и жанр, ИМЛИ РАН, РГГУ, Москва, Россия, 7–8 апреля 2017 г.). 3) Народная музыкальная культура Туркмении как предмет изображения в советской литературе 1930-х годов (VII ежегодная научная конференция аспирантов и молодых ученых «Механизмы репрезентации образов в искусстве», ИМЛИ РАН, Москва, Россия, 4–5 октября 2018 г. 4) Познание «изнутри» и «снаружи»: советская литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. (VIII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, 21–23 марта 2019 г.). 5) «Национальная по форме, социалистическая по содержанию»: Языковая идентичность туркменского пролетарского писателя и переводчика в 1930-х (Конференция молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика», Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, 29–30 марта 2019 г.). 6) Подстрочник, перевод, либретто: как менялся «национальный» текст («Многонациональная советская литература»: идеология и культурное наследие, НИУ ВШЭ, Москва, Россия, 24–25 мая 2019 г.). 7) «Двойной гнет» и «сталинский рай»: Конструирование новой национальной литературы вокруг юбилея Туркменской ССР (IX Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, 15–17 октября 2020 г.). 8) The Right Words: Soviet Translations from Turkmen Poetry in the 1930s between Conformity and Author's Intention (52nd Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies Annual Convention, Вашингтон, США, 5–8 ноября 2020 г.). 9) «Взятый в схватке с басмачами замечательный ковер»: Воображаемый Восток в советской оборонной поэзии (Эффект правдоподобия и проблема литературного воображения: к культурной истории феномена, МГУ, Москва, Россия, 13–14 ноября 2020 г.).

10) Friendship Lives in Our Hearts: Soviet Translations from Turkmen Women's Literature (53rd Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies Virtual Convention, Новый Орлеан, США, 1–3 декабря 2021 г.). 11) Роман Петра Павленко «На Востоке»: рецепция в СССР и за рубежом (XX международная конференция молодых ученых «Векторы развития России», МВШСЭН, Москва, Россия, 15–17 апреля 2022 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложений. В *первой главе* мы обращаемся к истории создания туркменских альманахов. Мы как прослеживаем историю создания альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения», так и анализируем первый туркменский бригадный проект — альманах «Туркменистан весной», составленный из текстов Г. А. Санникова, Л. М. Леонова, Н. С. Тихонова, В. А. Луговского, П. Г. Скосырева и П. А. Павленко. Мы подробно рассматриваем, как поездка освещалась в местной прессе, как свою задачу видели сами писатели, как формировались их отношения с местными литераторами. История создания альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» рассматривается на фоне второй бригадной поездки.

Вторая глава посвящена собственно текстовому наполнению альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения». Проанализирована структура книг и соотношение текстов друг с другом. Тексты рассмотрены на фоне публичных заявлений по поводу конструирования туркменской литературы в СССР. Также рассматривается характер переводческой деятельности.

В *третьей главе* речь идет об оформлении альманахов, в первую очередь — о графике Рувима Мазеля, помещенной в альманахе «Айдинг-Гюнлер». Связь изображений с текстами прослеживается достаточно четко,

кроме того, нами привлекается работа 1930-х гг. о графике Мазеля, где отражены характерные положительные и отрицательные оценки.

Четвертая глава посвящена реакции на альманахи в критике (А. Роскин, Ю. Севрук, А. Адалис, Рухи Алиев). Анализ публикаций и архивных материалов позволяет выявить, насколько успешным воспринимался проект, какие риторические формулы закреплялись за образом туркменской литературы, а также как оценивались тексты русскоязычных авторов.

В *приложении 1* к диссертации уточнен комментарий Н. В. Корниенко в записным книжкам А. П. Платонова туркменского периода. В *приложении 2* представлены иллюстрации.

Глава 1. История создания туркменских альманахов

Предметом нашего исследования являются альманахи «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936). Кроме того, для понимания обстоятельств их создания важна история альманаха «Туркменистан весной», который включал только произведения русскоязычных авторов. Эти издания имели не локальный, а общесоюзный характер, так как выходили в московских издательствах («ГИХЛ» и «Советский писатель»). История создания альманахов связана с ориентацией советских издательских проектов на «национального читателя», которая, как представляется, была связана с политикой размежевания республик советской Центральной Азии и коренизации⁵⁶ и стала проявляться еще до Первого съезда советских писателей в 1934 г. В процитированных во Введении к диссертации документах ОГИЗ можно найти информацию о том, какие задачи ставились перед издательствами, чтобы привлечь читателя, и не стать убыточными.

Вероятнее всего, политика в области литератур периферии коренилась еще в деятельности РАПП⁵⁷. Ситуация Центральной Азии в этом смысле пока освещена мало, хотя существуют работы, описывающие культурную политику в республиках в целом⁵⁸.

⁵⁶ Подробно о коренизации, которая заключалась в том числе в формировании национальной идентичности см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 176–255.

⁵⁷ Так, Ю. М. Козицкая в диссертации о казахской литературе 1930-х гг. обращается к деятельности КазАПП. См.: *Козицкая Ю. М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022. С. 24–26.

⁵⁸ Некоторые из них: *Халид А.* Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период. СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. *Kassymbekova B.* Despite Cultures. Early Soviet Rule in Tajikistan. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2016.

1.1 Альманах «Туркменистан весной» как первый туркменский бригадный проект

Изданию альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» предшествовал выпуск альманаха «Туркменистан весной» в 1932 г. Альманах 1932 г. был создан по материалам поездки писательской бригады ОГИЗа и «Известий ЦИК СССР» в составе Л. М. Леонова, В. А. Луговского, В. В. Иванова, П. А. Павленко, Г. А. Санникова и Н. С. Тихонова. Творчество всех этих писателей так или иначе было связано с восточной темой. В диссертации К. Холт «The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921–1935» мы можем обнаружить подробности этой поездки⁵⁹. Бригада отправилась в Туркменистан 22 марта 1930 г. В источниках, которыми пользуется Холт, встречаются очевидные указания на то, что набор авторов был не случаен — все они так или иначе имели отношение к Востоку. Тихонов был непосредственно знаком с Туркменистаном, так как бывал там ранее, и тема его чрезвычайно волновала. Санников, еще будучи членом «Кузницы», путешествовал по Южному Кавказу и Персии⁶⁰, Павленко давно разрабатывал восточную тему и бывал в Малой Азии, а Иванов был родом из Семипалатинска. Холт утверждает, что только Леонов и Луговской не имели прямого отношения к Востоку, хотя оговаривается, что первый из них спорадически касался темы. Что касается Луговского, уже после поездки его фигура стала прочно ассоциироваться с борьбой с басмаческим движением в период Гражданской

⁵⁹ См.: *Holt K.* The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013.

⁶⁰ В его записных книжках встречаются также обширные записи о поездке в Казахстан. РГАЛИ.

войны и в его произведениях в значительной степени отразились тема службы на границе⁶¹.

Бригада посетила Ашхабад, Мары, Кушку, Иолотань, Байрам-Али, Керки и Чарджоу. В записных книжках Санникова можно найти подробные заметки, которые он составлял во время путешествия (записи легко датируются 1930 г. по упоминанию о смерти В. В. Маяковского⁶²). Приведем выдержки из них, которые помогают уточнить маршрут бригады.

28 марта Санников отмечает: «Приехали в Ашх[абад] Вечером встреча в редакции с представ[ителем] правительства»⁶³. 7 апреля он делает запись о посещении «семхоза Байрам-Али»⁶⁴ и пометы о поливе растений, 8 апреля упоминает «поселок Мургаб»⁶⁵. Даты в записной книжке по неясной причине идут не подряд, следующая помета относится к 4 апреля — упоминается «колхоз Безмеин»⁶⁶ и два собрания, а выше — «город Безмеин»⁶⁷. В записи от 6 апреля читаем: «Приехали в Мерв. Дождь, грязь»⁶⁸. Отсюда писатели направляются в колхозы «Азатлык-Ленин (Ленин[ская] свобода), Сталин, Большевик, и Кызыл-Октябрь»⁶⁹, а вернувшись в Мары, Санников описывает свои впечатления от базара. Затем Санников делает помету «Выехали в Кушку.

⁶¹ Так, Н. А. Громова в книге об эвакуации писателей во время Второй мировой войны приводит следующие слова О. М. Грудцовой, обращенные к Луговскому: «Всем простили спокойную совесть, с которой люди устраивались в тылу, ловкость, с которой добывали брони, ты же не обязан был воевать, но тебе не простили ничего. Не простили твоих ружей и сабель, выставленных вдоль стены в кабинете, твоих рассказов о борьбе с басмачами... Они до сих пор считают, что ты их обманул» (*Громова Н. А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: АСТ, 2018. С. 71*).

⁶² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 7.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 3.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 3об.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 4.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 6.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 5об.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 7. Имеется в виду, по-видимому, не древний город Мерв, а Мары.

⁶⁹ Там же.

Иолотань»⁷⁰ и описывает дорогу на реку Мургабу к месту ее слияния с Кушкой. Далее читаем: «В Кушку приехали ночью — 12 ч. Холодно. Встретили, разместили всех в одной комнате»⁷¹. Утром 9 апреля Санников описывает свои впечатления от города и природы Туркменистана. 16 апреля бригада возвращается в Мары, 17 — едет в Байрам-Али, 20 — выезжает в Керки, 21 — посещает Бухару (Санников делает помету «Умиряющий город»⁷²), 23 — прибывает в Керки, переправившись через Аму-Дарью, и совершает оттуда поездку в колхоз и на пограничный пункт, 26 — едет на Узбой (пересохшее русло древней реки) и возвращается в Керки, чтобы отправиться в колхозы Карла Маркса, Калинина и Ленина. Записи о Чарджоу, по-видимому, не сохранились.

Поездка, таким образом, была достаточно интенсивной. Санников делает разные пометы о сельском хозяйстве, производстве хлопка, вступлении в колхоз, положении женщины, ситуации на границе с Афганистаном и даже об эротическом фольклоре. Отдельно он описывает свои впечатления от туркменской природы.

К. Холт отмечает, что писатели пытались выстроить новые траектории в литературном поле по нескольким параметрам, в том числе по принципу коллективного творчества, продуктом которого она считает альманахи⁷³. Действительно, если пытаться применить к советскому литературному процессу понятие манифестации (подчеркнем еще раз, что оно в данном случае будет работать иначе, нежели в классической схеме Бурдьё), то в данном случае бригада манифестирует именно как группа, перед которой

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 7об. Последний топоним написан неразборчиво.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 7об.

⁷² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 7об. Писателям пришлось ехать через Узбекистан, так как в то время прямой железной дороги вдоль Аму-Дарьи из Мары в Керки не было.

⁷³ См.: *Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 285.*

стоит коллективная задача. Показательны в этом смысле выступления писателей в прессе. 1 апреля 1930 г. в газете «Туркменская искра» вышла «Беседа с участниками первой бригады писателей»⁷⁴. Материал занимал половину полосы и представлял собой подборку высказываний членов бригады о Туркменистане. Приведем ключевые, на наш взгляд, фрагменты.

Реплика Санникова озаглавлена «Подсмотреть незаметное», и в ней говорится, в частности, следующее: «Наш приезд бригадой в Советский Туркменистан я рассматриваю, как первую организованную попытку изучить Туркменистан во всем его многообразии труда, борьбы и строительства, подсмотреть порой незаметные для простого глаза процессы преобразования Советского Востока, углубиться в их революционную, социалистическую сущность и написать об этом»⁷⁵.

Иванов, чье высказывание названо «Коллективным трудом», подчеркивает, собственно, коллективный характер работы над литературными произведениями, а также одной из своих целей видит «изучение революционного прошлого наших республик, изучение наших побед и поражений»⁷⁶.

В реплике Павленко «Первая попытка» подчеркивается: «Наш план — **написать коллективную книгу, книгу всех жанров <...>** Это — первая попытка в литературе посмотреть **глазами писательского коллектива** на одни и те же факты и события»⁷⁷.

⁷⁴ Для чего мы приехали в Туркмению. Беседа с участниками первой бригады писателей // Туркменская искра. 1930, 1 апреля. В фонде Союза советских писателей (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57) и в фонде Санникова (РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90) в РГАЛИ также хранятся газетные вырезки, в том числе этот материал. Цитаты из интервью также приводит К. Холт по этим вырезкам. См.: *Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 114.*

⁷⁵ Для чего мы приехали в Туркмению. Беседа с участниками первой бригады писателей // Туркменская искра. 1930, 1 апреля.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. Выделено в источнике.

Самое обширное высказывание — «Познать новую Туркмению» — принадлежит Луговскому. Здесь о коллективном творчестве речи не идет, напротив, он пишет о личных намерениях: «дать» цикл стихов о Туркмении, в том числе об ирригации, биографии «новых людей Туркмении» «в виде поэмы», очерки о туркменской культуре и борьбе с пустыней в стихах в московские газеты и журналы, а также «радио-фильм» — «произведение о Туркмении, построенное на звуковых образах»⁷⁸. Кроме того, Луговской заговаривает о туркменской литературе: «В такой же степени меня интересуют переводы с туркменского языка, при чем (sic!) не только современных поэтов, но и старых, так как мне хочется уловить подлинно национальные черты туркменской литературы.

В одинаковой степени меня интересует и русская литература о Туркмении»⁷⁹.

Краткие реплики Тихонова и Леонова носят названия «Подвести итог своим работам» и «Своими глазами». Тихонова, так же как и Луговского, интересует туркменская литература, он хочет написать цикл стихов, ознакомиться с «оседанием кочевников» и ходом коллективизации, «проследить за историей гражданской войны в Туркмении, а также «написать сценарий из жизни туркмен»⁸⁰. Леонов же подчеркивает необходимость борьбы с «экзотикой» за новую культуру⁸¹.

Таким образом, двое из участников бригады (Иванов и Павленко) подчеркивают коллективный характер творчества, двое (Луговской и Тихонов) говорят о личных амбициях. Высказывание Санникова

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Экзотика здесь понимается, по-видимому, как чрезмерное увлечение ориентальными мотивами.

расположено сверху полосы в левом углу, так как должно, по-видимому, восприниматься как общая декларация. Ключевым тезисом всех реплик становится необходимость «познать Туркмению» и изучить, как она меняется, как рождается «новый советский человек». Писатели обозначают интересные им темы, однако сходятся в одном: они собрались для того, чтобы «подсмотреть незаметное», фактически — открыть Туркменистан для советского читателя. Для нас здесь значимо обращение к туркменской литературе, как современной, так и дореволюционной. Таким образом подчеркивается, что культура должна не просто развиваться в сторону «центра», но и «центр» должен осваивать «периферию», формируя отношение к литературам Центральной Азии, что, как представляется, подготавливает их «революционное развитие». Проекты литературы о республике и литературы республики оказываются взаимосвязаны.

Помимо вышеназванного материала, в «Туркменской искре» поездка писателей освещалась и в других публикациях. Бригада впервые упоминается на ее страницах 17 марта 1930 г. в заметке «Ударная бригада писателей. В Туркменистан приедут Вс. Иванов, Павленко, Луговской, Тихонов и Санников». Приведем ее полностью: «Москва, 16 марта. Ударная бригада из пяти писателей Вс. ИВАНОВА, ПАВЛЕНКО, ЛУГОВСКОГО, ТИХОНОВА И САННИКОВА по приглашению Наркомпроса Туркменистана выезжает через неделю на два месяца в Туркменистан.

Писатели поставили перед собой задачу ОЗНАКОМЛЕНИЯ С КОЛХОЗНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ И МЕСТНОЙ КУЛЬТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ.

В результате изучения различных моментов культурно-бытовой и сельско-хозяйственной жизни Туркменистана, эта группа писателей

предполагает ИЗДАТЬ ДВЕ КНИГИ, как первый опыт коллективного творчества»⁸².

Обратим внимание на фрагменты, выделенные прописными буквами. Помимо фамилий писателей, здесь актуализируется их задача и предполагаемый результат. Освещение колхозного строительства — важная тема для Центральной Азии этого периода. По сути, регион был мало подготовлен к этому, как отмечает А. Халид: «Число тракторов было исчезающе малым, и могло соперничать только с количеством механиков, умевших их обслуживать»⁸³. Также важно упоминание о приглашении Наркомпроса Туркменистана — подчеркивается, что деятельность бригады была не московской, а местной инициативой. Таким образом, в заметке туркменская сторона становится актором ситуации, а не пассивным наблюдателем. В целом, об инициативе самой периферии было выгодно говорить, так как в Центральной Азии достаточно остро стоял вопрос об укоренении советской власти. Достаточно здесь упомянуть так называемый Асхабадский мятеж 1918 г. См. также у Халида (описывается период сплошной коллективизации): «В Туркменистане вооруженное сопротивление распространилось на четырнадцать из тридцати восьми районов с эпицентром в пустыне Кара-Кум»⁸⁴. По всей видимости, имеется в виду также восстание 1931 г., описанное в книге Т. К. Алланиязова «Красные Каракумы»⁸⁵. Подчеркнутое желания самой туркменской стороны видеть у себя гостей

⁸² Ударная бригада писателей. В Туркменистан приедут Вс. Иванов, Павленко, Луговской, Тихонов и Санников // Туркменская искра. 1930, 17 марта.

⁸³ Tractors—those ubiquitous symbols of Soviet progress—were exceedingly rare, and their scarcity was matched only by that of mechanics who could service them (*Khalid A. Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 225*).

⁸⁴ In Turkmenistan, armed rebellion spread to fourteen of that republic's thirty-eight districts, with its epicenter in the Karakum Desert (*Ibid.*).

⁸⁵ См.: Алланиязов Т. К. Красные Каракумы. Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март-октябрь 1931 года). Алматы: б. и., 2006.

из центра создавало представление о том, что культурная политика СССР не насаждается механически, а дополняет существующую ситуацию.

Упоминание о коллективном характере творчества, которое звучало и в выступлении Павленко, также значимо. Как отмечает Холт, именно коллективность была одной из основополагающих установок для работы с подобными альманахами (впрочем, в ее статье, посвященной проблеме коллективного творчества, речь идет о следующем — «Айдинг-Гюнлер»)⁸⁶. Конечно, воплотить эту коллективистскую утопию было невозможно, однако тесное общение писателей между собой могло породить определенные формы влияния. Тем не менее каждый из них придерживался «своей» темы и «своей» поэтики. В целом же, концепция коллективности, «бригадного творчества» в период начала-середины 1930-х гг. была характерна для советской литературы⁸⁷. Бригада не была уникальной (хотя в «Туркменской искре» она названа первой), подобные проекты позднее будут осуществляться в других республиках, например, в Узбекистане и в Грузии.

Намерение издать две книги, по-видимому, осуществлено не было, альманах по материалам этой поездки вышел только один, причем не все материалы соответствовали заявленной теме, так, «роман в стихах» Санникова «В гостях у египтян» рассказывает о ташкентском ГПУ, Туркменистану посвящена только глава третья, которая поделена на четыре части: вступительную и три «туркменбаллады», как их обозначил сам автор: «О Келифском пути», «О туркменском ковре» и «О погибшем колхозе». Мы

⁸⁶ См.: *Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 57–83.*

⁸⁷ Так, О. В. Быстрова упоминает о большом количестве писательских бригад (см.: *Быстрова О. В. Влияние М. Горького на развитие национальных литератур // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 79.* См. также у Холт (сформированную к 1934 г. Туркменскую комиссию Союза советских писателей исследовательница называет самой продуктивной): *Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 179–184.*

предполагаем, что эта глава была добавлена отдельно — для привязки произведения к задачам бригады. Писатели путешествовали по железной дороге, которая проходит через Ташкент, таким образом, Санников использовал материалы, набранные в ходе передвижения по Узбекистану.

31 Марта 1930 г. в «Туркменской искре» был опубликован «Горячий, товарищеский привет мастерам слова, приехавшим изучать Советский Восток»⁸⁸. Две заметки под заголовками «Первая ударная» и «Товарищеская встреча» предваряются следующим утверждением: «ЗАДАЧА НАШИХ ХУДОЖНИКОВ: полнее изобразить в своих произведениях каждый момент невиданной стройки, каждый этап нашего пути к социализму, по которому пойдут угнетенные народы Востока»⁸⁹. Обращает на себя внимание здесь слово «угнетенные», которое используется для обозначения дореволюционной ситуации. Советская власть призвана освободить народы Востока от «гнета», в том числе за счет литературного творчества, которое формирует новое сознание и новую литературную элиту. Верно и обратное: молодые туркменские литераторы должны участвовать в этой борьбе за читателя. Это подчеркивается риторически, например: «Приезд московских товарищей имеет не столько литературное, сколько огромное культурное значение, являясь новым подтверждением той интернациональной спайки, которая с каждым годом крепнет между братскими республиками нашего великого Союза»⁹⁰. Далее в заметке цитируется речь Сталина, в которой впервые в идеологическом дискурсе эпохи появляются мысли о литературе, пролетарской (пока еще не социалистической) по содержанию

⁸⁸ Горячий, товарищеский привет мастерам слова, приехавшим изучать Советский Восток // Туркменская искра. 1930, 31 марта. Подчеркивание в источнике.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

и национальной по форме⁹¹. Подчеркнутая антиколониальная направленность заметки отражается в следующем утверждении: «Приезд бригады московских писателей, составленной из лучших мастеров художественного слова, красноречиво опровергает все буржуазные басни о “литературном империализме”»⁹². Наконец, речь заходит и о литературе Туркменистана: «Большое значение приезд ударной писательской бригады имеет еще и для установления связи с молодой советской литературой Туркмении. <...> Она расцветет еще пышнее, если будет установлен тесный контакт с литературой братских республик, художественно более сильной, нежели литература туркменская»⁹³.

Обратим внимание на два аспекта. СССР здесь предстает принципиально антиимпериалистическим государством (что в целом было характерно для риторики тех лет). Важность отделить себя от понятия имперского сказывается на представлении о антиколониальном характере советской внутренней политики. Характерно также, что речь идет не просто об империализме, а о литературном империализме. В литературной критике тех лет эта тема поднимается постоянно, например, в связи с творчеством Р. Киплинга. Так, например, в рецензии А. И. Роскина на альманах «Айдинг-Гюнлер (подробнее о ней будет сказано в главе 4) находим следующее утверждение: «Искусной лжи Киплинга <...> советские писатели должны противопоставить полную жизни и красок картину роста и расцвета прекрасных окраин нашей страны»⁹⁴. Отношение к творчеству Киплинга,

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Роскин А.* Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 6. Однако, как отмечает К. С. Соколов: «Интерес к творчеству “певца британского империализма” пережил революцию и, вопреки очевидной противоположности политических взглядов, воплотился в неоромантическом колониалистском пафосе строителей коммунизма на юго-восточных рубежах советской империи» (*Соколов К. С.* Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–

впрочем, было противоречивым. Киплинга хвалили за художественное дарование, но порицали за империализм. В статье И. А. Поплавской и В. С. Пичугиной упоминается отзыв Д. П. Святополка-Мирского, опубликованный в журнале «Знамя» (номер 10 за 1935 г.), где речь идет о противопоставлении не империалиста Киплинга советским писателям, а европейского и советского читателя, которые видят в творчестве поэта разное⁹⁵.

Так или иначе, в начале 1930-х гг. речь еще не идет о том, что русская литература — первая среди равных, хотя туркменская литература и признается неразвитой. Тем не менее, она не развита в сравнении с «братскими республиками» вообще, а не с русской литературой. Здесь следует помнить о том, что в ситуации 1930-х гг. речь может идти не только о влиянии центра на периферию, но и горизонтальных связях между республиканскими литературами.

Во второй заметке, «Товарищеская встреча», речь идет о встрече писателей с «партийными, советскими и литературными работниками»⁹⁶ в редакции «Туркменской искры». Помимо пересказа писательских заявлений, о которых речь шла выше в настоящей главе, находим и выступления туркменской стороны, в частности, Берды Кербабая, будущего лауреата Сталинской премии за роман «Решающий шаг»: «...**тов. Кербабая** выражает уверенность, что они, ознакомившись с нашей жизнью, возрожденной после Октября, введут Туркмению в художественную русскую литературу»⁹⁷.

30-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 125). Соколов причисляет к советским неоромантикам Луговского и Тихонова.

⁹⁵ Пичугина В. С., Поплавская И. А. Творчество Д. Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. Вып. 6(38). С. 140.

⁹⁶ Товарищеская встреча // Туркменская искра. 1930, 31 марта.

⁹⁷ Там же. Выделено в источнике.

Обращает на себя внимание риторика возрождения, а не создания. Как будет показано в главе 2, несмотря на утверждения о «создании» туркменской литературы, писатели модерного сознания все же не могли обойтись без опоры на предшествующую традицию. Советская власть не просто «создает» нацию, она утверждается за счет освобождения самобытной культуры от гнета, и это связано с размежеванием республик, так как легитимирует его. Значимо то, что писатели должны «ввести» Туркменистан в русскую литературу. Здесь может идти речь о русском как языке-посреднике, однако, учитывая содержание предыдущей заметки, эта связь может быть истолкована и как горизонтальная.

Также 31 марта в «Туркменской искре» появляется другая заметка, «Ударная бригада писателей у текстильщиков», с подзаголовком «Мы приехали не ради простого любопытства!». Эта цитата из выступления Луговского ставит писателей в активную позицию по отношению к туркменской действительности. При этом разграничение «простого любопытства» и «изучения Туркменистана»⁹⁸ подразумевает отказ от «экзотического», ориенталистского взгляда на регион. Луговской добавляет: «Тут в сложнейших условиях строится новая пролетарская культура, куется новая социалистическая жизнь. Мы стремимся ознакомиться с вашим строительством, чтобы запечатлеть его в своих произведениях»⁹⁹. Обращает на себя внимание упоминание о «сложнейших условиях». Фактически Луговской признает, что ситуация в Туркменистане кардинальным образом отличается от, например, российской. Действительно, как замечает Халид, советская власть в Центральной Азии совершала пролетарскую революцию там, где пролетариата, по сути, не было.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

Примерную аналогию кулакам и буржуям представляли баи, зажиточные земле- и скотовладельцы¹⁰⁰, имевшие наемных работников. Луговской, вероятно, в первую очередь имеет в виду природные условия, однако показателен сам факт такого заявления — Туркменистан воспринимается как регион, где еще многое должно быть сделано, регион, отстающий от остальных.

Следующая заметка на той же полосе — «Писатели в туркменском гостеатре». Посетив туркменский театр «Аул Гидже», Тихонов высказывается о том, что «игра молодых туркменских актеров значительно выше игры актеров других восточных театров»¹⁰¹. Это утверждение намекает на осмысление туркменами собственной идентичности на фоне социалистического соревнования. Театр должен быть не просто хорош, он должен быть лучше других. Кроме того, в заметке заходит речь о том, что будет в присутствии Вс. Иванова поставлена пьеса «Бронепоезд 14—69».

В заметке от 2 апреля «Литературный вечер в гостеатре» впервые дается оценка творчества писателей. Разумеется, автор заметки, скрывающийся за инициалами К. Т., отзывается о каждом из них хвалебно: «В своем рассказе Павленко, автор известных мало-азиатских рассказов, блеснул красотой отточенного слова и тонкостью психологического анализа. <...>

¹⁰⁰ См. у Халида (речь идет о Казахстане, однако модель универсальна): «If the Russian countryside had rich peasants called *kulaks* who ostensibly exploited their poorer neighbors, the Kazakh nomads had to yield an equivalent category. If Russian cities had their bourgeois who exploited the workers, then Central Asian cities had to produce an equivalent category. It was the *bais* (“the wealthy”) who came to serve as the Central Asian equivalent of the bourgeoisie, even though they had made money in trade rather than in industry. *Bais* in the countryside could also stand in for *kulaks*. Ultimately, categories mattered little. In the chaos of the Great Break, nothing was clear: everything was up for grabs» (Курсив Халида. *Khalid A. Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 216).

¹⁰¹ Туркменская искра. 1930, 31 марта.

Стихи Тихонова проникнуты внутренней сосредоточенностью. Они глубоки по замыслу и формально просты. За этой простотой скрыта огромная творческая работа над словом и ритмом. <...>

«Соть» является поворотным пунктом в творчестве Л. Леонова — одного из лучших наших прозаиков. <...> Это замечательное произведение написано в типично леоновской манере — широкий охват темы, богатейшая людская галерея (sic!) и драматичность положения. При всем этом, блестящий по своей красоте словесный покров повести Л. Леонов владеет словом, как музыкант-виртуоз инструментом¹⁰². <...>

Санников лиричен, это — поэт интимных настроений и тонкой душевной мягкости, но эта “интимность” особого свойства. <...> Стихи Санникова социально насыщены. Они воспевают не экзотику старого Востока, они отражают в своих риторических звучаниях гул пробуждающегося к новой жизни порабощенного Востока. <...>

В. Иванов прочитал рассказ о том, как он был факиром. <...> в этом рассказе находит отражение весь блеск замечательного писательского мастерства Вс. Иванова.

Вл. Луговской с большим искусством декламировал свои стихи. Они выразительны в своей словесной конструкции, богаты внутренним содержанием. В. Луговской один из немногих наших поэтов, которые с исключительной художественной выразительностью запечатлевают в поэтических образах волевою бодрость социалистической эпохи»¹⁰³.

Как видно из приведенной цитаты, каждого из писателей хвалят в первую очередь за художественное мастерство. Показательны высказывания о Санникове и о Луговском. Приписывая Санникову социально насыщенную

¹⁰² Грамматическая ошибка в источнике.

¹⁰³ К. Т. Литературный вечер в гостеатре // Туркменская искра. 1930. 2 апреля.

интимность, автор заметки противопоставляет экзотику и новый Восток, который пробуждается и выходит из поработанного состояния. Такое противопоставление старого и нового Туркменистана станет характерным устойчивым элементом литературно-критической риторики начала-середины 1930-х гг., о чем подробнее будет сказано в главе 4. Что касается Луговского, «волевая бодрость социалистической эпохи» коррелирует как с общими тенденциями 1930-х гг., так и с позицией самого автора в литературном поле.

Иванову — единственному из всех писателей — также посвящена заметка в рубрике «Литературный портрет».

Альманах «Туркменистан весной» был сдан в набор 23 апреля 1932 г., таким образом, на его создание у писателей ушло около двух лет. В жанровом отношении альманах действительно получился разнородным¹⁰⁴. В него вошли повесть Леонова «Саранчуки», роман в стихах Санникова «В гостях у египтян», «Острозубец из совхоза Байрам-Али», «Ответственные испытания инж[енера] Нур-Клыча», «Бухгалтер Г. О. Сурков, честно погибший за свою идею», а также сценарий «Гибель Наиб-Хана» Иванова, стихотворения Луговского «Большевикам пустыни и весны», «Посевная», «Пустыня и я», «Ночь в Чимин-и-Бите», «Гибель экзотики», «Ветерит» и «Земли Красной звезды», повесть Павленко «Пустыня», стихотворения Тихонова «Люди Ширама», «Весна в Дейнау, или ночная пахота тракторами “Валлис”», «Искатели воды», «Ворота Гаудана», «Завернувшиеся в плащи», «Подражание туркменскому», «Белуджи», «Джемшиды», «Кара-Кала», очерк Леонова «Поездка в Маргиан», рассказы Павленко «Шелк» и «Чувство воды».

Некоторые из этих произведений печатались также в газете «Туркменская искра». Отметим здесь, что перед стихотворением «Трактор

¹⁰⁴ Мы приводим произведения в той последовательности, в которой они следуют в альманахе.

в горах» стоят пометы «с туркменского» и «Кербабает». Текст оказался переводным, ранее он выходил на страницах туркменской периодики¹⁰⁵.

Как видно, альманах сочетает стихотворные и прозаические тексты, так или иначе репрезентирующие советский Туркменистан. По объему он занимает 8,5 печатных листов, причем, как было сказано выше, роман Санникова прямого отношения к Туркменистану не имел (за исключением одной главы) и был, судя по всему, написан под впечатлением о поездке через Узбекистан. Характерна надпись на титульном листе: «Альманах первой писательской бригады Огиза и “Известий ЦИК СССР”, совершившей поездку по Туркменистану весной 1930 г. в составе: Л. Леонова, Вл. Луговского, Вс. Иванова, П. Павленко, Г. Санникова и Н. Тихонова»¹⁰⁶. Предполагалось, по-видимому, что поездки будут регулярными, и за первой последовала вторая в 1934 г.

1.2 История создания туркменско-русских альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения»

Бригада отправилась в Туркменистан весной 1934 г.¹⁰⁷, чтобы создать альманах, получивший название «Айдинг-Гюнлер». В предисловии сказано,

¹⁰⁵ См.: *Kerbabaev B. Daglarda tьraktor // Turkmen medenijeti. 1930. № 1.* Роспись журнала предоставлена А. Р. Ихсановым.

¹⁰⁶ Туркменистан весной. Альманах. Москва — Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1932. Титульная страница.

¹⁰⁷ См.: *Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 63.* В диссертации К. Холт также находим сведения о поездке, которые мы дополняем в настоящей работе. Также некоторые этапы поездки были кратко освещены в: *Роженцева Е. Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив Андрея Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 396–405; Антонова Е. А. Платонов — инженер треста «Росметровес» // Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Поездка также упомянута в: *Chandler R. Bread for the Soul: Andrey Platonov // Studia Litterarum. Т. 2. № 1. С. 244–267; Чандлер Р. Андрей Платонов и Средняя Азия // Страна**

что это словосочетание означает «Лучезарные дни», что не совсем точно (об этом будет сказано в главе 2). Санников, назначенный руководителем бригады, направил председателю совнаркома ТССР Атабаеву письмо следующего содержания: «В связи с десятилетием Туркменской республики писательский актив, организованный бригадой по изучению литературы Туркмении при Оргкомитете ССП СССР, берет на себя обязательство по отражению в художественной литературе и драматургии Туркменской ССР по прилагаемому тематическому плану.

Писатели обязуются провести на месте, в Республике, определенное время, от 1 ½ до 2 ½ мес., — необходимое для изучения края и собирания материала, на основании которого будут созданы литературные и драматургические произведения — рассказы, повести, очерки, пьесы, оперные либретто, сценарии.

Тематический план, организованно распределенный между писателями, должен быть выполнен в сроки от 1-го августа по 1-е октября 1934 г. с тем, чтобы основные произведения, в особенности пьесы, могли быть переведены на туркменский язык к юбилейным дням.

Писатели, на основе своего творческого материала, совместно с туркменскими писателями создают к 10-тилетию Сборник. Кроме того принимаются обязательство обслужить художественными произведениями Союзную и Республиканскую печать в дни 10-летия.

Для реализации этой программы писатели выезжают группами, начиная с первых чисел марта, в Туркмению и в соответствии с планом Сборника, выработанным Туркменской бригадой Оргкомитета, направляются в разные места туркменской республики. Основной текст Сборника, сделанный

философов Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 47–55. См. также биографию А. П. Платонова: *Варламов А. Н.* Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2013.

на месте при ближайшем сотрудничестве туркменских писателей, и в Москве, по возвращении наших писателей из поездки, будет обсуждаться совместно с Туркменской пролетарской общественностью.

Со своей стороны Правительство Туркменской Республики берет на себя следующие обязательства: обеспечить своевременное поступление средств в Москву на авансирование (через Постпредство туркменской ССР) расходов по творческой командировке писателей из расчета 2-х тыс. руб. в мес. на каждого писателя плюс железнодорожный проезд в вагонах международного сообщения в оба конца; по приезде в Туркмению писателям предоставляется бесплатно помещение для жилья, приспособленное к условиям творческой работы, переводчики и средства перемещения в пределах Республики и изучаемого писателем района. Писатели прикрепляются на месте своей работы к столовым повышенного типа и получают хлебное и продуктово-плановое снабжение. Писателям гарантируется квалифицированная лечебная помощь.

Основной список писателей, принимающих участие в творческой командировке, согласовывается с Вами в Москве. Возможные дополнения и изменения в составе писателей производятся Туркменской бригадой Оргкомитета ССП СССР с визой Постпредства Туркменской республики в Москве.

Туркменская бригада принимает на себя от имени всех писателей, включившихся в эту печатную творческую работу по заданию Правительства туркменской Республики и Советской писательской общественности, социалистическое обязательство яркого и художественно-правдивого

отображения национальных достижений народов Туркмении на основных участках великой партии Ленина и Сталина»¹⁰⁸.

В этом письме показательны следующие аспекты. Во-первых, это юбилейный характер поездки. Она совершается не просто так, а в честь десятилетней годовщины размежевания республик Центральной Азии (и, разумеется, подразумевает его легитимацию). И альманах представляет собой юбилейное, праздничное издание (именно поэтому так нужно было успеть напечатать его в 1934 г.). С этим связано и большое финансирование в 2000 рублей в месяц, не считая иных расходов. Такие траты (а туркменская сторона согласилась, см. об этом ниже) подразумевают, что туркменская партийная элита видела в поездке определенную выгоду для себя. Интерес к периферии со стороны центра легитимировал деятельность тогдашних туркменских идеологов советской власти. Ко всему прочему, проект альманаха подразумевал внимание к туркменской культуре, что также могло пересекаться с интересами периферии — делало ее заметной для центра.

Как видно, сохранялась установка на жанровое разнообразие альманаха. Если в первом альманахе были опубликованы стихотворения, повесть рассказы, роман в стихах и сценарий, то планы по «Айдинг-Гюнлер» были значительно шире. Оперных либретто и сценариев в нем, тем не менее, напечатано не было, пьеса была одна — «Конская кровь» В. Р. Козина, хотя это было лишь жанровым обозначением («пьеса для чтения»). Текст был оформлен как обычный рассказ. Вопрос о том, были ли какие-то тексты переведены в итоге на туркменский язык, остается открытым, однако сам факт того, что это было запланировано, указывает на желание распространять их не только для русскоязычного читателя. Впрочем, как указывает К. Холт, книга

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 17. Ед. хр. 9. Л. 1–1об.

вышла в только в ноябре¹⁰⁹, вполне вероятно, успеть выпустить туркменское издание было невозможно. «Ближайшее сотрудничество» с туркменской стороной также всячески подчеркивается, чтобы, как представляется, закрепить связь между центром и периферией.

Наконец, показательна установка на «художественно-правдивое» изображение Туркменистана. Этот распространенный в советской литературной политике постулат приобретал особое значение в связи с изображением разных республик. Как было видно из показательных выступлений в СМИ, воображаемый Восток советской литературы создавался с ориентацией на «правдоподобное» изображение региона. Тем самым писатели противопоставляли свое отношение дореволюционному колониальному взгляду. Как представляется, это приводило к сложному сплаву колониальных и модернизаторских тенденций в изображении Востока, о чем будет сказано в главе 2.

Атабаев отреагировал на предложение в целом благосклонно, о чем говорит заключенное соглашение, подписанное со стороны Москвы К. Паустовским (который, впрочем, в поездке в итоге не участвовал). Паустовский поставил подпись под обязательством следующего содержания: «а) включить в круг своих ближайших творческих занятий работу на тему о культурном и хозяйственном строительстве ТССР из числа тем, выдвинутых руководством бригады и Правительством ТССР.

б) с целью собирания необходимых для указанной работы материалов тов. Паустовский обязуется лично не позднее 5 апреля с. г. выехать в Туркменистан и пробывать в нем не менее двух месяцев.

¹⁰⁹ Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 201.

в) в пределах свойственного ему художественного жанра — отобразить собранный материал в художественных произведениях, как то: очерке, рассказе или повести, песне, пьесе, оперном либретто, сценарии.

г) принять участие в юбилейном художественном сборнике, изданном к 10-тилетию ТССР, для чего сдать руководству бригады художественное произведение объемом не менее полутора печатных листов прозы или двухсот строк стихов»¹¹⁰.

В свою очередь туркменская сторона брала на себя предложенные финансовые обязательства. Видимо, подобное соглашение заключалось и с другими писателями.

Тематический план альманаха также сохранился и был следующим (курсивом выделены места, вписанные позднее от руки): «1. Индустриализация Туркмении. Характеристика (история) фабрик и заводов ТССР. Показ Туркменского пролетария.

2. Колхозное строительство. Революция в ауле. Колхозник дехканин. С разделами 1-й и 2-й связана тема переделки человека.

3. Хлопок. Классовая борьба на хлопковом фронте.

4. МТС в Туркмении. Работа Политотделов МТС.

Животноводство

5. Освоение недр. Карабугаз. Нефтедаг. Нефть и сера.

6. Наступление на пустыню. Освоение Каракум.

7. Проблема воды. Обводнение Западной части Туркменской ССР.

8. Нацменьшинства в Туркмении — Белуджи. Джемшиты. Перевод кочевников на оседлость.

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 17. Ед. хр. 9. Л. 3.

9. Культурное строительство. Туркменская школа. Новый алфавит. Женщина в новой Туркмении. Борьба с пережитками родового строя и с религиозными предрассудками.

10. Ремесла. Ковер.

11. Воспоминания о гражданской войне. Басмачи. *Оборона границ ТССР.*

12. Сухие субтропики. Насаждение субтропических культур»¹¹¹.

Содержание альманаха говорит о том, что план был выполнен лишь частично. Однако некоторые произведения были перепечатаны из предыдущего. Это «туркменбаллады» Санникова и «Большевикам пустыни и весны» Луговского. Темы закрывались не только обозначенными жанрами, но и публицистическими очерками. Только индустриализация Туркменистана не была никак освещена. Колхозному строительству и переделке человека были отчасти посвящены тексты Скосырева и Г. Максимова, последний же писал о заготовке хлопка. Также о колхозе речь идет в стихотворении Ата Ниязова «На колхозном поле». Машинно-тракторные станции внимания писателей также не привлекли. К текстам о животноводстве можно отнести «пьесу для чтения» Козина «Конская кровь» (Санников характеризует ее так: «Пьеса построена на материале о животноводстве, но из области коневодства»¹¹²). «Большевикам пустыни и весны» Луговского отчасти закрывали тему освоения пустыни и обороны границ. Очерк В. Попова «Субтропики на Атреке» отвечал теме 12, а положение женщины затрагивалось в стихотворениях Амана Кекилова и Дурды Клыча¹¹³, а также

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 17. Ед. хр. 9. Л. 2. Перепечатано в: *Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 187.*

¹¹² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 2.

¹¹³ В альманахе он обозначен как Дурды Клычев, поэт, однако в антологии туркменской поэзии 1949 г. назван народным шахыром. Слово «шахыр» (современная орфография — *şahyr*) буквально

в рассказе «Такыр» А. П. Платонова. Обращает на себя внимание, что о женщине писали в первую очередь туркменские авторы, видимо, именно от них требовалось показательно порвать с традицией.

Подробности поездки также можно прояснить по записным книжкам Санникова, однако записи значительно более сжатые. Так, 14 апреля по дороге из Чарджоу (ныне — Туркменабад) в Ташауз (вариант русифицированного названия города Дашогуза) Санников делает следующие пометы: «Встреча в Чарджое с замПредСНК Дейнау. Ночная дорога. Аулсовет Кабаклы 12 час. ночи. Секретарь совета Авиз Чары-оглы — 16 лет. 4 года секретарь аулсовета. Это не редкость — старики — бригадиры и пацаны <нрзб> в 9–10 лет. Карвансарай Пулхутым (деньги женщины) История с мужем. Приезд в Дарганата в 3 ч. ночи. Ночлег в райкоме. Утром в 9 ч. в дорогу. Охота на фазанов и уток. Пустыня и “культурная” полоса — дороги. Селения-узбекские <в> Ново-Ургенче Ночью в Ташаузе»¹¹⁴.

Большую часть этой записной книжки занимают зафиксированные Санниковым туркменские пословицы и поговорки, которые представляют собой отдельный аспект репрезентации Туркменистана в глазах советских писателей, а также могут послужить ценным этнографическим источником (подробнее об этих записях будет сказано в главе 2).

В той же книжке находим и расписанный по авторам тематический план: «1) Туркменский пролетариат, культурный рост турк<менского> пролетария и его борьба за овладение техникой (Максимов) 2) Нефтедаг. Борьба за индустриализацию. Лучшие люди Туркмении (Платонов) 3) Политотделы, хлопок, посевная (Скосырев, Одоев) 4) Колхозное строительство, переделка

обозначает «поэт». В этом случае оно употребляется, по-видимому, чтобы отделить поэтов-исполнителей, с одной стороны, от бахши (bagşy), которые исполняют дестаны — народный эпос, и от профессиональных поэтов, с другой.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 3.

человека в трудовом коллективе, новые формы труда (Санников) и отношения к труду (Большаков) 5) Карабугаз. Уголь, нефть, сера — хим. комбинат (А. Смирнов) 7) Вопросы овцеводства и коневодства (Козин) 8) Каракумы. Освоение. Обводнение. Переход кочевника на оседлость, борьба за воду (Немченко, Лоскутов, Санников) 9) Рыболовство. Атрек и Гасан-кули (Попов) 10) Сухие субтропики (Попов) 11) Культурное строительство. Театр. Туркм<енская> литература Туркмены в науке, вузовцы и т. п. Шенгели (Шестаков, Бороздин) 12) Гражд<анская> война и басмачество. Рост национ<альных> частей Кр<асной> армии (Х. М. Мугуев) 13) Охр<ана> границ, боевые, труд<овые> дни пограничников (К. Большаков) <...> 14. Изменения в быту, одежде жилище (Шенгели) и т. п. 15. Борьба за раскрепоц<ение> и равн<оправие> туркм<енской> женщины (Немченко, Санников)»¹¹⁵.

Этот список можно сравнить с итоговым содержанием «Айдинг-Гюнлер». Повесть Г. Максимова «Песнь Амана» действительно соответствует заявленной теме — это история превращение туркменского юноши в пролетария, работающего на железной дороге. Рассказ Платонова «Такыр» не похож на текст о «лучших людях Туркмении», очевидно, что эта формулировка позаимствована из его записки Санникову¹¹⁶. Текст Одоева в альманахе отсутствует, в повести Скосырева «Оазис» действительно есть сюжет, связанный с посевной и сбором хлопка. «Материалы к рассказу» К. Большакова «Керки» в большей степени связаны с описательными набросками. «Предшественники» М. Лоскутова действительно касаются темы ирригации, а заглавие очерка В. Попова «Субтропики на Атреке» говорит само за себя. Обращает на себя внимание, что за оборону границ в плане отвечает

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 42–43.

¹¹⁶ Корниенко Н. В. Примечания // Платонов А. П. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С.364.

Большаков, хотя напрашивается кандидатура Луговского, который в итоге и перепечатал в альманахе стихотворение «Большевикам пустыни и весны».

Что касается стихотворений, по ним четкого плана, вероятно, не было. Перепечатка отдельных текстов из «Туркменистана весной» указывает, возможно, на то, что стихотворная часть альманаха создавалась в спешке. На это указывает и датировка стихотворений туркменских авторов в машинописи для, по-видимому, не вышедшего сборника под редакцией Шенгели¹¹⁷. Как минимум два из них были написаны задолго до публикации в «Айдинг-Гюнлер», в 1932 г., — это «На колхозном поле» Ата Ниязова и «Пережитое» Дурды Клыча.

Также в записных книжках Санникова есть предварительный список членов бригады: «Бригада писателей Оргком ССП СССР в Туркмении

- +1. Санников
- +2. Билль-Белоцерковский
- +3. Луговской
- +4. Андрей Платонов v
- =5. Георгий Максимов
- +6. К. Большаков
- 7. Викторин Попов v
- 8. Вл. Козин
- =9. Х. М. Мугуев
- +10. Н. Шестаков
- +11. Г. Шенгели
- 12. А. Смирнов
- 13. И. Бороздин

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088.

+14. Н. Одоев

-15. Лоскутов

-16. Немченко

17. Трабский

+18. Скосырев

-19. Тициан Тобидзе

20. Азат Вштуни¹¹⁸

Партийцев — 5¹¹⁹ человек Знакомых с Туркменией — 8 человек¹²⁰».

Что означают плюсы и минусы в списке, установить не удалось, так как встречаются отмеченные минусом имена писателей, которые в альманахе участвовали, в частности — Большакова. Также не удалось установить, кого именно из писателей Санников обозначает как «знакомых с Туркменией». По нашей информации, из русскоязычных членов это были сам Санников, Луговской, Бороздин, Скосырев и Трабский. Возможно, именно «знакомые с Туркменией» отмечены плюсами. Показательно, что в списке отсутствуют туркменские авторы, чьи произведения вошли в альманах. В записи от 3 мая 1934 г., помеченной «заседание бригады» находим: «Из туркм<енских> писат<елей> никто не поехал»¹²¹. Куда именно не поехали туркменские писатели, не вполне очевидно, и здесь равно можно предполагать низкую заинтересованность как одной, так и другой стороны. Однако сама необходимость путешествия по Туркменистану для его уроженцев выглядит сомнительно и не отвечает установке на то, что знание о Туркменистане должно идти от самих туркмен. В то же время имена туркменских писателей в книжке Санникова периодически появляются, что говорит о сохранении

¹¹⁸ Пункт 20 написан поперек, список составлен в два столбца.

¹¹⁹ Переправлено на 6.

¹²⁰ Карандашом переправлено на 9, затем на 10. РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 36об.

¹²¹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 28.

интереса к этим авторам. Тем не менее можно говорить о том, что здесь подспудно присутствует еще один аспект: создатели альманаха заинтересованы в участии туркменских писателей вообще, а не в участии конкретных людей. Таким образом, туркменская советская литература воспринимается как гомогенное явление.

В «Туркменской искре» поездка освещалась скупой, несмотря на то что была приурочена к юбилею республики. Так, 20 марта 1934 г. газета перепечатала сообщение ТАСС о выезде бригады. В сообщении был описан план сборника, в целом совпадающий с заметками Санникова: «...история фабрик и заводов, показ туркменского пролетария, колхозное строительство, туркменская женщина, революция в ауле, хлопок и классовая борьба на хлопковом фронте, МТС и работа политотделов, освоение недр Карабугаза и Нефтедага, наступление на пустыню и т. д.»¹²²

В заметке подчеркнута важность того, что некоторые писатели уже знакомы с Туркменистаном и должны быть представлены «все жанры художественного творчества»¹²³. Упоминаются имена Санникова (как поэта), Билль-Белоцерковского и Погодина (как драматургов, которые, впрочем, для альманаха ничего не подготовили), Шенгели (как переводчика) и Трабского (как киносценариста), а также востоковедов Бороздина и Немченко. Важными здесь представляются два аспекта. Во-первых, отдельно назван Тициан Табидзе как представитель «братских республик». Его упоминание, видимо, не случайно, оно говорит о том, что в группе писателей, приехавших в Туркменистан как представители «большой» советской литературы, есть и нерусскоязычный автор. Таким образом,

¹²² Бригада оргкомитета союза писателей выезжает в Туркмению // Туркменская искра. 1934. 20 марта.

¹²³ Там же.

возможно, подчеркивается, что связь должна быть установлена не только между центром и периферией, но и горизонтально. Табидзе, впрочем, ничего не написал, однако в альманах вошло стихотворение Азата Вштуни. Что касается конструирования туркменской советской литературы, обращает на себя внимание упоминание того, что некоторые писатели будут участвовать во Всетуркменской конференции советских писателей (о ней будет сказано в главе 2). Кроме того, подчеркивается: «Бригада ставит себе целью установление тесной связи с туркменскими писателями. Во время пребывания в Туркменистане участники ее окажут помощь туркменским молодым и начинающим писателям»¹²⁴.

Сама по себе риторика обучения характерна для советского литературного процесса этого периода, достаточно здесь упомянуть распространение литературных кружков, литературных консультаций в периодике и т. д. Однако для литератур советской периферии этот аспект принципиален. Туркменских писателей необходимо обучить, предполагается, что сами они не справятся. Таким образом, само создание подобных альманахов вписывается в обстоятельства конструирования туркменской советской литературы. Альманахи, возможно, должны стать не просто книгами для чтения, но источником знаний о том, какова должна быть литература, и ведущая роль здесь так или иначе отводится центру. Тем не менее следует подчеркнуть, что участие писателей из других республик, уже набравших литературный капитал, говорит о формировании горизонтальных связей (достаточно здесь упомянуть Табидзе и Вштуни, а также Абулькасима Лахути, который написал предисловие к «Айдинг-Гюнлер»). Открытым, однако, остается вопрос о том, когда писатель перестает восприниматься в

¹²⁴ Там же.

первую очередь как представитель «братской республики» и становится частью литературного процесса центра. Так или иначе, риторика обучения на этом этапе доминирует. Но, как мы покажем далее (в главе 2), обучаться туркменским авторам следовало не только у коллег-современников.

В выпуске от 30 марта выходит заметка «Приезд писательской бригады», из которой становится ясно, что писатели приезжали в Туркменистан не одновременно. Сначала прибыли Билль-Белоцерковский, Попов и Трабский, позже — Бороздин, Большаков и Скосырев, а к 1 апреля ожидали остальных. Билль-Белоцерковский, так ничего для альманаха и не подготовивший, дал редакции газеты интервью, где подчеркнул следующее: «Необходимо прежде всего общее ознакомление со страной, ее спецификой, ее социальным прошлым и современными формами жизни. Это даст возможность выбора темы.

<...> необходимы рекогносцировочные вылазки в отдельные области жизни и строительства.

Я ставлю перед собой цель создания такой пьесы на материале Туркменистана, которая могла бы, оставаясь национальной по форме, своим социалистическим содержанием представлять интерес не только для самой Туркмении и всего Союза, но и для зарубежных стран. Художественное изображение достижений Туркменской республики на фронтах индустриального и культурного строительства может составить резкий и поучительный контраст с положением народностей, находящихся под пятой империализма»¹²⁵.

Таким образом, как и при создании предыдущего альманаха, подчеркивается необходимость «познать Туркмению» изнутри. Однако

¹²⁵ Приезда писательской бригады // Туркменская искра. 1934. 30 марта.

важнее в этом высказывании то, что, во-первых, национальной по форме, социалистической по содержанию Билль-Белоцерковский называет не туркменскую литературу, а свою будущую пьесу. В таком «расширительном» значении этот тезис Сталина и Горького, как правило, не употреблялся, однако он демонстрирует не просто связь центра и периферии, а сближение на уровне литературных форм. Если обратиться к записным книжкам Санникова, можно найти ряд черновиков, где он пытается стилизовать собственные стихотворения под туркменскую поэзию. Это говорит о том, что в период начала-середины 1930-х гг. конструирование литературы шло двумя путями. С одной стороны, как отмечалось выше, периферия должна была учиться у центра. С другой, и центр заимствовал что-то у периферии.

Во-вторых, здесь возникает тема советско-западных контактов. Литература о советской периферии (и ее собственная) должна стать образцом для других. Она не просто изображает торжество социализма, она подает пример. Обращает на себя внимание подчеркнутая антиколониальность высказывания, которая была связана с общим характером окололитературного дискурса той эпохи. СССР представал принципиально деколонизирующей силой в условиях, когда постоянно подчеркивался империализм соседей, которые угнетают местное население колоний. С этим связано, например, откращивание в литературной критике от подражания Р. Киплингу у советских поэтов, о чем было сказано выше. Таким «советским фасадом» и должна была стать «литература братских республик».

5 апреля в «Туркменской искре» появляется заметка «Товарищеская встреча в Оргкомитете Союза советских писателей Туркмении», где

цитируется доклад Ораза Тачназарова¹²⁶, на тот момент — председателя ССП Туркменистана. Значимыми для нашего исследования в нем представляются следующие утверждения. Во-первых, Тачназаров прямо говорит: «До этого постановления [о ликвидации литературно-художественных организаций. — *А. Б.*] ни один из сидящих здесь писателей в Туркмении не считался писателем. Мы не входили в научно-литературный комитет, возглавлявшийся писателями-националистами Кульмухамедовым и другими»¹²⁷. Таким образом, идеолог новой туркменской литературы очерчивает принципиальное различие между нынешним и прошлым поколением писателей. С одной стороны, в этом высказывании отражена профессионализация писательской деятельности в СССР. Писатель не считается писателем, пока не существует ССП, в буквальном смысле — пока у него нет удостоверения. Однако здесь есть и более явная подоплека. Упомянутый Абдулхаким Кульмухамедов — бухарский джадид и революционер, в 1920-е гг. — заместитель главного редактора газеты «Туркменистан»¹²⁸. Представитель предыдущего поколения туркменских интеллектуалов, он был репрессирован, несмотря на то что, как и многие другие джаиды, во время революции рассматривал советскую власть как возможность для просвещения среди народов Центральной Азии¹²⁹.

¹²⁶ Позднее этот идеолог новой туркменской литературы был репрессирован. В «Краткой литературной энциклопедии» указаны годы жизни с 1901/02 по 1942, однако в статье Р. Г. Мурадова (*Мурадов Р. Г.* Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник. 2000–2001. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 164–178) встречаем другие даты: 1904–1938.

¹²⁷ Товарищеская встреча в Оргкомитете Союза советских писателей Туркмении // Туркменская искра. 1934. 5 апреля.

¹²⁸ О джаидах, представителях прогрессивного ислама, см.: Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 116–117. Кульмухамедов был репрессирован в 1937 г. (см.: Аллворт Э. *Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии*. М.: Центрполиграф, 2016).

¹²⁹ См. у Халида: In *Russian Central Asia, the Jadids hoped that revolution would allow them to implement the reforms they had long advocated* (Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 150).

Литературные общества, организованные джадидами, позднее были объявлены националистическими и вытеснены местными ассоциациями пролетарских писателей. Между тем представитель того же поколения Берды Кербабаяев — бывший басмач — репрессирован не был и в последствии получил Сталинскую премию.

Отметим здесь, что Тачназаров по неясной причине ТуркАПП вообще не упоминает. Как представляется, это может быть связано и с тем, что ассоциации пролетарских писателей могли быть «неудобной» темой для разговора после возникновения ССП.

Во-вторых, обращает на себя внимание заявление Тачназарова: «Наше сегодняшнее заседание — это также показатель помощи всесоюзного Оргкомитета, командировавшего в Туркмению писательскую бригаду, не только, чтобы изучать Туркмению, написать о Туркмении, но и помочь нам в организационной работе, особенно в подготовке к съезду.

К каждой группе московских писателей, выезжающих в районы, мы прикрепим туркменских писателей с тем, чтобы они учились овладевать материалом у более опытных товарищей»¹³⁰.

Таким образом, здесь возникает проблема обучения писателей периферии. Они должны учиться у московских коллег с тем, чтобы создать новую туркменскую литературу, а произведения, включенные в альманах, вероятно, должны стать образцами. Подчеркнем здесь, что периферия в официальном дискурсе предстает зависимой от центра, хотя, как было сказано выше, Санников указывает на то, что «из туркменских писателей никто не поехал». Возможно, это указывает на то, что события развивались не в строгом соответствии с намеченным планом. Значимо, однако,

¹³⁰ Товарищеская встреча в Оргкомитете Союза советских писателей Туркмении // Туркменская искра. 1934. 5 апреля.

принципиальное различие в постановке задач бригады. Если ранее московские писатели должны были «изучать Туркмению», то теперь они должны активно помогать тем, кто хочет стать похожим на них, войти в советское литературное поле. У туркменских писателей есть материал, у московских — способ овладения материалом, и здесь, судя по высказыванию Тачназарова, необходимы общие усилия.

Далее в заметке упомянуты тезисы членов бригады. Скосырев говорит о «большом значении, которое будет иметь для самой бригады прикрепление к выезжающим в районы московским писателям — туркменских писателей»¹³¹. Попов — о том, что основной задачей должно стать «получение материала для отображения Туркмении в литературе»¹³². Вновь заговаривает о международном значении альманаха и «великих контрастах между колониальными странами и социалистической Туркменией»¹³³ Билль-Белоцерковский. Это третье утверждение не требует отдельного комментария, так как по сути повторяет процитированное выше интервью. Что касается Скосырева и Попова, каждый из них вновь возвращается к принципу «познать Туркмению». Точной цитатой Скосырева мы не располагаем, однако можно предположить, что под большим значением подразумевается не только обучение туркменских писателей московскими, но и помощь туркменских в освоении материала — это могли быть и перевод, и прояснение реалий, и просто ориентация на местности. Таким образом, хотя и заявлена зависимость периферии от центра, у Скосырева выстраивается более сложная схема.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

Наконец, со стороны Туркменистана выступают председатель Госплана ТССР Волынский, заместитель заведующего культпропа ЦК КП(б)Т Гуляев и писатель Нурджан Аманов. Все они говорят о том, что туркменским писателем требуется помощь московских. Завершается заметка тезисом Бороздина о том, что туркменские и московские писатели должны сотрудничать плотнее, и о перспективах.

Эта заметка показательна в том отношении, что для 1934 г., по всей видимости, важно говорить о сотрудничестве и обучении. Уже появляется мысль о том, что русскоязычная советская литература — «первая среди равных», однако подчеркивается и то, что она может многое позаимствовать у туркменской.

Следующая заметка в «Туркменской искре» значима лишь для уточнения того, чем писатели занимались в ходе поездки. 6 апреля газета сообщает, что писатели ознакомились с «планом социалистического строительства Туркменистана»¹³⁴ и посетили шелкомотальную фабрику. Также по заметке устанавливается точная дата прибытия Санникова, Максимова и Шестакова — 5 апреля. В заметке от 15 апреля сообщается, что члены бригады примут участие в Первом съезде союза советских писателей Туркмении.

Также 15 апреля в «Туркменской искре» появляется заметка «Вторая бригада писателей в Туркмении» с подзаголовком «Беседа с руководителем бригады писателей Всесоюзного Оргкомитета поэтом Г. Санниковым». По форме это не интервью, а единый текст, по всей видимости, речь идет об основных тезисах, высказанных Санниковым. Вторая поездка не противопоставляется первой, однако предполагаются и существенные

¹³⁴ Московские писатели в Ашхабаде // Туркменская искра. 1934. 6 апреля.

отличия. Во-первых, «бригада писателей Оргкомитета ССП СССР значительно расширила тематический план и поставила своей задачей возможно полнее и глубже охватить все основные стороны жизни и социалистического строительства республики»¹³⁵. Перед бригадой, таким образом, стоит задача, опираясь на первый опыт, значительно расширить тематику. Первый опыт был лишь пробным, и вторая поездка должна стать переломной для «познания Туркмении». Это вполне согласуется с юбилейным характером альманаха.

Во-вторых, указано на большее разнообразие писательских «профессий». «Если первая бригада состояла из поэтов и беллетристов, то в настоящей бригаде представлены все основные жанры литературного творчества. В бригаде участвуют драматурги, поэты, беллетристы, очеркисты и литературоведы»¹³⁶, — сообщается в заметке. Таким образом, вновь подчеркивается установка на большее разнообразия внутри альманаха, на этот раз — жанровое. На это же, как было сказано выше, указывает и план, составленный Санниковым.

Наконец, снова упоминается установление связей с туркменскими авторами. Далее речь идет о том, что именно члены бригады хотят представить в качестве результата поездки. Отметим здесь, что ни разу в «Туркменской искре» не встречается упоминание того, чем, собственно, будут заниматься авторы-туркмены. Русскоязычный писатель так или иначе остается главным актором литературного процесса. Агентность писателя-туркмена оказывается менее важной.

¹³⁵ Вторая бригада писателей в Туркмении. Беседа с руководителем бригады писателей Всесоюзного Оргкомитета поэтом Г. Санниковым // Туркменская искра. 1934. 15 апреля.

¹³⁶ Там же.

Что касается планов писателей, они в целом соответствуют тому, что указано в архивных материалах. Билль-Белоцерковский заявляет тематику «социальный анализ Туркмении в прошлом и настоящем, на основе развития форм землепользования»¹³⁷. Платонов напишет «повесть “О лучших людях Туркмении”, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов, — в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой»¹³⁸. Отметим здесь, что высказывание соотносится с поэтикой самого Платонова и выглядит как прямая речь. Большаков «берется за темы: перевод кочевников на оседлость, переделка человека в трудовом коллективе, новые формы труда и отношения к труду. Кроме того, Большакова интересует тема — охрана границ ТССР, боевые и трудовые дни пограничников»¹³⁹. Мугуев «берется за тематику гражданской войны и басмачества в Туркмении и формирования и роста национальных частей Красной армии»¹⁴⁰. Козин «темой новых своих рассказов и повестей избирает животноводство Туркмении»¹⁴¹. Скосырев «содержанием своих работ в Туркмении избирает практику политотделов МТС и предполагает на основе этого материала написать ряд новелл»¹⁴². Максимов «ставит себе задачу показать культурный рост туркменского пролетария и его борьбу за овладение техникой»¹⁴³. Шестаков «темой своих работ избирает два похода: Геок-тепинский поход и колониальное завоевание Туркмении царской Россией и поход второй пятилетки и освоение недр Туркмении силами туркменского народа с помощью народов СССР. Во втором

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

разделе темы он предполагает осветить в своем художественном произведении туркменов в науке (туркмены-аспиранты, туркмены-вузовцы и т. п.)»¹⁴⁴. Попов «предполагает написать книгу о сухих субтропиках и рыболовстве»¹⁴⁵. Бороздин «имеет в виду дать ряд статей по вопросам культурного строительства Туркмении и провести литературоведческую работу с туркменскими писателями»¹⁴⁶. Шенгели «программой своих работ определяет: новые переводы туркменских писателей, очерки о борьбе с пустыней и об изменениях жизни туркмена — быт, жилище, одежда и т. п. и стихи о Туркмении. Кроме того, Шенгели предполагает провести ряд бесед с туркменскими писателями по вопросам борьбы за качество в художественной литературе»¹⁴⁷. Сам Санников утверждает, что думает «заняться пьесой в стихах о борьбе за раскрепощение и равноправие туркменской женщины»¹⁴⁸. Здесь же Санников подчеркивает: «К этому надо добавить, что бригада ставит своей задачей установление наиболее тесных связей с туркменскими писателями, содействие организации кадров туркменских писателей, развитию и росту их литературы»¹⁴⁹.

19 апреля Мугуев, Скосырев и Бороздин прибыли в Мерв (Мары). В газетной заметке говорится, что «в задачу бригады, прибывшей в Мерв, входит подготовка к Туркменскому Всесоюзному съезду писателей, изучение произведений местных творческих сил и помощь начинающим писателям, сбор материалов и творческая работа самих участников бригады»¹⁵⁰. Таким образом, писательская бригада должна была не только поучаствовать в жизни

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Бригада Оргкомитета Союза советских писателей в Мерве // Туркменская искра. 1934. 22 апреля.

туркменских литераторов в качестве наставников, но и сыграть роль в общей подготовке к туркменскому съезду. Неясно, что именно предполагалось сделать, однако из такого заявления следует, что от писателей требуется не только изображение туркменской жизни, но и погружение в туркменский литературный процесс. Намерения Мугуева, Скосырева и Бороздина по поводу избранных ими тем, согласно заметке, остаются прежними. Обращает на себя внимание мельком упомянутый в заметке Мухрат Ташлиев. Он оказывается включен в круг туркменских писателей — представителей Мерва. Однако, как утверждается в заметке, пишет он «на фарсидском языке»¹⁵¹. Это упоминание имеет важное значение для дискуссии о языке литературы.

В номере «Туркменской искры» от 17 мая 1934 г. появляется важный для понимания ситуации Средней Азии текст, который прямого отношения к альманаху не имеет, однако позволяет уточнить характер отношений между центром и периферией. Это речь Санникова на Всетуркменском съезде советских писателей «За укрепление братской связи литератур народов СССР». Само название, вновь подчеркивающее тему «братства народов», указывает на попытку установить равенство между ними, что в целом соответствует декларируемой национальной политике 1934 г. Санников тщательно избегает прямых заявлений о том, что туркменская литература должна учиться у русской, и оценивает ее высоко: «Молодая советская литература Туркмении заметно растет. Если несколько лет назад мы имели в туркменской литературе только поэтов, то на сегодняшний день имеем и прозаиков и драматургов, а поэты уже не ограничиваются небольшими стихотворениями, они переходят к широким полотнам, дают эпические

¹⁵¹ Там же.

повествования о жизни туркменского народа»¹⁵². Однако здесь же Санников подчеркивает, как важно было для развития литературы советских республик постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., оставляя центру ведущую роль в развитии литератур разных республик. Затем Санников вновь утверждает, что работа должна вестись на равных: «Наша писательская бригада всесоюзного оргкомитета, выполняя задачи, поставленные Максимом Горьким, вместе с вами, товарищи, туркменские писатели, плечо в плечо работает над вопросами развития туркменской литературы, вместе с вами проводила районные и окружные писательские конференции и сейчас с почетными для нас делегатскими билетами от Мерва, Чарджуя, Ташауза, Керков и других районов участвует на первом всетуркменском съезде советских писателей.

Эта работа, товарищи, только первые шаги в деле укрепления тесной, неразрывной связи братских литератур для совместной плодотворной творческой деятельности на благо великой страны социализма»¹⁵³.

Подчеркнутое желание «работать плечо в плечо» указывает на то, что проблема зависимости периферии от центра на тот момент замалчивалась. Санников здесь, как представляется, сознательно не заговаривает о том, что писателям-туркменам нужно учиться у русскоязычных коллег (отметим, что в заметках самих корреспондентов «Туркменской искры» такие заявления как раз появляются). Формируется, таким образом, ситуация, где, с одной стороны, писатели из центра должны погружаться в литературную работу на периферии, с другой — не высказывать открыто, что приехали они туда

¹⁵² За укрепление братской связи литератур народов СССР. Доклад тов. Г. Санникова на Первом всетуркменском съезде советских писателей // Туркменская искра. 1934. 17 мая. О проблеме перехода на прозу и развитии туркменского проекта будет подробнее сказано в главе 2.

¹⁵³ Там же.

фактически, чтобы составить представление о «литературных силах» и направить их.

Следующим и, по нашей информации, последним туркменским альманахом, вышедшем в Москве, была «Туркмения» (1936). В РГАЛИ сохранились протоколы заседаний туркменского актива Союза советских писателей. На заседании 5 марта 1935 г. обсуждался альманах, и получивший впоследствии название «Туркмения». Приведем здесь выдержку из стенограммы:

«Повестка дня.

1. Издание II-го «Альманаха» русских и туркменских писателей.

2. Фольклор.

СЛУШАЛИ: а) Из плана издания II-го «Альманаха» русских и туркменских писателей (на русском языке), б) о сборе материалов, в) о переводе на русский язык произведений туркменских писателей.

Информировал т. Скосырев

ПОСТАНОВИЛИ

1. Приветствовать идею создания ежегодного альманаха русской и туркменской худ. литературы.

Считать желательным формат «Альманаха» сохранить прежним.

2. Избрать комиссию для подбора туркменского материала в составе:

1. Ата-Ниязов, 2. Алиева, 3. Кекилова Ш.

3. Наметить переводчиками подсрочников (sic!) — 1. Иомудская, 2. Лебедев, 3. Карашаров, 4. Измайлов, 5. Хаджи Мурадов, 6. Карпов, 7. Назар Гельдыев.

4. Сбор материалов и подстрочный перевод закончить к 25/III-35.

5. Для оплаты переводчикам, просить юбилейную комиссию при ЦИКе ТССР, отпустить средства в сумме — 30000 руб.

6. Поставить вопрос перед Туркменгосиздатом к 10-тилетию Туркмении издать «Альманах» на туркменском языке с помещением избранных произведений из I-го и II-го «Альманаха» на туркменском языке»¹⁵⁴.

В этой стенограмме содержатся ценные сведения о том, что альманах планировалось издавать и на туркменском языке. Однако, состоялось ли это издание, нам не известно. Пункт по фольклору обсуждался отдельно далее, но в итоге фольклорный материал в этот альманах также вошел.

Более подробную информацию можно почерпнуть из краткого отчета туркменской комиссии от 24 марта 1935 г. Приведем его полностью: «1. В конце 1934 г. Туркменской комиссией выпущен юбилейный литературно-художественный альманах “Айдинг-Гюнлер” /“Лучезарные дни”/ при участии: В. ИВАНОВА, ЛАХУТИ, Г. САННИКОВА, П. СКОСЫРЕВА, АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА, Г. МАКСИМОВА, В. ЛУГОВСКОГО, ВЛ. КОЗИНА, Г. ШЕНГЕЛИ, КОНСТ. БОЛЬШАКОВА, АЗАТА ВШТУНИ, М. ЛОСКУТОВА, В. ПОПОВА, М. НЕМЧЕНКО, В. БЕЛЯЕВА, Акад. И. М. ГУБКИНА и ТУРКМЕНСКИХ писателей: О. ТАШ-НАЗАРОВА, Х.-Н ЧАРЬЕВА, АМАН КЕКИЛОВА, БЕРДЫ СУЛТАН НИЯЗОВА, АТА-НИЯЗОВА, ШААЛИ КЕКИЛОВА, ДУРДЫ КЛЫЧЕВА и при участии художников: ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА, И. М. МАЗЕЛЬ, Ю. В. ОБОЛЕНСКОЙ, В. П. БЕЛЯЕВА, П. П. СКАЛЯ, Б. НУРАЛИ, С. Н. БЕГЛЯРОВА, Н. Г. КОТОВА, Е. ПЕРНИКОВА, ХРАПКОВСКОГО, КОПАЛКИНА, ГОРБОВЕЦ.

2. По соглашению с правительством ТССР направлен в Туркмению на срок до 3-х месяцев писатель АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ для отражения в своих художественных произведениях актуальных проблем Туркмении.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 5.

3. Устроена ДСП в феврале мес. с. г. выставка картин художников, работавших в Туркмении, и проведен совместно с художниками вечер встречи с средне-азиатскими правительственными делегациями. На вечере были заслушаны доклады о работе Туркменской и Узбекской комиссий ССП.

4. По соглашению с правительством ТССР намечено ежегодное издание альманахов (ежегодников) на материале о Туркмении советских писателей, как русских, так и туркменских.

6. Принято предложение правительства ТССР о выпуске очередного ежегодника — альманаха к 1-му августа с. г. В связи с этим в Туркмению по заданиям Комиссии выехали писатели: П. СКОСЫРЕВ и Г. МАКСИМОВ и новые задания возложены на работающего в Туркмении АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА. Всем членам комиссии поручено, сообразно их творческой работе на материале Туркмении, представить свои произведения в редколлегию комиссии к 1-му мая с. г.

Тематически творческая работа писателей — членов комиссии распределяется следующим образом: НАПИСАНЫ для альманаха — Х. М. МУГУЕВЫМ повесть о национ. туркменских частях Красной Армии, П. СКОСЫРЕВЫМ рассказ «Соль земли» о колхозах и хлопке, М. ЛОСКУТОВЫМ — ряд рассказов о басмачестве и пустыне, М. НЕМЧЕНКО — повесть «Джума» о переделке сознания пастуха кочевника, Г. ШЕНГЕЛИ — ряд стихотворений; РАБОТАЮТ НАД НОВЫМИ произведениями о Туркмении: Г. САННИКОВ работает над пьесой в стихах «Хумар — туркменка или азартная игра». Пьеса посвящена проблеме борьбы туркменских колхозниц за равноправие и новые формы труда в колхозах. АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ работает над повестью, посвященной проблеме механизации хошара. ВЛ. КОЗИН — над повестью, посвященной нацменьшинствам Туркмении. К. ПАУСТОВСКИЙ работает над рассказом

о Кара-Бугазе (по новым материалам). Н. ШЕСТАКОВ — над исторической повестью о Геок-тэпэ. ВЛ. ЛУГОВСКОЙ над новыми стихами о Туркмении, П. СКОСЫРЕВ — работает над повестью, посвященной туркменскому текстильному комбинату. Г. МАКСИМОВ над рассказами о Нефтедаге. Кроме того готовятся переводы ряда туркменских писателей.

7. Установлен контакт с Московским Областным союзом советских художников и имеется договоренность об иллюстрации художниками всех произведений намечаемого к выпуску альманаха.

8. Комиссией намечено перевести на русский язык туркменских классиков — поэтов: Махтума-Кули, Зелили, Сеиди и Моллы Непеса, а также начать работу по собиранию туркменского фольклора и по переводам фольклора на русский язык. В связи с этим Комиссией поручено двум членам комиссии войти в переговоры и установить необходимую связь и контакт в работе с Академией наук и с фольклорной комиссией ССП.

9. На члена комиссии поэта Г. ШЕНГЕЛИ возложено, согласно его желанию, сделать перевод на русский язык новой поэмы О. ТАШ-НАЗАРОВА.

10. Имеется предложение правительства ТССР о превращении Туркменской комиссии ССП в художественный центр по объединению всех работников искусств: писателей, художников, режиссеров, музыкантов и кино-работников, занятых работой на материале Туркмении и интересующихся историей, бытом, искусством и соцстроительством ТССР. Это предложение комиссией еще не обсуждалось и перед руководством ССП пока не ставилось»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 15–16.

Как видно из приведенного отчета, планы были достаточно масштабны. Отметим здесь, однако, что некоторые заявленные для «Айдинг-Гюнлер» темы так и не были разработаны писателями и переключались в план следующего альманаха, но часть из них так и не нашла отражения в опубликованных произведениях. Альманах «Туркмения» должен был соответствовать «Айдинг-Гюнлер» и по качеству оформления, однако получившаяся книга выглядит значительно скудее: иллюстраций больше, но они не цветные, отсутствует графическое оформление заставок и концовок и т. д., бумага более низкого качества. Тем не менее, произведений в альманахе больше, был выполнен и план по переводам, о которых будет подробнее сказано в главе 2.

Выводы к главе 1:

1. Проект советской туркменской литературы, получивший развитие в 1930-е гг., следует рассматривать на фоне деятельности писательских бригад, так как именно она позволяет прояснить отношения между центром и периферией. Проект, пиком которого стало издание альманахов «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения», подразумевал сотрудничество между русскоязычными и туркменскими писателями, а следовательно, необходимо учитывать и данные, которые можно почерпнуть из истории альманаха «Туркменистан весной».

2. Несмотря на заявления со стороны местной прессы, писатели из центра старались завуалировать «ученическую» позицию туркменской литературы по отношению к русскоязычной.

3. Записи личного характера говорят о заинтересованности самих участников в реализации проекта, по крайней мере, одного из них.

4. Риторика о том, что русская литература — «первая среди равных», подспудно все же присутствует, однако подчеркивается и то, что русская литература может поучиться у литератур Центральной Азии.

Глава 2. Туркменская и ориентальная советская литература в альманахах 1930-х гг.

Объект нашего исследования — в первую очередь альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения». Вместе с тем при анализе текстов и книги в целом необходимо учитывать ту риторику, которая формировалась вокруг проекта в прессе и личных высказываниях. Не всегда относясь к альманахам напрямую, он тем не менее важен для понимания тех моделей, по которым конструировалась советская туркменская литература. Альманахи становились конечным продуктом взаимодействия литератур центра и периферии, однако, прежде чем перейти к их подробному обзору, необходимо сосредоточиться на том, на каком фоне разрабатывался этот проект. Поэтому в следующем параграфе мы сосредоточимся на тех действиях и риторических формулах, которые оформляли проект, и продолжим анализ туркменской прессы, а также архивных источников.

2.1. Конструирование туркменской советской литературы как политическая и культурная задача¹⁵⁶

Альманах «Айдинг-Гюнлер» был подготовлен и издан к десятилетию Туркменистана, наступившему после национального размежевания республик Центральной Азии. В 1925 г. И. В. Сталин в речи «О политических задачах университета народов Востока» так обосновывал этот процесс: «Размежевание Туркестана есть, прежде всего, *воссоединение* разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить

¹⁵⁶ При подготовке данного параграфа были использованы материалы статьи: *Бурцева А. О.* Конструирование туркменской литературы в СССР в середине 1930-х годов: от колониального гнета к сталинскому раю // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 303–317.

в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей»¹⁵⁷. Здесь следует отметить, что «воссоединение» в независимые государство было сопряжено с территориальными конфликтами. Так, опираясь на документы ОГПУ, Т. Мартин заключает: «Среднеазиатские границы республиканского уровня были определены лишь в 1924 г. в процессе “национального размежевания”, разделившего Туркестанскую АССР на Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Киргизскую АО (в составе РСФСР) и Таджикскую АССР (в составе Узбекской ССР). <...>

Почти во всех внутренних отчетах отмечалось неслыханное усиление этнических конфликтов. В частности, ОГПУ сообщало о непрекращающихся пограничных спорах, в которых одна национальность агитировала “за присоединение своего района, население которого почти всегда было смешанным, к той или иной из соседних республик”. Образование национальных республик не только привело к усилению этнических конфликтов, но еще и превратило местные распри, зачастую имевшие клановый или региональный характер, в национальные раздоры: “Характерно, что группы, конфликтовавшие с данной национальностью до национального размежевания, теперь объединены на почве общих национальных интересов”. <...> Кроме того, в результате национального размежевания некоторые этнические группы оказались обособленными посреди другой республики»¹⁵⁸

Само по себе национальное размежевание представляло собой

¹⁵⁷ Сталин И. В. О политических задачах Университета народов Востока // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 137. Курсив в источнике.

¹⁵⁸ Мартин Т. Империя «положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

как политическую, так и культурную проблему. Что касается Туркменистана, Э. Л. Эдгар отмечает: «Накануне “национального размежевания” Центральной Азии в 1924 г. люди, которые должны были стать советской туркменской нацией, были носителями неоднозначного и сложного наследия. Туркмены оставались разьединены как генеалогически, так и политически. Субэтнические идентичности оставались важнее, чем общетуркменская <...> Одним словом, было скорее множество отдельных туркменских историй, чем единый “национальный нарратив”»¹⁵⁹.

Конечно, за десять лет конструирования идентичности многое могло измениться, однако литература должна была оставаться одним из средств культурной легитимации советской политики в Туркменистане. И хотя наше исследование сосредоточено в первую очередь на литературных факторах, такую легитимацию можно считать одной из предпосылок формирования образа туркменской национальной культуры.

Удачное совпадение юбилея республики с временем подготовки к Первому съезду советских писателей позволило выстроить вокруг туркменского проекта особую риторическую парадигму. Здесь следует подчеркнуть, что советская власть была заинтересована не просто в создании умозрительного конструкта новой национальной культуры. В начале-середине 1930-х гг. речь шла не только о переводах с туркменского, но и наоборот — о приобщении местного населения к мировой культуре за счет перевода русской литературы на туркменский язык, что подтверждается архивными материалами¹⁶⁰. Так, к протоколу заседания президиума оргкомитета Союза

¹⁵⁹ Edgar A. L. *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton: Princeton UP, 2006. P. 40.

¹⁶⁰ При этом подразумевалось и обучение русскому языку. Так, В. Клемент указывает на то, что в Туркменистане к 1940 г. «новый советский человек (*täze sowet adamy*) хотя бы немного говорил по-русски и писал на своем родном языке, используя русский (sic!) алфавит» (*Clement V. Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914–2014*. Pittsburg, PA: University of Pittsburgh Press, 2018. P. 68). В начале 1930-х гг., однако, ситуация с русификацией была иной (*Ibid.* P. 69–73).

советских писателей Туркменистана от 9 ноября 1934 г. прикреплен отчет, направленный в оргкомитет Союза советских писателей; помимо прочего, в отчете говорится, что в 1933 г. в переводе с русского на туркменский были изданы «Фурманов — Красный десант, Горький — 9-е января, Коллектив [—] в огне революции, Чехов — Каштанка, В овраге, Павленко — пустыня, Козин — Вожак, Крыленко — Записки ткачихи, Чехов — Палата № 6»¹⁶¹. Как видно, набор текстов совмещал актуальную советскую литературу о революции и ее предпосылках, советский ориентализм и образцы тех произведений, которые в советском литературоведении относились к критическому реализму. Павленко и Козин здесь упомянуты не случайно — они давно работали с темой Востока, причем повесть «Пустыня» была написана по материалам поездки писательской бригады в Туркменистан весной 1930 г., о которой речь шла в главе 1. Крыленко — очевидно, искаженное написание фамилии Крылова.

Кроме этого, подчеркивалась значимость культурного наследия туркменской дореволюционной литературы, о чем речь пойдет ниже. Продолжалась работа по изучению фольклора. Однако одновременно звучали прямые заявления о том, что новую туркменскую литературу требуется «создать», то есть вырастить новое поколение профессиональных писателей,

Здесь следует отметить, что в политика в области литературы отчасти отличалась от языковой, так как в 1934 г. и позже все еще звучала тема «мировой литературы», в том числе на Первом съезде советских писателей (см.: *Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931—1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. Р. 20). К. Кларк, тем не менее, подчеркивает: «В своем стремлении возглавить “мировую культуру” советский истеблишмент был не уникален» (Там же). В этом смысле интерес центра к культуре Центральной Азии и попытки литераторов и критиков выстроить национальную идентичность через историю литературы можно трактовать двояко. С одной стороны, это было очевидное проявление политики интернационализма. С другой — таким образом происходило усиление контроля, воспроизведение в истории литературы региона характерных моделей, применяемых и для русской литературы, и, наконец, становление мифа о едином советском народе с богатым культурным наследием.

¹⁶¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 5.

че творчество будет отличаться от фольклорного пласта. Например, на Первой конференции по изучению производительных сил Туркменистана (1933) в секции культуры и человека прозвучало следующее высказывание: «Этот поход за культура (sic!) <...> явился мощным стимулом роста творческих сил и создания новой туркменской литературы»¹⁶². Или: «Мы можем создать сейчас действительно серьезную художественную пролетарскую литературу Туркмении»¹⁶³. Сама по себе концепция «создания» литературы (и новой культуры) прямо противоречила требованию «учиться у классиков», однако принципиальным здесь было отмежевание от «старой культуры» Туркменистана. С одной стороны, советская литературная политика в Центральной Азии должна была продемонстрировать кардинальные изменения по сравнению с досоветской ситуацией, с другой — было очевидно, что создавать литературу «на пустом месте» было бы невозможно. Именно с этим связаны противоречия в восприятии поэтов прошлого, о которых речь пойдет далее.

Для Туркменистана был разработан план по развитию национальной литературы. В резолюции по докладам Ораза Тачназарова (см. о нем в главе 1) и профессора-востоковеда Ильи Бороздина говорится о конференции советских писателей Туркменистана, на которой был принят следующий план развития: «Конференция считает необходимым <...> оказание всемерной помощи в деле:

- 1/ написания истории туркменской художественной литературы.
- 2/ написания истории социалистического строительства Туркмении
<...>
- 3/ создания фундаментальных произведений (романов, повестей, пьес)

¹⁶² АРАН. Ф. 174. Оп. 8 (1923–1934). Ед. хр. 10. Л. 97–98.

¹⁶³ Там же. Л. 137.

<...>

4/ перехода туркменской литературы на прозаические формы <...> являющиеся наиболее доступными для трудящихся масс.

5/ создания высококачественных драматургических произведений <...>

6/ создания детской художественной литературы.

7/ повышения качества переводов с русского на туркменский и усиления работ по переводам произведений туркменских писателей и поэтов как на русский и другие языки народов СССР, так и на иностранные языки.

8/ организация (sic!) бригадных поездок <...> и совместной <...> работы с туркменскими писателями <...> а также поездок писателей Туркмении в другие братские республики

9/ <...> увязки писателей с учеными <...>

Конференция считает необходимым <...> обратить внимание писателей <...> на крайнюю желательность изучения ими туркменского языка...»¹⁶⁴

В этом плане первоочередными и характерными для работы с литературами Центральной Азии, как кажется, были три аспекта: написание истории туркменской художественной литературы, создание фундаментальных произведений и переход на прозаические формы. С одной стороны, эти задачи были связаны с литературной политикой (история литературы должна была ей соответствовать). С другой — советская литература отчаянно нуждалась в собственных классиках. Если в центре это место занимал Горький, то на периферии оно было вакантно. Фундаментальная проза как бы подчеркивала ценность литературы и ее право на существование, а соцреалистический роман был ключевым для советской литературы жанром. В будущем знаковой фигурой для фундаментальной

¹⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 17–18.

прозы стал упомянутый в главе 1 Берды Кербабаев, получивший в 1948 г. Сталинскую премию за роман о революции «Решающий шаг». Сталинская премия для писателя с периферии была знаком признания того, что литература Туркменистана в принципе существовала.

История туркменской литературы, конструируемая вокруг юбилея, так или иначе должна была отвечать актуальному запросу выделение в ней тех текстов, которые подразумевают «борьбу с гнетом феодалов». Здесь туркменская критика следовала традиции советского литературоведения этого периода. Приведем утверждение из очерка Ходжанепеса Чарыева (первый председатель Союза советских писателей Туркменской ССР, в 1937 г. репрессирован) «История туркменской литературы»: «Наша позиция заключается в том, чтобы изучить и критически использовать все полезное <...> не взирая на то, к какой эпохе и к какой общественной формации принадлежит тот или иной поэт. Именно у Махтумкули наши поэты могут многое почерпнуть <...> сейчас практически поставлен вопрос о критическом отборе и издании избранных произведений...»¹⁶⁵

Чарыев выделяет и других авторов, однако Махтумкули, поэту XVIII в., который считался зачинателем туркменской классической литературы, традиционно отводится наибольший объем очерка. Именно творчество Махтумкули дошло в письменных источниках, его фигура была (и остается) знаковой для туркменской литературной традиции. И хотя в очерке Чарыева говорится о критическом переосмыслении, то же самое можно было бы сказать о переосмыслении творчества Пушкина в советскую эпоху. Новое время требовало новых образцов, но не могло вычеркивать старые, это означало бы полное прерывание культурной традиции, что противоречило бы

¹⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 44

официальной идеологии равенства народов (знаменитая фраза Сталина о русском народе, первом среди равных, в то время еще не прозвучала).

История туркменской словесности велась от древних эпосов, и в первой половине 1930-х гг. активно собирали так называемый фольклор дооктябрьского периода. Фольклористическая работа велась и раньше в Институте туркменоведения. Однако в связи с проектом создания национальной литературы она была вновь актуализирована. Подход к сбору фольклора оказывается сопряжен с обработкой текстов туркменских авторов XVIII–XIX вв., например, все в том же очерке Чарыева говорится: «Фольклорной комиссией ССП собрано <...> порядочное количество стихотворений Молла Непеса (печатных изданий его нет). Предполагается издание сборника...»¹⁶⁶

В связи с этим встает вопрос о том, можно ли среди фольклорного материала вычлениить тексты собственно авторского происхождения. В подобном подходе можно усмотреть попытку мистификации, однако не следует забывать о том, что творчество Махтумкули сохранялось и в позднейших письменных источниках. По какому принципу Фольклорная комиссия приписывала те или иные тексты, дошедшие в устной форме, Молла Непесу, нам неизвестно. Тем не менее здесь подчеркивается опора на предполагаемое авторство. Просто собрать фольклор было недостаточно, необходимо было отыскать традицию, проследить развитие туркменской литературы. Именно это развитие должно было подчеркнуть ее равенство с литературами других республик.

С фольклорной проблемой сопряжен упомянутый переход на прозу. Молодая туркменская литература подавалась как ориентированная

¹⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 45

на песенный фольклор. В одной из газетных статей И. Н. Бороздина говорится: «Эти писатели идут от народного творчества, от устной поэзии трудящихся, от песнотворчества батраков и пастухов»¹⁶⁷. Однако, как видно из попыток выстроить для туркменской литературы классический фундамент, творчества батраков и пастухов было недостаточно. Прозы на том этапе существовало довольно мало, например, рассказ «Последняя ночь» Ата Ниязова (он, в частности, переводил на туркменский язык стихи Пушкина и упомянутую выше «Пустыню» Павленко). Прозаические, в идеале — монументальные произведения были важны для конструирования национальной литературы, так как именно они могли считаться признаком ее полноценного развития. С другой стороны, поэзия с ориентацией на фольклор также должна была сохраниться, ведь такое ее состояние подчеркивало связь с творчеством простого народа.

Риторика, касающаяся создания туркменской советской литературы, строилась на постоянно повторяющихся определениях. Так, в названной выше резолюции по докладам Тачназарова и Бороздина упоминается «бурный рост туркменской советской художественной литературы, окрепшей в активной борьбе на два фронта — с великодержавным шовинизмом и местным национализмом, — и имеющей собственные национальные кадры»¹⁶⁸. Примерно ту же риторическую формулу реализует Бороздин в той же газетной статье: «Советский Туркменистан создал свою молодую туркменскую литературу. Не без труда преодолевались старые литературные традиции, где экзотическая и изоциренная форма нередко прикрывала националистические и шовинистические иллюзии. <...> И в литературе давали себя знать

¹⁶⁷ Бороздин И. Н. Художественная литература Советской Туркмении // За коммунистическое просвещение. 1934. 8 июля.

¹⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 16.

различные рецидивы самого махрового национализма, пантюркизма и т. п.»¹⁶⁹

Здесь выделяются два характерных определения: шовинизм и местный национализм (само по себе слово «шовинизм» изначально подразумевало определение «великодержавный», однако применительно к Центральной Азии могла означать, например, пантюркизм). Грань между определениями «националистический» и «национальный» проводится по принципу наличия или отсутствия «социалистических» элементов в творчестве, а также всего того, что могло быть истолковано как сепаратизм. Советская литература, таким образом, пытается, с одной стороны, стимулировать туркменскую, с другой — не давать ей ставить туркменский элемент выше общесоюзного. Следует отметить, что советское определение «великодержавного шовинизма», изначально направленное против превосходства русской культуры над остальными, переносится на литературу периферии. В этом, конечно, состоит особенность региона Центральной Азии, где национальная идентичность имела свою сложную историю и до начала 1930-х гг. было весьма активно басмаческое движение.

Отдельно стоял вопрос о введении в литературу женщин. Так, в той же статье Бороздин писал: «На литературную арену выступила и женщина-писательница. Так, следует отметить поэтические и прозаические произведения Таушан-Эсеновой и стихотворные дебюты Гюль Шамурадовой»¹⁷⁰.

Такое подчеркивание роли женщины было связано с установкой на ее раскрепощение и освобождение от адата, то есть исламских норм права (сами по себе адат и шариат, разумеется, отличаются друг от друга, и отношения

¹⁶⁹ Бороздин И. Н. Цит. соч.

¹⁷⁰ Там же.

между ними сложны, однако в статье Бороздина, который, конечно же, об этом знал, этот нюанс не подчеркивается — для пропаганды важно подчеркнуть отсталость любых исламских норм).

Упомянутая здесь Тоушан (Товшан) Эсенова стала ключевой фигурой туркменской женской литературы. Она была редактором одного из отделов журнала «Советская литература» («Совет эдебияты»), присутствовала на заседаниях Туркменского союза советских писателей.

При этом на встрече туркменских писателей с колхозниками республики и стахановцами фабрики «Трехгорная мануфактура» от лица туркменок говорила не писательница, а некая Энни Гельдыева. Она выступала на туркменском языке. Приведем цитату из ее речи в переводе, выполненном для стенограммы: «Я, говорит, обращаюсь с большой просьбой к инженерам человеческих душ описать туркменок, как она была раньше и как она теперь есть. Описать ее в быту, в прошлом и теперь. О туркменке, говорит, мало написано. Нет таких книг, которые давали бы полное представление о туркменке в прошлом и настоящем»¹⁷¹.

Соответственно, перед молодой туркменской литературой ставилась цель такие произведения создать. И непосредственным свидетелем жизни «туркменки в прошлом и настоящем» должна была стать женщина-писательница.

Туркменская литература вместе с тем ощущала необходимость «выучиться» у русской. Так, в одном из писем 1935 г. Чарыев просит «послать нам крупного литературоведа или критика»¹⁷². Москва выполнила это пожелание, так как сама была заинтересована в осуществлении консультаций местных писателей специалистами из центра (см. упоминание о переходе

¹⁷¹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 20

¹⁷² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 17.

на прозу и монументальные произведения) и отправила в Туркменистан литературного критика и журналиста Соломона Пакентрейгера, перед которым была поставлена задача обучить туркменских писателей основам литературоведения и литературного творчества, и платила ему за это 2200 руб., а также командировочные. Это было достаточно крупным вложением, учитывая, что, вероятнее всего, ему был организован полный пансион. Пакентрейгер пробыл в Туркменистане с 10 октября по 25 ноября 1936 г. и предоставил неутешительный отчет.

Критик обращается к проблеме «перехода на прозу» и пишет: «Особый интерес товарищи проявили к теории прозы, теории литературы вообще, т. к. в этой области у некоторых из них есть известная подготовка»¹⁷³.

Однако заимствование всего лучшего у русской литературы, по мнению Пакентрейгера, ведется в недостаточном объеме: «Что же касается самых общих познаний русской литературы, то тут у товарищей много недугов. Не все систематически читали русских классиков. Фактически аудиторию пришлось ознакомить с главнейшими произведениями придворной и просветительской литературы конца 18 века, с характером литературы 19 века <...>

К сожалению, приходится констатировать слабую общеобразовательную подготовку товарищей¹⁷⁴.

Отметим, что «подготовка товарищей» означает знакомство туркменских писателей с русской литературой. Именно в 1936 г., 1 февраля, со страниц «Правды» прозвучали слова Сталина о русском народе, первом среди равных, таким образом, об иерархии уже было заявлено открыто. Постановка вопроса о том, что туркменских писателей должен учить

¹⁷³ Там же. Л. 21

¹⁷⁴ Там же. Л. 21–22.

литературный критик из центра на русском языке, говорила сама за себя.

Отдельно Пакентрейгер выделил Ораза Тачназарова и Берды Кербабоева — уже достаточно авторитетных на тот момент членов Туркменского союза писателей. Особенно критика заинтересовал задуманный Кербабоевым исторический роман. Кербабоев был одним из авторов, которого воспринимали как нуждающегося в перестроении. В отчете говорится, что «есть у него грехи перед советской властью»¹⁷⁵. Среди прочих Пакентрейгер упоминает и «двух молодых писательниц»¹⁷⁶, однако имен их по неясной причине не называет, что идет вразрез с декларируемой установкой на привлечение женщин в литературу. Отдельно он сожалеет о том, что у туркменских писателей нет прочной связи с РККА¹⁷⁷. Таким образом, заявленные требования соответствовали намеченному плану: создание фундаментальной прозы, введение женщины в литературу и т. п. Что касается связи с РККА, это отвечало общим тенденциям милитаризации литературы в 1930-е гг., формированию так называемой оборонной литературы, подготовке к новой войне.

Туркменская комиссия ССП оказалась недовольна работой Пакентрейгера и обвинила его в отсутствии точного представления о Туркменистане и в поверхностном, отчасти экзотизирующем взгляде на него. Видимо, на данном этапе нужно было защитить репутацию туркменских советских писателей. Кроме того, комиссия осталась недовольна тем, что в цикле лекций полностью отсутствовала дореволюционная туркменская, а также античная литература (и здесь вновь актуализируется опора на традицию). Так, Хаджи-Мурат Мугуев высказался следующим

¹⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 22.

¹⁷⁶ Там же. Л. 23.

¹⁷⁷ Там же.

образом: «...лектор должен быть знаком с историей туркменской культуры. Только тогда он сумеет построить свой цикл лекций вполне доступно и интересно для туркменских писателей. Наряду с этим надо указать, что туркменские писатели не овладели древней литературой (Греция и Рим), оказавшей такое большое влияние на литературу Востока. Знают об Аристотеле и Платоне колхозники и кочевники, а писатели совершенно не овладели наследством. Политического, социального движения Туркмении писатели до сих пор не знают. То обстоятельство, что нет овладения этим наследством, очень мешает возможности найти творческие формы»¹⁷⁸.

Таким образом, Туркменская комиссия вновь напоминает, что Туркменистан должен опираться на собственную культуру. Видимо, в 1936 г. мы имеем дело с переломным моментом в выстраивании советской литературной иерархии. Еще не до конца сориентировавшиеся в новом культурном пространстве литературные деятели оперируют стремительно устаревающими для советской национальной политики моделями. Показательно при этом обращение уже не только к туркменской культуре, но и к античности. Знание о Платоне и Аристотеле, характерное для кочевников (но по какой-то причине не писателей — потомков этих кочевников), становятся не просто признаком образованности, но знаком приобщения к «мировой литературе».

Так, в различных высказываниях о литературе подчеркивалось угнетенное состояние туркменского народа до революции. В статье о туркменской детской литературе (нам не удалось установить, где она была опубликована, тем не менее ее риторика представляется показательной для ситуации Центральной Азии) есть такие строки (орфография и пунктуация

¹⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 114. Л. 2.

источника сохранены): «Туркмения была колонией царской самодержавия, а туркменский бедняцкий класс находился в темноте, нищете и невежестве. Благодаря завоеванием Великой Октябрьской Революции в СССР, Туркмения и туркменский народ стал дышать воздухом равноправной атмосферой.

Теперь каждый колхозник-туркмен отлично понимает, что он находится в раю Сталинской эпохи, и он понимает и видит на деле, что ему жить стало лучше, жить стало веселее»¹⁷⁹.

«Рай сталинской эпохи» оказывается противопоставлен «двойному гнету», который закрепляется как постоянное определение для состояния низших классов в дореволюционной ситуации. Ср. в записях Г. А. Санникова (речь идет о праздновании юбилея республики): «Это большой праздник народов Ср<едней> Азии которые до революции находились под двоин<ым> гнетом, с од<ной> стор<оны> русск<ого> царизма, с друг<ой> стор<оны> своих феодалов деспотов — ханов, беков, баев, имамов¹⁸⁰.

Ср. также у Чарыева: «Начиная со второй половины XIX столетия, со времен завоевания Туркмении российскими колонизаторами, все творческие силы <...> были подавлены <...> под двойным гнетом»¹⁸¹.

Исходя из этой бинарной оппозиции, видимо, и конструируется новая советская туркменская литература. Конечно, словосочетания «двойной гнет» и «рай сталинской эпохи» были изобретены не специально для нее, однако именно в случае с Туркменистаном подразумевалась следующая точка зрения: внутренними ее делами до революции никто особенно не интересовался, поэтому «двойной гнет» «феодалов-деспотов» замедлял развитие туркменской национальной культуры. «Рай сталинской эпохи» был призван эту культуру

¹⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 33, 36. Листы в документе прошиты в неверном порядке.

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2.

¹⁸¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 47.

простимулировать, научить, как избегать обвинений в национализме и как стать социалистической по содержанию. Появление таких требований, как переход на прозу, освещение женского вопроса, обращение к фольклорному пласту и авторам прошлого должно было стимулировать новую советскую туркменскую литературу. Все эти аспекты указывают на то, что работа над проектом не велась хаотично, она требовала согласованного плана. Однако к 1936 г., как представляется, разворот сталинской национальной политики привел к замешательству среди идеологов «создания» новой литературной традиции. Разнородные факторы затрудняли работу над проектом, флуктуирующая и отчасти также противоречивая позиция власти, как кажется, в будущем должны были привести к тому, что проект вернется в локальное русло, и только такие институциональные явления, как Сталинская премия, могли служить знаковым подтверждением его сформированности.

Разумеется, проект нельзя рассматривать изолированно, горизонтальные связи между литературами советской периферии, сходства и различия в работе каждой из них имеют принципиальное значение — как представляется, проект советской многонациональной литературы не был гомогенным по своей сути, как бы этого ни желали его реализаторы. В этом параграфе мы сосредоточились на институциональных аспектах его становления, однако не стоит забывать о том, что отдельные люди, участвовавшие в нем, могли руководствоваться и личными интересами. Во всяком случае, когда речь заходит о туркменских литературных деятелях, таких как Ходжанепес Чарыев или Ораз Тачназаров (оба они были репрессированы), личное желание встроиться в советское литературное поле нельзя сбрасывать со счетов. До ареста они были местными идеологами проекта, активно выступали в прессе, Тачназаров участвовал в Первом съезде советских писателей. Приведенные

выше цитаты из их публичных высказываний, а также тот факт, что инициатива по приглашению «литературоведа» исходила из региона, демонстрируют, что «создание» советской туркменской литературы отвечало не только интересам Москвы, но и местным. Соответственно, и постколониальная теория применительно к проекту должна быть пересмотрена. Следует выяснить, какие местные интересы поддерживались, а какие вытеснялись.

Показательно, однако, что репрессированы были именно идеологи новой туркменской литературы, когда центр стал утрачивать к ней интерес. Возможно, здесь стоит вести речь и том, какая активность на местах была позволительна, а какая нет. Так, упомянутая выше знаковая для туркменской литературы писательница Тоушан Эсенова стала символом литературы о раскрепощении женщины, которая неизменно была актуальной из-за сложной ситуации в регионе. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и чисто литературные факторы. Отчаянный поиск «качественной» туркменской литературы, как было видно из приведенных цитат, не мог исчерпываться только ее «политической правильностью». Тексты, которые, по мнению Туркменской комиссии, были достойны перевода на русский язык, должны были соответствовать и художественным задачам, как их понимал Союз писателей. Отсюда и формальные требования к качеству, и рассуждения Пакентрейгера о недостаточной подготовке туркменских писателей, и их обучение на курсах в Москве (в частности, Тоушан Эсеновой), и требование взять что-либо от литературы прошлого.

Важно подчеркнуть, что проект несводим только к идеологической составляющей. В кратком описании наиболее важных его аспектов мы сосредоточились в первую очередь на ней, однако это не означает, что любая литература, отвечавшая идеологическим задачам, могла быть напечатана, тем

более на русском языке. Упомянутая желательность изучения туркменского языка также добавляет важный аспект в вопросы перевода. Выполняемый по подстрочникам, он не всегда мог соответствовать содержанию оригинального текста, однако само существование запроса на изучение языка указывает на то, что точность перевода также волновала деятелей проекта. Кроме того, в Туркменистане были и свои переводчики, которые владели обоими языками. Перевод на русский давал возможность удовлетворить личные писательские амбиции, его художественные достоинства или недостатки становились предметом обсуждений. А переводы с русского языка на туркменский должны были сформировать связь между литературами центра и периферии и — опять же — служить способом освоения художественного мастерства, как бы оно ни понималось. Таким образом, рассмотренная нами идейная сторона проекта демонстрирует лишь один аспект его сложной структуры. Подробнее о переводных текстах речь пойдет в следующем параграфе настоящей главы.

2.2. Альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» как примеры взаимодействия литератур

Как уже было сказано в главе 1, литература советской периферии находилась в сложном взаимодействии с литературой центра. По этой причине мы рассматриваем не только туркменский материал, но и русскоязычный (а также осетинский и армянский — тексты Хаджи-Мурата Мугуева и Азата Вштуни). Мы полагаем, что так называемая «советская многонациональная литература» не была гомогенным явлением, однако наша оптика предусматривает анализ туркменской литературы в русскоязычных переводах в тех изданиях, в которых она могла дойти до советского читателя

за пределами республики. Как представляется, таким образом можно высветить те аспекты, которые влияли на ее формирование. Как мы уже замечали в главе 1, конструирование туркменской литературы было частью двунаправленного проекта: не только центр указывал периферии, как следует писать, но и периферия должна была влиять на центр. Именно так мы и будем рассматривать некоторые русскоязычные тексты (в частности, элементы стилизации в них). Также в настоящем параграфе речь пойдет о структуре альманахов, которая, как представляется, могла выстроить определенную иерархию текстов. Таким образом, мы рассматриваем проект не изолированно, а в сочетании с тем, на фоне каких текстов репрезентировалась туркменская литература и как сам Туркменистан репрезентировался в этих текстах. Также отдельную проблему, рассматриваемую в этом параграфе, составит переводческая практика. Чтобы вычленил характерные для 1930-х гг. устойчивые элементы, мы будем привлекать более поздние переводы стихотворений для сравнения.

2.2.1. Структура и содержание альманаха «Айдинг-Гюнлер»

Как уже было сказано, альманах «Айдинг-Гюнлер» был приурочен к юбилею Туркменистана. Как представляется, в понимании советских идеологов размежевание республик стало их «вторым рождением», особенно учитывая постулировавшуюся антиколониальной направленности советской политики в регионе, о котором речь шла в параграфе 2.1. Так или иначе, издание было праздничным. Оформление обложки, увеличенный формат, явная дороговизна печати на бумаге высокого качества указывает на то, что выделенные деньги были потрачены по прямому назначению. Альманах был сдан в производство 9 августа 1934 г., подписан к печати — 22 сентября.

Учитывая, что бригадная поездка состоялась в том же 1934 г., можно предположить, что альманах создавался в спешке. На это же указывают и совещания Туркменской комиссии, а также тот факт, что двое авторов перепечатали тексты, которые были подготовлены еще для альманаха «Туркменистан весной».

Можно попытаться прояснить то, чем руководствовались участники проекта при выборе заглавия альманаха. Перевод на туркменский выполнен неточно. В предисловии утверждается, что в переводе с туркменского языка словосочетание «айдинг гюнлер» означает «лучезарные дни»¹⁸². Однако в действительности здесь использованы общетюркские корни, для которых характерна сильная полисемия. «Айдинг» (принимая во внимание не устоявшуюся на тот момент орфографическую норму — в кириллической передаче это слово следует писать как «айдың») дословно переводится как «светлый» или «ясный», от «ай» — «луна». Слово «гюнлер» («дни», где -ер — показатель множественного числа) также должно быть понятно любому носителю тюркского языка.

Подобной стратегии может быть несколько объяснений.

С одной стороны, многозначность тюркских корней порождает дополнительные смыслы. «Айдинг» — «ясный» не только в прямом значении, но и в переносном — «истинный». С другой стороны, название, переведенное на туркменский буквально, могло показаться неблагозвучным (в предисловии авторы якобы переводят словосочетание с туркменского, хотя в реальности было наоборот). Таким образом, выбранное заглавие становится в определенной степени мистификацией: это красивое звучное словосочетание, понятное рядовому носителю тюркского языка.

¹⁸² Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 3.

Как представляется, альманах «Айдинг-Гюнлер» стал возможен именно потому, что первый проект сочли успешным. В альманахе мы находим те же имена: П. Г. Скосырев, Г. А. Санников, В. А. Луговской. Санников и становится ответственным редактором альманаха (также в состав редколлегии входят В. Жмуйда, М. Немченко, П. Скосырев, О. Тачназаров и Г. Шенгели). Как уже было сказано в главе 1, далеко не все участники поездки в итоге подготовили тексты для альманаха. Приведем список членов бригады, указанный на последней странице издания:

В. Билль-Белоцерковский.

Конст. Большаков.

И. Бороздин.

Азат Вштуни.

Владимир Козин.

Михаил Лоскутов.

Владимир Луговской.

Герогий Максимов.

Хаджи-Мурат Мугуев.

М. Немченко.

Н. Одоев.

Андрей Платонов.

Викторин Попов.

Г. Санников.

Петр Скосырев

А. Смирнов.

Тициан Тобидзе.

Георгий Шенгели.

Н. Шестаков¹⁸³.

Если сравнить этот список с содержанием альманаха, видно, что 12 человек из 19 тексты подготовили. Как мы покажем в подпараграфе 2.2.2, некоторые из остальных писателей, видимо, не успев ничего закончить для «Айдинг-Гюнлер», напечатались в следующем альманахе. Бороздин, очевидно, выступал скорее в роли ученого-консультанта.

Структура альманаха «Айдинг-Гюнлер» неоднородна — перемежаются стихи и проза, произведения русскоязычных и туркменских писателей в переводе. Приведем содержание полностью:

Всеволод Иванов и Лахути. — Предисловие

К. Атабаев. — Десять лет, статья

Петр Скосырев. — Оазис, повесть

О. Таш-Назаров. — Байрам-Али, отрывок из поэмы

Андрей Платонов. — Такыр, рассказ

Г. Санников. — Пески и розы, цикл стихотворений

Герогий Максимов. — Песнь Амана, повесть

В. Луговской. — Два стихотворения

Х. Н. Чарыев. — В мечети, отрывок из поэмы

Владимир Козин. — Конская кровь, пьеса для чтения

Аман Кекилов. — Отец и дочь, стихотворение

Георгий Шенгели. — Туркмения, два стихотворения

Берды Султан Ниязов. — Два стихотворения

Конст. Большаков. — Керки, материалы к рассказу

Азат Вштуни. — Ковровщица Ай-Султан, стихотворения

¹⁸³ Там же. С. 223. Список в целом совпадает с перечнем в записях Санникова (см. главу 1).

Михаил Лоскутов. — Предшественники, рассказы
Ата-Ниязов. — На колхозном поле, стихотворение
Шали Кекилов. — Творя цель, стихотворение
Дурды Клычев. — Пережитое, стихотворение
Викторин Попов. — Субтропики на Атреке, очерк
Георгий Шенгели. — Преодоление пустыни, очерк
М. Немченко. — Центральные Кара-Кумы
В. Беляев. — Национальная туркменская музыка
Акад. И. М. Губкин. — Ископаемые ресурсы Туркменистана¹⁸⁴

Приведем также список иллюстраций, следующий за содержанием (в скобках указаны номера страниц по содержанию альманаха; подробно о художественном оформлении будет сказано в главе 3):

Портреты: тт. Сталина, Горького, Айтикова и Атабаева — художн.
Л. Зильберштейна

Базар в Ашхабаде, художн. Мазель И. М. (13)

В кибитке, художн. Оболенская Ю. В. (25)

Туркменка, фото

Пендинское энси¹⁸⁵, фото

Мечеть Султан Санджара, художн. Беляев В. П. (96)

Откочевка бая, художн. Скаля П. П. (107)

В конесовхозе, фото (120)

Базар в Мерве, художн. Оболенская Ю. В. (133)

Быт, художн. Нурали Б. (139)

¹⁸⁴ Там же. С. 222.

¹⁸⁵ Название ковра с особым типом узора.

На колхозном поле, фото (167)
Туркменки, художн. Бегляров С. Н.
Открытие канала, фото (188)
На Аму-Дарье, фото (189)
Узбой, фото (191)
Б. Балханы, фото (196)
Музыканты, фото (209)
Курорт Молла-Кара, фото (213)
Нефтедаг, фото (220)
Этюд, художн. Н. Г. Котова (трехцветка)
Ликвидация прорыва на Мургабе, художн. Н. Г. Котова (трехцветка)
Суперобложка художн. Е. Перникова
Концовки и заставки стр. 46, 47, 61, 97, 122, 125, 128, 161 художн. Мазеля
Заставки стр. 143, 169 художн. Храпковского
Концовки стр. 181, 204 художн. Копалкина
Заставка стр. 7 художн. Горбовец¹⁸⁶

Как уже отмечалось в главе 1, создатели альманаха стремились к максимальному жанровому разнообразию. По всей видимости, тексты научно-популярного характера были включены для того, чтобы закрыть какое-либо из тематических направлений, отражения в альманахе не получившее.

Отдельно следует обратить внимание на верстку альманаха. Начиная с очерка Викторина Попова «Субтропики на Атреке» текст расположен в две колонки. Очевидно, это вызвано жанровой принадлежностью текстов (два

¹⁸⁶ Нам удалось отыскать информацию не обо всех художниках. О Бяшине Нурали и Рувиме (Илье) Мазеле речь пойдет в главе 3. Некоторые из художников могли жить и работать в Москве, другие — быть членами уже на тот момент не существующей «Ударной школы искусств Востока».

очерка и три научно-популярные статьи). Отметим также, что в одном из доступных нам экземпляров отсутствует портрет К. Атабаева и его статья, указанные в содержании. Предположительно это связано с тем, что постпред был репрессирован¹⁸⁷. В жанровом отношении выделяются обозначения «пьеса для чтения» и «материалы к рассказу». Первая написана вовсе не в драматической форме, по сути это просто рассказ, а слово «материалы» же, по-видимому, указывает на незавершенность текста.

Тексты туркменских авторов представлены в альманахе только стихами, русскоязычные — и стихами и прозой. Итак, открывается альманах предисловием, которое подписано Всеволодом Ивановым и Гасемом Лахути¹⁸⁸. Как нам удалось выявить по документам РГАЛИ, в действительности текст от начала до конца написан Лахути¹⁸⁹, Иванов лишь поставил свою подпись. Оба они — и Иванов, и Лахути — в поездке не участвовали, однако Иванов ездил в Туркменистан в 1930 г. в составе первой бригады, так что его появление объяснимо. Что касается Лахути, его появление может быть обусловлено тем, что нужен был представитель «братской республики». От Туркменистана выступал Атабаев со статьей «Десять лет», и, вероятно, требовался еще один голос — другой республики советской Центральной Азии.

Лахути указывает, что писатели находились в Туркменистане от полутора до трех месяцев, а также упоминает писательские конференции и Первый всетуркменский съезд советских писателей, подробно освещавшийся в газете «Туркменская искра». Предисловие подтверждает

¹⁸⁷ См. об этом: *Роженцева Е.* Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив Андрея Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 407.

¹⁸⁸ В действительности его имя – Альбукасим Ахмедзаде Лахути. Лахути эмигрировал в СССР из Ирана и был в итоге провозглашен родоначальником таджикской советской поэзии. Среди прочего — автор гимна Таджикской ССР.

¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 429.

нашу догадку о том, что в следующий альманах, «Туркмения», вошли тексты, которые предназначались для «Айдинг-Гюнлер», но не были завершены: «Все произведения данного альманаха, за небольшим исключением, написаны на основе этой поездки бригады писателей и печатаются впервые. Ряд произведений, в частности несколько пьес, не законченных к моменту составления альманаха, не вошел в него. В связи с этим одна из важнейших сторон красочной действительности советской Туркмении — индустриализация — не получила в альманахе полноценного художественного отражения. Но этот пробел тематически восполняется прекрасной статьей академика Губкина»¹⁹⁰. Таким образом, мы находим подтверждение и тому, что тексты публицистического характера «закрывают дыру» в содержании альманаха.

Также в предисловии говорится: «Альманах составлен на основе сотрудничества русских и туркменских авторов. Все наиболее творчески определившиеся туркменские писатели приняли в нем участие»¹⁹¹. В этой фразе показательны два аспекта. Во-первых, сотрудничество русских и туркменских авторов прямо соотносится с декларацией того, что туркменская литература, оставаясь самобытной, должна вливаться в общесоюзный проект. Однако следующее предложение в этом смысле противоречит предыдущему. Если туркменским писателям нужно творчески определиться, значит, их литература еще молода и нуждается в развитии. Вместе с тем нельзя говорить о том, что в предисловии туркменские литераторы представлены как «отстающие». Напротив, среди них есть «определившиеся», тексты которых и были отобраны для альманаха. Лахути, как кажется, намеренно нивелирует проблему отбора стихотворений для

¹⁹⁰ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 3

¹⁹¹ Там же.

альманаха. Туркменские авторы сами определились, что им писать. Они не «были отобраны», а «приняли участие». Таким образом они становятся акторами литературного процесса, его равноправными участниками. Как представляется, иной репрезентации в предисловии быть и не могло. Альманах должен представить то, чего туркменская литература достигла за десять лет. Это должен быть весомый результат, демонстрация того, что Туркменистан заслуживает места в советской литературе. Отметим также, что Лахути забывает о том, что один из участников альманаха — Азат Вштуни. И если даже допустить, что «русский» для Лахути — это «русскоязычный», никак не решается проблема того, что стихотворение Азата Вштуни дано в переводе с армянского. Неясно, что здесь сыграло роль: невнимательность Лахути, репутация Вштуни как уже состоявшегося советского поэта, а следовательно, существование его творчества в общесоюзном литературном поле, или что-то другое. Однако новый для нас факт состоит в том, что противопоставление «русский — туркменский» в действительности может означать «опытный — неопытный».

Повесть П. Г. Скосырева «Оазис» открывает художественный набор текстов. Она занимает 25 страниц и состоит из двух глав, каждая по семь подглавок. Фактически повесть представляет собой типичный текст о взрослении героя (мальчика Мамеда), в данном случае — его становление в соответствии с советскими идеалами. Однако у Скосырева получается не просто воспитательный, а ориентальный воспитательный текст. Ориентализм Скосырева при этом представляется сбалансированным. Делая ставку на «гибель экзотики», он пытается совместить репрезентацию туркменского быта с соцреалистическим сюжетом¹⁹².

¹⁹² Приведем мнение К. Холт: можно видеть типичную для соцреалистической литературы трансформацию героя, «его эволюцию как советского гражданина», которая выражена через

Обращает на себя внимание то, что Скосырев постоянно актуализирует один и тот же аспект в биографии персонажа: он перс по происхождению, «чужой» среди туркмен. При этом главный герой, Мамед, оказывается основным носителем коммунистической идеи в повести. С одной стороны, Мамед сохраняет связь со своей культурой, с другой — способен воспринимать новые идеи, так как он изначально чужой в этой стране. На такую расстановку сил в системе персонажей указывает прежде всего эпиграф, предваряющий повесть: «Не в Туране родился Хасан, / В Асхабаде недавно он...»¹⁹³

Повесть «Оазис» достаточно насыщена туркменскими реалиями. Персонажи часто пьют чай, подробно описан семейный уклад, вводятся туркменские (или квази-туркменские) поговорки. Основным источником туркменской культуры для главного героя становятся его отец и бабушка.

Так, наблюдая серьезную ссору отца с приятелем (последний распускал о первом слух, что тот якобы помогает переправлять через границу своих же пленных соотечественников, персов), Мамед ожидает, что отец скажет следующее: «Паршивый осел, зачем поганишь ты своими копытами дорожки моего сада, убирайся скорей, а не то я оборву тебе оба твои волосатые грязные уха!»¹⁹⁴ От бабушки же Мамед перенимает бытовую обрядовую традицию: «А бабушка взяла большую чашку, наполнила ее водой из колодца, словно собиралась кипятить чай, запела над чашкой какую-то молитву и стала ходить по дому и прыскать водой на стены, пол, ковры. <...> Бабушка попрыскала внутри дома и вышла на террасу. Попрыскала на террасе и спустилась в сад

«пространственную и национальную идентичность <...> трансформацию местного жителя, который находит себе место в Туркменистане, только что оказавшемся под советской властью» (Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 67–68).

¹⁹³ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 15.

¹⁹⁴ Там же. С. 14.

<...> Подошла к калитке, заглянула на улицу — не идет ли кто, и стала прыскать на калитку, приговаривая:

— Русские хотят забрать дом, нажитый Гасаном. Святой Али не допустит их войти в калитку»¹⁹⁵.

Скосырев, таким образом, пытается выполнить свою задачу как писателя: показать Туркменистан изнутри. Вероятнее всего, он пытается найти баланс между этнографией и «экзотикой». Как представляется, эта повесть должна была бы слиться в единый текст с туркменскими, если бы они были написаны для альманаха.

После повести Скосырева помещен отрывок из поэмы Ораза Тачназарова «Байрам Али», где речь идет об истории одноименного колхоза, в переводе В. Наседкина. В альманахе отмечено, что публикуемый фрагмент — это «Глава вторая. Рассказ Айджана»¹⁹⁶. Отрывок занимает 6 страниц. Помещенный после повести Скосырева, он фактически дополняет тему выживания мальчика-бедняка, однако из отрывка известно только о самом начале истории такого выживания. Всего в книге два отрывка из поэм — этот и «В мечети» Ходжанепеса Чарыева (из поэмы «Разброд»).

Характерно, что, как уже упоминалось выше, тематически отрывок поэмы «Байрам Али» примыкает к повести Скосырева. Возможно, Недира — главного героя — ждала та же судьба, что и Мамеда. Однако, как уже было сказано, в отрывке герой находится только в начале пути:

Смерть отняла у мальчика отца
И вскоре мать. Остался он у дяди.
Раб смертного конца не избежит —

¹⁹⁵ Там же. С. 16.

¹⁹⁶ Хотя в конце главы выясняется, что рассказывала женщина.

Поделят все добро его до пряди¹⁹⁷.

Дядя Недира — бай, и герой пасет его овец. Как еще несколько раз мы увидим в туркменских альманахах (см. в этой главе о поэме Амандурды Аламышева «Сона», отрывки из которой были опубликованы в альманахе «Туркмения»), в действительности взгляд в поэме смещается в сторону любовной интриги: невесту Недира Марал собираются отдать замуж за другого. Как и в повести Скосырева, у Тачназарова можно найти и этнографические детали (и он на это имеет больше прав и может не бояться быть обвиненным в «экзотике», так как именно он — голос нового Туркменистана). В частности, можно выделить описание мечты Марал о будущем (отметим здесь, что, в отличие от повести Скосырева, реалии никак не поясняются, хотя в этом, казалось бы, состоит задача переводчика или редактора; о том, почему так могло произойти, будет сказано в связи со стихотворениями Санникова):

Ее мечта: под белою кошмой
Из камыша кибитка при дороге.
Внутри кругом разостланы ковры.
Она в кибитку входит без тревоги.

Чувал ковровый, торбы по бокам
Висят, набитые добром, — в пригляде.
Халат из шелка, белый малахай
Недира возвышается средь клади.

¹⁹⁷ Там же. С. 41.

В углу чувалы, полные муки,
Расселись, опираясь друг на друга;
В другом — подушек, одеял бугры,
В цветах чудесных мартовского луга.

Шаг от порога, там, где самовар,
Стоит колет под крышкой красномедной,
Сама она с Недиром пьет кок-чай
И жизни улыбается безбедной¹⁹⁸.

Мы предполагаем, что именно этого ожидали от туркменской литературы: не просто показать новые идеалы, но ввести читателя в особенности незнакомой культуры. С другой стороны, здесь понятен принцип отбора. Тачназаров, по-видимому, написал поэму еще до того, как альманах был задуман. Отрывок, выбранный для книги, кажется случайным и не отвечает в полной мере тематическому плану — речь идет о тяжелом прошлом Туркменистана и о любви. Однако, как мы увидим далее, такая подмена случается часто¹⁹⁹. Выбор отрывка может быть обусловлен и тем, что его посчитали удачным в чисто формальном плане, однако, как представляется, стратегия «показать прошлое глазами туркмена» должна была сработать на репутацию группы. Туркменская комиссия Союза писателей давала ему голос и позволяла рассказать о том, что, возможно, пережил и он сам.

¹⁹⁸ Там же. С. 42.

¹⁹⁹ В частности, именно в мрачном изображении прошлого (в рассказе «Такыр») обвиняли А. П. Платонова, впрочем, это может быть связано с тем, что его текст действительно выделяется на фоне остальных в альманахе. Тачназарову, в любом случае, позволено больше.

Что касается любовного сюжета, он становится универсальным для многих текстов из альманахов. Внешнего соответствия теме из плана достаточно, чтобы позволить себе дальше сделать текст более привлекательным для массового читателя. С другой стороны, напомним, что в случае с Тачназаровым (если не со всеми туркменскими текстами) речь идет не о написании поэмы специально для альманаха, а об отборе. В этом, конечно, и состоит разница между русскоязычными и переводными текстами. Туркменская литература конструируется из уже готового материала. К ней предъявляются требования на будущее, однако в условиях спешки и необходимости как можно быстрее дать результат используют то, что имеется.

Недир, как и Марал, мечтает о счастливой семейной жизни, но его обманывает бай, причем родственник. Такое нарушение семейных связей из-за классовых различий, конечно, типично, а сам сюжет «бай обманывает бедняка», как представляется, не просто отсылает к классовому неравенству, но и предполагает восточную литературную традицию (как, возможно, и сюжет, связанный с тем, что сирота попадает к родственникам, которые над ним издеваются).

Недир отправляется в Хиву, где вновь сталкивается с классовой несправедливостью. На этот раз ему угрожает базарный бек (значение этого слова также не объясняется, как и то, кто такой кази — секретарь бека). Бек спрашивает Недира, знает ли тот пять заповедей ислама. Недир, однако, будучи необразованным, не знает законов шариата и пытается выйти из положения, выдумав пять заповедей, как их понимает пастух:

«У пастуха должны быть руки святы,
Трав вдоволь, овцы жирны, сыты псы,

Он должен знать желанье стада — в пятых»²⁰⁰.

Конечно, можно видеть здесь рядовой сюжет «находчивый бедняк выкручивается на допросе у богача», однако наиболее важным представляется, что Недир, будучи мусульманином (ранее он молится богу), не знает элементарных для мусульманина вещей. Мы предполагаем, что таким образом подчеркивается разрыв с традицией: необразованный бедняк сам толком в ней не разбирается, а значит, ему будет проще воспринять советские идеалы. Важно здесь отделить бытовые традиции, к которым постулируется уважение, и религиозные, которым в новом государстве — и в новой литературе — не место.

В конце отрывка выясняется, что этот рассказ — часть беседы матери с сыном:

— Скажи мне, мама, почему Недир
Как следует не мог ответить беку?
— Откуда знать такому человеку?
Все, что он знал, так это — стада след,
Вот почему и был такой ответ.

— Сама ты, мама, знаешь ли все это?
— «Намаз» и «ураза» слыхала я.
Но, милый сын, легко не знать и мне-то,
Где бедняку успеть? Я не могла.
Идя к мулле, уроков не брала...²⁰¹

²⁰⁰ Там же. С. 46

²⁰¹ Там же. С. 46.

Отметим здесь разницу с повестью Скосырева, где Мамед до революции все-таки учится в школе. Очевидно, Скосыреву важна этнографическая точность, а Тачназарову — классовая. Впрочем, Мамед живет в Ашхабаде, и у него изначально больше шансов получить какое-либо образование. Кроме того, выделяется аспект, связанный с агентностью туркменского писателя. Именно он — носитель голоса бедняка, именно он должен его сохранить и запечатлеть в литературе²⁰².

После отрывка из «Байрам-Али» следует русскоязычный текст, а именно рассказ А. П. Платонова «Такыр». Он отвечает тематическому направлению раскрепощения женщины, однако речь идет преимущественно о прошлом, как и в отрывке из произведения Тачназарова. Этот текст, подготовленный специально для альманаха, но, возможно, задуманный ранее, — единственный из прозаических, соответствующий полностью одной теме. В остальных случаях раскрепощение женщины показано на фоне колхозной жизни, а главная роль отведена все равно мужчине. Однако сам по себе рассказ сильно выделяется. В первую очередь, нельзя отрицать, что поэтику Платонова и его язык сложно назвать тривиальными. Трудно говорить, что рассказ вписывается в общий тон альманаха. Он слишком мрачен, слишком отличается по языку и больше отвечает не столько задаче альманаха, сколько личным представлениям Платонова о литературном производстве. В Приложении 1 к настоящей диссертации можно найти составленный нами комментарий к записным книжкам Платонова туркменского периода,

²⁰² Причем в ряде случаев голосом туркменской литературы оказывается человек, который получил образование в Бухаре, в частности, Берды Кербабаев.

уточняющий положения Н. В. Корниенко и касающийся в том числе рассказа «Такыр»²⁰³.

Тем не менее, тематический план благодаря Платонову закрыт. Так как сам по себе «Такыр» плохо вписывается в общую структуру этого альманаха, в настоящем исследовании рассматривать его в рамках всей книги мы не будем²⁰⁴. Представляется, что он вряд ли мог послужить образцом для туркменской литературы (ниже, однако, мы отметим определенной сходство некоторых моментов с повестью «Гюзель» Берды Султанниязова из альманаха «Туркмения»; тем не менее, даже если это сходство не случайно, тема «угнетенной женщины Востока» носит в большой степени универсальный характер, и решена она в повести и в рассказе совершенно по-разному).

Следующий текст — «Пески и розы» Санникова. Читателю может показаться, что это цикл из двух стихотворений «В пустыне» и «Туркменский ковер». В действительности это отрывки из романа в стихах «В гостях у египтян», который был написан еще по материалам из первой поездки. Фактически отрывки просто были перепечатаны в «Айдинг-Гюнлер» из «Туркменистана весной», видимо, чтобы восполнить нехватку стихотворных текстов, а также продемонстрировать, как выглядит туркменская культура чужими глазами. Санников в этом тексте прибегает к стилизации, поэтому, как нам представляется, уместно говорить не только о том, что туркменскую литературу хотели «научить» писать, но и о том, что

²⁰³ Комментарий к рассказу, впрочем, довольно вольный, дан в: *Лохер Я. П.* Рассказ Платонова «Такыр» и тема Востока // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 289–295.

²⁰⁴ Подробный анализ места рассказа в «Айдинг-Гюнлер» дан в: *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. No. 1/2. P. 57–83. И хотя Холт обращает внимание на определенные параллели с повестью Скосырева «Оазис», нам представляется, что Платонов выделяется из всего набора текстов достаточно сильно и сходных элементов для того, чтобы поставить его в один ряд с другими, недостаточно. Однако анализ Холт важен для понимания, как тексты могли соотноситься друг с другом.

отдельные ее особенности могли инкорпорироваться в литературу, написанную русскоязычным автором. Таким образом, становится видно, что воздействие не было однонаправленным. Если сместить оптику от «русского (или советского) ориентализма» к восприятию традиции, можно предположить, что Санников в том числе дает пример того, как эта традиция должна восприниматься.

Санников попытался воспроизводит в русскоязычном тексте туркменские слова, причем без каких-либо пояснений. Это касается описания ковровых красок и инструментов:

Кырмызы-бояк пунцовый,
Чоб-бояк и Сары-чоб
То песчаною основой,
То лучами, желтым, красным
Полыхнуть по ниткам разным
Даже взорам горячо.

<...>

Доклаа-дарах и сынды,
Аннауч, пичак бессменный,
Ничего кругом не видно
Из-за этих инструментов²⁰⁵.

²⁰⁵ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 64.

В «Туркменско-русском словаре» под редакцией Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева и М. Я. Хамзаева дана следующая огласовка этих слов: «Бояг <...> краска»²⁰⁶; «Гырмызы <...> красный»²⁰⁷.

Орфография слов «Чоб-бояк» и «Сары-чоб» восстанавливается до «чөпбоя» и «сарычөп», это названия растений марены красильной и дельфиниума соответственно, которые используются для получения ярко-красной и синей краски. Слову «доклаа-дарах», по-видимому, соответствуют «докма <...> ткацкий станок»²⁰⁸ и «дарак <...> ковр. гребень (служащий для уплотнения ворса на ковре)»²⁰⁹. Слово «сынды» (ножницы) передано без искажений. Под «аннаучем», видимо, подразумевается «эневүч <...> специальный инструмент для ровной натяжки ковра в ширину»²¹⁰. По всей видимости, слово «пичак» (пычак — нож) можно считать переданным без изменений.

Возможно, Санников использует эти слова как заумь, его задача — дать представление о звучании туркменского языка. В фонде поэта хранятся черновые наброски и гранки стихотворений для публикации в журналах «Туркменоведение» и «Красная новь» (РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 32). Судя по объему правки, Санников долго работал над текстом, однако указанные выше места остались нетронуты.

Туркменбаллада (именно так первоначально назвал ее Санников в альманахе «Туркменистан весной») разделена на пять частей: «Запев бахши», «Пенде-Гюль — ковер Туркмении», «Шерсть и краски», «Рисунок — песня по словам бахши», «Путь двугорбых, о котором в книгах не написано».

²⁰⁶ Туркменско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 113.

²⁰⁷ Там же. С. 234.

²⁰⁸ Там же. С. 276.

²⁰⁹ Там же. С. 246.

²¹⁰ Там же. С. 788.

В стихотворении речь идет о женщине, которая ткёт ковер — историю о любимом, который погиб в схватке. Узор ковра фактически следует за событиями:

Шистоцерка?

— Нет.

Ткачиха

Протянула эту нитку,
Потому что стало лихо
В опустевшей вдруг кибитке

Генерал с своею пылью
Объявился на границе
И подстреленною птицей
По ковру рука забилась.

На текинце, рея плеткой,
Муж умчался в бой отважный.
С перерезанною глоткой
Принесли его однажды²¹¹.

Ковер, «взятый в схватке с басмачами», висит «под портретом В. И. Ленина» (в корректуре рукой Санникова исправление: вместо «Под портретом в клубе рика // Рдеет пламенным узором» — «Под портретом В. И. Ленина // Пламенеет в клубе рика»²¹²). В рукописи есть вариант строфы,

²¹¹ Там же. С. 65.

²¹² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 5.

где на ковер укладывали труп мужа: «На недотканый с молитвой // Положили труп холодный»²¹³.

Санников сначала останавливается на варианте «На недотканые розы // Кровь остывшая струилась»²¹⁴, зачеркивает карандашом «Кровь остывшая» и подписывает сверху «Тишина беды»²¹⁵ и ту же правку вносит в гранки (видимо, оттиск был сделан раньше, чем поэт передумал)²¹⁶. Правка может быть мотивирована как чисто эстетическими соображениями, так и исключением натурализма в изображении войны, чтобы избежать нападок критиков.

Следующий текст довольно объемный. Это повесть Г. Максимова «Песнь Амана», которая занимает 22 страницы. Она состоит из шести глав с вступлением и заключением. Структура этой повести отвечает задаче «познать Туркмению изнутри» и одновременно дает образец литературы о зарождающемся туркменском пролетариате, чем и закрывается еще одно тематическое направление. Пролетариат — отдельный аспект тематики, которой ждут от туркменской литературы. Как отмечает А. Халид, в Центральной Азии советская власть столкнулась с фактическим отсутствием пролетариев и вынуждена была создавать их буквально «на ходу», проводя модернизацию²¹⁷. В альманахе «Айдинг-Гюнлер» примеров туркменских текстов о рабочих мы не находим, однако такой текст появится уже в альманахе «Туркмения».

²¹³ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 6об.

²¹⁴ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 18.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 5.

²¹⁷ А. Халид замечает: «Если социализм был триумфом пролетариата, что это значило для такого региона, как Центральная Азия, где не было индустрии, а следовательно, пролетариата?» (*Khalid A. Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 165*)

«Песнь Амана» в целом следует модели повести Скосырева — «познать Туркмению изнутри». Во вступлении и заключении речь идет о наблюдателе-европейце, который слушает песню бахши, но не из старого фольклора, а новую — о том, как туркмен Аман стал работать на железной дороге. Показательно высказывание сидящего рядом молодого туркмена: «Слушай... Ты пришел в эту страну, знакомую тебе лишь издали, и не узнал ее. <...> Слушай!»²¹⁸

Вероятнее всего, «не узнал» подразумевает, что европеец, «человек с записной книжкой», ожидал увидеть восточную экзотику, бахши же рассказал ему историю социалистического строительства: Аман, о котором идет речь в повести, — бывший пастух, работник депо, его жена Ай-Султан служит на текстильной фабрике. Его враг Мурад-бай угрожает ему, что его друзья отвернутся, когда вспомнят, что Аман — туркмен. Возникает, таким образом, тема взаимоотношений туркменского и советского (от Амана, конечно же, не отворачиваются, напротив, благодаря ему разрушается стереотипное представление об «азиатах»). По-видимому, цель повести — рассказать за туркмена историю, которую пока он сам рассказать в прозе не может, но максимально приблизить текст к модели «Туркменистан глазами туркмена».

После «Песни Амана» следуют два стихотворения Владимира Луговского — «Большевикам пустыни и весны» и «Кара-Кала». Оба они перепечатаны из «Туркменистана весной», первое — в сокращении. Очевидно, здесь имела место та же проблема, что и в случае с Санниковым, — нехватка стихотворных текстов. Кроме того, члены предыдущей бригады (в особенности Санников как председатель Туркменской комиссии, который

²¹⁸ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 68.

должен был быть лицом московской экспедиции) не могли не дать в альманахах вообще ничего, а прочие, кроме Санникова и Луговского, в этот раз никуда не поехали.

Стихотворение «Большевикам пустыни и весны» Луговского, чье имя, вероятно, после «Туркменистана весной» стало ассоциироваться со службой на границе, построено, как представляется, на создании иллюзии правдоподобного изображения Туркменистана. Фактически это рассказ свидетеля о том, как покоряют пустыню, причем особое место в ее покорении отводится пограничникам:

Но злоба конскими подковами стучит,
И на границах мчатся басмачи,
Раскинув лошадиные хвосты
На землю, воды и песок пустынь.

Дом, где сидим мы — это байский дом, —
Его поля засеяны кругом.
И чтобы убивать, и чтобы взять,
Он и пустыня возвращаются опять.

Но топот конницы и осторожный свист
Далеко слышит по пескам чекист, —
Засел прицел в кустарнике ресниц.
Да здравствуют
Работники границ!²¹⁹

²¹⁹ Там же. С. 90.

Так же, как и Ораз Тачназаров, Ходжанепес Чарыев представил для альманаха отрывок из поэмы под заглавием «В мечети (Отрывок из поэмы “Разброд” о гражданской войне в Туркменистане)» в переводе В. Наседкина. Отрывок короче, чем у Тачназарова, он не обозначен как отдельная глава и занимает четыре страницы. В отличие от отрывка Тачназарова, это текст, где эксплицитно опущено начало — он начинается с отточия:

...А время шло. Толпа росла, ждала²²⁰.

Таким образом, читателю не очевидно, что было раньше, однако по самому содержанию отрывка он может догадаться о предшествующих событиях.

Отрывок из поэмы Ходжанепеса Чарыева закрывает тему гражданской войны, о которой шла речь в обсуждении планов по поводу альманаха. Речь в отрывке идет о разговоре между ишаном (священнослужителем) и хитрым баем Оразом, который пугает людей приходом большевиков:

«Вы, господин, спросили неспроста.

Вы знаете, что в мире стало шатко.

В писании наверно есть места

О русских, о войне, о беспорядках?

Есть слух: большевики пришли в Чарджуй

И всех с собою на войну погнали,

²²⁰ Там же. С. 93

А тех, кто говорил им «не пойду»,
В ряды построив, тут же расстреляли.

Их страшных дел и вам не перечесть.
Они в мечеть нагрянули в Чарджуе
И в каждого, кто говорил «бог есть»,
Из пушек били, с господом враждуя».

<...>

«От них и бегство не спасешься, нет,
Ди и бежать-то некуда, вот горе!
Остаться здесь — от слез погаснет свет,
Придут сюда — так будем жить в раздоре.

Не тронем их — так все равно, закон!
Замучают. Чарджуй у них — начало.
Поделят наших девушек и жен
И все, что есть, что нам принадлежало»²²¹

Местные жители с легкостью верят Оразу и, напуганные большевиками, соглашаются им противостоять, тем более что Ораз добавляет:

«Еще есть слух: английские полки
На помощь подошли к мундирам черным,

²²¹ Там же. С. 93–94.

Вот если бы и мы им помогли —
Легко бы уничтожить непокорных²²².

Характерно, что именно Ходжанепесу Чарыеву достается задача оправдать действия большевиков в Центральной Азии. Все, что перечисляет Ораз, вполне укладывается в концепцию красного террора, однако читатель знает, что Ораз — бай, а следовательно, врет. Таким образом происходит фактическая легитимация большевистской власти от противного: новая власть и новые порядки на самом деле не так страшны, как пугают те, в чьих руках сосредоточена власть сейчас. В очередной раз становится важным, что автор поэмы — туркмен. Именно он мог быть свидетелем подобных событий, именно он может рассказать о том, что на самом деле происходило, и представить большевиков в нужном свете. В эту же концепцию укладывается и упоминание интервенции (как сообщает сноска, «черные полки» — это «Прозвище белых во время гражданской войны»²²³). Таким образом, поэма отвечает сразу двум задачам: это не просто рассказ о гражданской войне, как заявлено в теме, это рассказ правдоподобный.

Разумеется, как и в поэме Тачназарова, вводится типичная ситуация — бай обманывает бедняков, и он виноват во всем. Причем в уста бая вкладываются речи о свободе (хотя очевидно, что концепция альманаха предполагает, что свободу принесли именно большевики):

Останется ль свободным наш народ —
Большевикам плевать, а дело спешно.
Мы, аксакалы, вот кто вас ведет,

²²² Там же. С. 94

²²³ Там же.

Мы за народ ответственны, конечно²²⁴.

В этой строфе значимо не только упоминание свободы (как, видимо, должно выясниться дальше в поэме, иллюзорной), но и речь об ответственности за народ. Казалось бы, Ораз берет на себя самую сложную задачу и помогает простым туркменам. Однако, как представляется, в действительности это упоминание лишает туркмен права решать свою судьбу, права на агентность. Таким образом, мы имеем дело с традиционным народным мотивом «лживый бай обманывает простых бедняков». Этим беднякам в поэме дан голос через Черказа, который не хочет, чтобы его сын шел на войну (впрочем, Черказа быстро осаживают). Таким образом, очевидно, решается проблема с тем, чтобы оправдать тех туркмен, которые шли на войну не по своей воле. По плану Ораза, биться с большевиками должно пойти абсолютно все население. А так как Ораз — хозяин жизни, он может их заставить. В конце отрывка даже упоминается сожаление о смерти этих людей:

...По всем аулам зашумел народ,
Обманутый, он шел тогда под пули.
Осталось много плачущих сирот,
А их отцы в песках навек уснули²²⁵.

Таким образом, ответственность с большевиков за жестокость гражданской войны снимается. Бедняки — несчастные люди, запуганные

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. С. 96.

хитрыми эксплуататорами, в их смерти виновата не солдаты РККА, а бай-обманщики.

В то же время Ораз предлагает заведомо провальную стратегию — отправить на войну абсолютно всех мужчин. Его рассуждения подкрепляет ишан. В отрывке есть две отсылки к Корану. Вторая — простое упоминание о том, что ишан интерпретирует текст Корана как призыв воевать с большевиками, очевидно, представляя это как джихад. Первая отсылка более значима. Ораз говорит:

В писании наверно есть места
О русских, о войне, о беспорядках?²²⁶

Очевидно, что упоминания о войне с большевиками в Коране найти сложно, однако ишан может интерпретировать книгу так, как ему вздумается. Значимым представляется то, что сам по себе Коран в отрывке не разоблачается как лживая книга, разоблачаются те, кто его трактует. Также борьба большевиков с религией описана как преувеличенная манипулятором Оразом (см. выше цитату о том, как большевики убивают всех, кто верит в Аллаха). Упоминание Аллаха, как мы можем видеть, например, в стихотворении Луговского из альманаха «Туркменистан весной», было вполне допустимо. Более того, именно потому, что Ораз очевидно лжет, у читателя не должно остаться сомнений, что большевики не убивают всех мусульман подряд. Если вспомнить отношение к литературе прошлого, где вера в Аллаха оправдывалась разными способами, можно заключить, что от туркменской литературы требовалось не резкое осуждение религии,

²²⁶ Там же. С. 93. См. выше пространную цитату.

а обличение мулл, ишанов и прочих священнослужителей. Таким образом, отрывок Чарыева совмещает разные функции новой туркменской литературы.

После отрывка из поэмы Чарыева следует «Конская кровь» Козина с подзаголовком «Пьеса для чтения». Текст достаточно длинный, занимает 23 страницы и состоит из четырех частей. Почему Козин обозначил жанр как пьесу, не вполне ясно, так как по форме это просто прозаический текст. Сюжет этой пьесы, как мы увидим, также довольно сложно воплотить на сцене (впрочем, на это намекает указание «для чтения»). Такое обозначение может быть установлено как желанием разнообразить жанровый состав альманаха, так и содержательно — текст начинается со слов «События этого драматического представления...»²²⁷

В пьесе для чтения Козина, как это было передано в обсуждениях альманаха, о которых речь шла в главе 1, речь идет о коневодстве. Однако по сюжету это скорее мелодрама, нежели соцреалистический текст о совхозном строительстве. Таким образом, у русскоязычного писателя в альманахе появляется возможность поговорить о том, что ему в действительности интересно, лишь заявив нужную по плану тему на том простом основании, что в тексте упоминаются лошади и скачки. Речь идет о том, как бай не хотел продавать коня колхозникам, и после ряда перипетий сын бая убил коня, чтобы он никому не достался. На этом фоне разворачивается любовный сюжет. Кроме того, именно скачки и чистокровные лошади — одна из самых очевидных ассоциаций с туркменской культурой, причем как выясняется, в тексте идет речь уже о временах колхозного строительства: «Туркменистан поет страстные и нежные песни о своих лошадях. Дети и лошади для туркмена всегда желаемы, как счастье»²²⁸. Таким образом, у Козина ошутимо указание

²²⁷ Там же. С. 97.

²²⁸ Там же. С. 117.

на совмещение традиций и модернизации (что, собственно, постулируется и для туркменской литературы). У главного злодея Кака-бая пять жен, он хочет взять шестую, и все закрывают на это глаза. Очевидно, здесь Козин подчеркивает знакомство с туркменской культурой (он даже упоминает, что больше четырех жен по Корану брать запрещено). Впрочем, затем Кака-бай пытается уйти в Афганистан, чтобы его не раскулачили. Так же, как и в поэме Ходжанепеса Чарыева, туркмены боятся, что большевики их разорят и отберут все, в том числе женщин. Читатель, разумеется, знает, что по законам советской литературы пьеса должна показать другую картину.

Обратим внимание на то, что, в отличие от стихотворений Санникова, у пьесы Козина есть примечания, раскрывающие туркменские реалии. Если вспомнить, что то же самое мы находим у Скосырева, можно считать это подтверждением нашего предположения о том, что для Санникова отказ от примечаний был сознательной стратегией. Кроме того, у Козина, хотя и вскользь, упоминается туркменский фольклор, причем эротический. Молодая Ай-Биби говорит Кака-баю: «Может быть, у тебя между ног “зим-зим” пробежал?»²²⁹, намекая на импотенцию. Такой сниженный смысл, как представляется, на момент создания альманаха было еще вполне допустимым. Более того, в конце второй части Ай-Биби поет женские песни, причем Козин ссылается на А. П. Поцелуевского и утверждает, что первые две еще не опубликованы. Такое было вполне возможно, так как, например, в архиве Г. Санникова хранятся два автографа Поцелуевского с песнями басмачей²³⁰.

²²⁹ Там же. С. 100. Далее сказано, что зим-зим — это варан. Согласно примете, если он пробежит между ног, мужчина может «потерять мужскую силу» (Там же).

²³⁰ Это два листа подстрочников, написанные другим почерком и подписанные Поцелуевским. В одном из них речь идет от лица мужчины, вероятно, мы имеем дело с воинской песней (слово в круглых скобках в оригинале написано в строку, текст приводится в современной орфографии; фрагмент в квадратных скобках написан сверху): Коня моего и оружие доставь и передай моим отцу и матери! / Пусть, взявшись за ворот [своей рубахи], они творят мольбы (покаянные) богу! / Пусть такие же, как и я сам, мои сверстники молятся о моем упокоении! / Последние времена настали

Также Козин приводит еще две мужские песни о коне, тоже с примечанием, что они взяты из книги В. Успенского и В. Беляева «Туркменская музыка».

Достаточно нетривиально решается у Козина тема раскрепощения женщины. Ай-Биби не просто берет на себя традиционно мужские функции, в одном из эпизодов она кричит: «Ружье мне, ружье! Я убью собаку!»²³¹ В то же время сохраняется традиционное для Туркменистана отношение к женщине как к источнику красоты (хотя и в рамках колхозного строительства): «Женский конь. Колхоза имени 8 марта, — сказал Пузы-Позы. — Потому и красивый»²³².

Как выясняется в конце пьесы, все это — рассказ Нур-Айли, протагониста. Таким образом, мы вновь наблюдаем, что для русскоязычного писателя принципиально сместить фокус в сторону взгляда глаза туркмена. Фактически сюжет оказывается туркменским, а не русским и имитирует то, что читатель должен найти в туркменской литературе.

За «Конской кровью» в альманахе следует короткое стихотворение Амана Кекилова «Отец и дочь» в переводе Э. Левонтина. Это первый по порядку самостоятельный стихотворный текст в книге (предыдущие два были отрывками из поэм). Сложно сказать, готовился ли он специально для альманаха, этот вопрос требует дополнительного изучения с привлечением туркменской периодики. Перевод сохраняет форму газели, по-видимому, то же самое было и в оригинале, и имитирует диалог между отцом

для нашего народа, о мой ишак! (РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 36). Под текстом следующая помета: «Песня старинная, но пронизающее ее настроение обреченности и безнадежности как нельзя лучше выражает психологическое состояние басмаческих банд, потерпевших поражение в борьбе с Сов. Властью» (Там же. Л. 36об.). Такая помета говорит о четкой стратегии: старинная песня «подверстывается» под нужды советской официальной культуры.

²³¹ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 116. В конце пьесы Ай-Биби действительно убивает антагониста.

²³² Там же. С. 117.

и дочерью об образовании, закрывая, таким образом одновременно две темы из плана.

Стихотворение Амана Кекилова «Отец и дочь», как уже было сказано, сохраняет в переводе форму газели (по-видимому, это в целом характерно для переводов из восточных литератур), однако по понятным причинам перевод написан ямбом (туркменская поэзия преимущественно силлабическая, в фольклоре встречаются некоторые формы тоники²³³). Приведем здесь последние строки строф, где речь идет от лица девушки:

Дай жить мне в свете дня, о, мой отец!

<...>

Позволь по ней [реке воли. — *А. Б.*] мне плыть, о, мой отец!

<...>

Хотела б я учиться, мой отец!

<...>

Не продавай меня, о, мой отец!

<...>

Дай в равенстве мне долю, мой отец!

<...>

На светлый путь пусти, о, мой отец!

<...>

И поклонюсь тебе за то, отец!

<...>

Отдай меня учиться, мой отец!

<...>

²³³ *Поцелуевский А. П.* Избранные труды. Ашхабад: Ылым, 1975. С. 304–305.

Я новой жизни жажду, мой отец!²³⁴

Как видно, эти строки аккумулируют представление о том, как должно происходить раскрепощение женщины. Отметим здесь, что героиня, несмотря на то что новая власть дала ей свободу воли, все равно просит разрешения у отца (и во второй части он это разрешение дает). Напомним, что в повести Скосырева «Оазис» мы также наблюдали сохранение некоторых типично женских функций, в частности, женщина уходит, когда говорят мужчины, и подает чай. Таким образом, за неимением женского голоса среди текстов, которые посчитали пригодными для альманаха, от лица женщины вынужден говорить мужчина, а это указывает на то, что на уровне подобных сборников женщина в литературе по-прежнему не имеет субъектности²³⁵. Для издания, ориентированного на широкого русскоязычного читателя, было бы выгодной стратегией включить хотя бы один текст, написанный женщиной, чтобы выполнить задачу по введению ее в литературу. Этого, однако, не происходит²³⁶.

Отметим также, что дочь просит отца спасти ее «[о]т прежних лет от прежнего адата»²³⁷, когда входит в возраст невесты (ей 14 лет). Представляется значимым, что Кекилов упоминает именно адат, а не шариат (напомним, что, например, И. Бороздин в одной из программных статей о туркменской литературе фактически пренебрегал разницей между ними). Адат как традиционная норма права, как известно, иногда вступает

²³⁴ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 121.

²³⁵ При этом женщины-поэтессы уже были включены в туркменскую литературу, например Товшан Эсенова.

²³⁶ Сходную ситуацию мы наблюдаем в сборнике «Поэты советского Туркменистана», где опубликованы стихотворения в переводе на русский. Этот факт сложно интерпретировать, так как, в частности, Товшан Эсенова на тот момент уже имела определенный статус в Союзе писателей Туркменистана.

²³⁷ Там же. С. 121.

в противоречие с шариатом как развитой системой судов. В раннесоветский период (1919–1923) суды шариата в Туркестане пытались инкорпорировать в советскую юридическую систему и оставить им ряд полномочий. Однако вскоре такая политика была свернута, кади (судьям) было позволено работать с все меньшим кругом вопросов, в 1927 г. был выпущен декрет, а к 1928 г. система судов шариат было окончательно ликвидирована²³⁸. Нам представляется, что система норм адата в этом смысле была в более выигрышном положении, так как могла сохраняться вне жесткой структуры судов. Нельзя, конечно, исключать, что слово «адат» использовано случайно или по формальным причинам. Однако само по себе это упоминание указывает в первую очередь на традиционализм, так как адат представляет собой в первую очередь обычаи отдельных народов, связанные с исламом (хотя формально он должен не противоречить нормам шариата, а лишь дополнять его). Таким образом, дочь в стихотворении имеет в виду не юридическую норму мусульманского региона, а традицию, которая, очевидно, в советской Центральной Азии должна была быть признана «отсталой».

Если говорить о реакции отца, то он здесь (в отличие от некоторых других сюжетных ситуаций в альманахе) целиком поддерживает дочь:

И для тебя открыта дверь, дитя!

<...>

Иди, учись теперь, мое дитя!

<...>

Героем стройки будь, мое дитя!

²³⁸ Подробнее об том см.: *Sartori P. What Went Wrong? The Failure of Soviet Policy on shari'a Courts in Turkestan, 1917–1923 // Die Welt des Islams. 2010. Vol. 50. Iss. 3. P. 397–434.* В статье также упоминается, что нормы адата тоже учитывались.

<...>

Живи по-своему, мое дитя!²³⁹

Таким образом, отец фактически дает дочери благословение, что, в общем, сохраняет традиционную структуру семейных отношений. А это значит, что в стихотворении Амана Кекилова появляется, возможно, характерное для новой туркменской литературы совмещение модернизации и формального сохранения привычного положения вещей.

После стихотворения Амана Кекилова в альманахе напечатан цикл «Туркмения» Г. А. Шенгели, состоящий из двух стихотворений — «По “романам”»²⁴⁰ и «На самом деле». Такая двухчастная структура в целом выглядит универсальной для демонстрации Туркменистана глазами европейца (как регион ему представлялся и что он там увидел). Вместе с тем стихотворения Шенгели должны быть восприняты по контрасту со стоящим рядом текстом Амана Кекилова. В обоих случаях речь идет о том, как старое меняется на новое.

Приведем отрывок из «По “романам”»:

Я в эту ночь сойду с ума!
Машкарабазов кутерьма
Дутаром душу ороша,
Меня пьянит, как анаша.

И капля крови золотой,
Прабабкою в меня влитой.

²³⁹ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 122.

²⁴⁰ Под романом в этом случае понимается традиционный туркменский эпос.

Горячей крови тюркских орд,
Катясь от шлема до ботфорт...²⁴¹

Здесь, вероятно, реализуется та же модель, что и у Максимова в «Песни Амана»: приезжий ожидал увидеть совсем другое, то, что он прочитал в книгах. Как и в случае с повестью, противопоставление двух стихотворений построено на создании иллюзии правдоподобия:

Все силы скрытые выходят из земли,
На трубы стройные сменились минареты,
И вместо сладостных газелл Махтум-Кули
Гимн гордому труду твои поют поэты²⁴².

Показательно, что после текстов Шенгели следуют два стихотворения Берды Султанниязова — «Горы» и «Она победила», — первое из них Шенгели и перевел. Вполне вероятно, что читатель может соотнести текст «Гор» с предыдущими стихотворениями, так как они могут быть схожи по формальным признакам и манере речи. В переводе, однако, сохранена форма газели. В «Она победила» в переводе С. Олендера речь идет об «освобожденной женщине Востока», и стихотворение в целом соотносится с «Отец и дочь».

Стихотворение в тематический план альманаха не укладывается. Однако оно важно для выявления горизонтальных связей между культурами СССР. Речь в стихотворении идет о Кавказе:

²⁴¹ Там же. С. 123.

²⁴² Там же. С. 124. Отметим, что Махтумкули здесь упоминается в нехарактерном ключе. Как мы ранее упоминали в настоящей главе, его наследие провозглашалось одной из основ туркменской литературы.

Когда вдоль СССР дорога шла моя,
Я посетил Кавказ и повстречал вас, горы,
По морю черному дней девять ехал я,
И вот в Аджарии я увидел вас, горы²⁴³.

Есть вероятность, что Берды Султанниязов ориентировался в том числе на стихотворение Махтумкули с аналогичным названием, что возвращает нас к вопросу о восприятии традиции прошлого в туркменской литературе. Важнее, однако, представляется то, что это первый и единственный в альманахе текст не о Туркменистане. Звучащий от лица туркмена, он может служить для того, чтобы продемонстрировать связь между разными культурами СССР, которая, очевидно, строится по другим принципам, нежели взаимоотношения «Москва — регионы».

Также это единственный неидеологизированный текст в альманахе. Это чисто пейзажное стихотворение, где герой восхищается тем, что увидел вокруг себя, так как не видел ничего подобного раньше. Такое смещение, вероятно, объясняется и тем, что в туркменской литературе, помимо «лозунговости», должна присутствовать и лирика на разные темы. Парадоксальным образом, в стихотворении нет никаких указаний на то, что туркмен способен понять Кавказ лучше, чем европеец. Фактически оно укладывается в европейскую традицию стихотворений о горных пейзажах (однако это не означает, что оно не может в той же степени соответствовать и восточной традиции).

В «Она победила» мы вновь встречаемся в ситуации, когда за женщину говорит мужчина, однако здесь все же сохраняется взгляд со стороны, так как

²⁴³ Там же. С. 126.

речь идет не от первого лица. Как и в «Отец и дочь», в стихотворении несколько раз упоминается адат и ни разу — шариат:

Вчера ее сгибали до земли

Адата ненавистного угрозы.

<...>

Адат своим обычаем старинным

Глумился и господствовал над ней.

<...>

Но отреклась туркменка от адата —

Не будет больше прошлому возврата.

<...>

Адата цепь разорвала рывком,

Чтобы в яму опустить его потом²⁴⁴.

Таким образом, в обоих стихотворениях подчеркивается тема «культурной отсталости» мусульманских обычаев, причем именно по отношению к женщине. Тем не менее у Берды Султанниязова женщина обладает большей субъектностью: ей никто не дает разрешение учиться и работать, она победила сама.

Отдельная строфа посвящена перечислению характерных предметов женской одежды:

Виски и лоб давил ей «бэрык». Тесный

Халат опутывал, «гингас» сжимал,

²⁴⁴ Там же. С. 127.

Вился вокруг шеи обручем железным
«Яшмак» — он так дыханию мешал.
Она одежду рваную носила
И никогда не пела, все грустила²⁴⁵.

Впрочем, все эти слова никак не поясняются в комментарии (таким образом, уже совершенно очевидно, что пояснения в сносках — личная инициатива отдельных писателей). Отдельного внимания заслуживает упоминание о том, что туркменка никогда не пела. В туркменском фольклоре действительно есть жесткая классификация музыки по гендерному принципу, однако женские песни все же существовали и существуют²⁴⁶. Как мы увидим в альманахе «Туркмения», тезис, что женщины не поют, встречается еще раз в повести «Эне — девочка из аула» Скосырева (как и смена одежды на европейскую, означающая символический переход в другую культуру; см. далее в «Она победила»:

Отбросив «бэрык», скинув с плеч «яшмак»,
Она халат ногами затоптала.
Растоптан рабства ненавистный знак!²⁴⁷).

²⁴⁵ Там же. С. 127.

²⁴⁶ См. о них: *Blackwell C. Tradition and Society in Turkmenistan: Gender, Culture and Oral Songs*. New York: Routledge, 2013.

²⁴⁷ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 127. Обратим внимание на то, что отказ от отдельных традиционных предметов одежды прямо соотносится с политикой, которую условно можно обозначить как «снятие платка» (см.: Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 218. В этом разделе книги А. Халида речь идет о кампании, которая получила название «худжум» (*hujum*, дословно — атака) и была связана с женским движением в Центральной Азии). Это показательно и в том смысле, что кочевницы обычно не прикрывали лицо, а символические элементы освобождения от рабства были нужны (о кочевницах см. *Ibid.* P. 190).

Возможно, имеется в виду, что женские песни не имеют того статуса, как мужские. В новой советской действительности же туркменка «поет, от песен молодеет»²⁴⁸, очевидно, это связано с тем, что гендерное неравенство стерто и теперь все поют одни и те же советские песни.

Наконец:

Туркменка учится, читает, знает

Теперь языки разные она²⁴⁹.

Туркменка, по всей видимости, знает родной язык и русский, возможно, какой-то из европейских языков. Однако возможен и вариант, связанный с культурным обменом между республиками СССР²⁵⁰. Помимо этого, туркменка бесконечно счастлива, для нее открыт путь в «рай сталинской эпохи», о котором мы упоминали в настоящей главе:

Туркменка нынче радостною стала,

И стали ясными ее глаза...²⁵¹

За блоком стихотворных текстов следуют «материалы к рассказу» Константина Большакова «Керки». Такое жанровое обозначение, по-видимому, должно указывать на незавершенность текста, который скорее близок по содержанию к очерку. Материалы к рассказу короткие и занимают восемь страниц, состоят из трех частей. Это предпоследний из «неочерковой»

²⁴⁸ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 127.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Показателен здесь эпизод с Рухи Алиевым, литературным критиком и писателем, который указывал, что его родной язык также относится к тюркским, однако он считает нужным выучить туркменский. Подробнее о нем см. далее в настоящей главе.

²⁵¹ Там же. С. 128.

части альманаха русскоязычный текст и первый прозаический, отражающий только взгляд европейца (напомним, что европейец присутствовал в «Песни Амана», но лишь для введения формы «рассказ в рассказе»).

В первых двух частях «Керков» фактически ничего не происходит: это описание жаркого дня на базаре и рассказ об Аму-Дарье. В третьей, однако, есть история о странном племени, обитающем на острове на реке Пяндж (Таджикистан), рассказанная Теонским — заведующим культпропом керкинского окружкома. Обращает для себя внимание «экзотизация», от которой советская литература открещивалась: «Теонский очень красочно передает варварскую экзотику этих мест, какими они были, когда он только что приехал»²⁵². Сам сюжет о попадании Теонского на остров называется хаггардовским, а затем и вовсе упоминается Киплинг. Оба этих автора были для советских идеологов образцами «колониальной литературы»²⁵³, а следовательно, подражание им не приветствовалось. Однако для нас особенно значимо, что в конце материалов к рассказу в связи с персонажем Киплинга упоминается писательская конференция, которая как раз тогда проходила в Туркменистане: «Да, да, — говорил он, — возможно, очень возможно, что Ким, если бы только он родился на 30 лет позже и жил бы в советской Туркмении, сейчас оказался бы делегатом на нашей писательской конференции.

<...>

— Да, конечно, он непременно должен был быть делегатом и жадно слушать, как нужно ему учиться и работать, чтобы стать настоящим писателем.

<...>

²⁵² Там же. С. 137.

²⁵³ Подробнее мы об этом писали в главе 1.

— И он писал бы стихи, наивные и трогательные стихи...

<...>

— В стихах призывались бы колхозники лучше работать. Еще он хотел бы завоевать недра Гаурдага и скорее построить Вальднеровскую дорогу. Конечно, он был бы хорошим комсомольцем и хорошим надежным районным работником.

Я киваю головой радостно и утвердительно. Об окружной конференции писателей-пролетариев, конференции, собравшей делегатов из аулов и кишлаков, где десять лет назад, — можно поручиться, — не было ни одного грамотного декханина, сейчас мы не говорим. Мы оба присутствовали на ней и оба разговаривали по-душам с ее делегатами»²⁵⁴.

«Керки», таким образом — единственный текст в альманахе, который затрагивает тему собственно литературного производства. Выделим здесь некоторые аспекты. Во-первых, само упоминание писательской конференции указывает на ее высокий статус. Это одно из самых важных событий в культурном строительстве Туркменистана. Во-вторых, обращает на себя внимание то, как Большаков и Теонский видят ее основную функцию: не высказаться о литературе, не поделиться своим творчеством, а научиться быть писателем. Таким образом, этот текст подкрепляет риторику обучения, на которой во многом основано конструирование туркменской литературы. Однако вместе с тем этому воображаемому туркменскому поэту не отказано в агентности — он уже пишет стихи, «наивные и трогательные». Это звучит скорее как похвала, хотя, конечно, очевиден намек на то, что туркменская литература еще развивается. Наивность, видимо, шире, чем литература, и это устанавливает отношения центра и периферии. Теонский и Большаков,

²⁵⁴ Там же. С. 138.

конечно, уже не наивны. Таким образом, самый конец «Керков» закрепляет риторику развития: за десять лет неграмотное население доросло до литературного творчества.

Последний не туркменский стихотворный текст из альманаха — стихотворение «Ковровщица Ай-Султан» Азата Вштуни в переводе Льва Пеньковского с армянского. Этот текст представляется значимым для формирования горизонтальных связей между литературами СССР. Азат Вштуни, фактически лицо советской армянской литературы (которая, по-видимому, «старше», чем туркменская), пишет о Туркменистане, точнее, о туркменской женщине. Стихотворение короткое и так же, как и переводы с туркменского языка, сохраняет восточную форму (четверостишие, третья строка — холостая, остальные заканчиваются одним и тем же словом), причем переводчик явно подходит к этому усерднее — воспроизведена внутренняя рифма в строке («У тебя — как ночь, **глаза**, смоль — **коса**, смуглы черты, Ай-Султан»²⁵⁵) и не сымитирована силлабо-тоника. Вполне вероятно, что работа с армянским стихосложением была уже налажена (Азат Вштуни — поэт старшего поколения), тогда как с переводами с туркменского следовало торопиться.

Это не просто стихотворение о Туркменистане, это перевод с другого «национального» языка. При этом, в отличие от русскоязычных текстов, Туркменистан здесь показан глазами неевропейца. Соответственно, и оптики от него можно ожидать иной. Наше знание армянской поэтической традиции недостаточно, чтобы проследить какую-либо историческую закономерность. Отметим, однако, что Вштуни позволяет себе уделять больше внимания внешности Ай-Султан, чем авторы других стихотворений о женщинах:

²⁵⁵ Там же. С. 141. Выделение наше.

У тебя — как ночь, глаза, смоль — коса, смуглы черты, Ай-Султан,
Комсомольские ряды озаряешь солнцем ты, Ай-Султан²⁵⁶.

Это, однако, никак не подкрепляет гипотезу о том, что текст Вштуни должен отличаться как от туркменских, так и от русскоязычных текстов из альманаха. То же касается и упоминания шариата, а не адата — это может быть случайностью («Шариата кандалы рвите за звеном звено смело вы...»²⁵⁷). Как представляется, значимо, что, в отличие от Санникова, который также пишет о ковре и использует те же детали, Азату Вштуни незачем прибегать к стилизации, его текст и так ложится в традицию поэзии Востока. Кроме того, туркменскую и армянскую культуры объединяет ковроткачество, традиция, продолжающаяся с древности. В отличие от Санникова, который пишет о ковре как о чем-то чуждом и, по сути, занимается стилизацией, где туркменские слова выглядят скорее как заумь, Вштуни за счет своего статуса и своей идентичности должен восприниматься как человек, которому не чужд этот аспект культуры. Даже в ситуации, когда туркменские слова даются без перевода, читатель может понять, что это названия растительных орнаментов:

Селигюл, гелимбармак, розы алые и мак на ковре,
Нитку яркую снуя, славь туркменские края, Ай-Султан²⁵⁸.

²⁵⁶ Там же. С. 141.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же. С. 142.

Таким образом, если у Санникова речь идет о том, как европеец познает культуру Востока, то Вштуни может только солидаризироваться с Туркменистаном, что он и делает:

Комсомолка Ай-Султан, у меня привет армян для тебя

Мне удел поэта дан. я пою Туркменистан и тебя.

Да, Восток — страна чудес, под пером чудесный здесь плод созрел, —

Сладок и благоухан, и да будет он желан для тебя²⁵⁹.

Наконец, именно Вштуни в альманахе проговаривает формулу о двойном гнете:

Кровь лилась, а бай и хан шлют царю дары — ковры, и туркмен

В гнет двойной с тех пор попал: ханам, баям помогал русский царь²⁶⁰.

Таким образом, стихотворение Азата Вштуни занимает промежуточное положение в альманахе между текстами, написанными на русском и переводными. Это текст уже не русский, но еще не туркменский (безусловно, он также тяготеет к традиции Востока, однако разница культур слишком велика), при этом он выстраивает связь не по принципу соотнесения центра и периферии, но по горизонтальной модели. Нельзя, однако, не учитывать, что Азат Вштуни — представитель старшего поколения по отношению к молодым туркменским писателям и ему может быть отведена роль учителя.

Последний прозаический текст перед очерковой частью — цикл рассказов Михаила Лоскутова «Предшественники» о каракумском

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. С. 141.

автопробеге. Рассказов всего пять: «Описание пустыни», «Два венгра», «Предшественники», «Легенда о крепости Змухшир», «Старый Куня-Ургеч» и «Рассказ о молодости». Как представляется, этот цикл, как и «Керки» — переходный от «художественной» части к очерковой, он занимает промежуточное положение. Сюжеты уже тяготеют к документальности и «подслушанности», однако формально это все еще «художественная» часть, в частности, текст набран не в две колонки, как следующие за ним очерки, а обычным способом.

Три последних стихотворения в альманахе — «На колхозном поле» Ата Ниязова в переводе М. Петровых, «Твоя цель» Шаали Кекилова в переводе С. Липкина и «Пережитое» Дурды Клычева (Клыча) в переводе Э. Левонтина. Они отражают разные темы из плана — колхозное строительство, Красная армия и судьба женщины. Можно точно сказать, что для альманаха были выбраны отдельные строфы из достаточно объемных стихотворений Ата Ниязова и Дурды Клыча, так как в нашем распоряжении находится их архивная машинопись²⁶¹. Это, очевидно, вызвано тем, что в альманахе допустима публикация относительно коротких текстов. Что касается Шаали Кекилова, оригинал нам пока неизвестен, однако, как представляется, перевод несколько запутывает читателя — то, что стихотворение посвящено РККА, становится ясно лишь к концу.

Это достаточно значимо, так как это единственный туркменский текст о военных, а такая тема была отдельно выделена в плане. Переводчик сохраняет уже привычную для читателя альманаха форму газели (каждое четверостишие заканчивается словом «твоих»). Мы предполагаем, что он также пытался

²⁶¹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088.

сохранить лексику оригинала, чтобы осталось впечатление «локализации» текста. См., в частности:

Уже воюя с баями всех стран,
Берет пример с былых боев твоих!²⁶²

Как представляется, более типичной была ситуация, когда слово «кулак» употреблялось в расширительном смысле, в том числе по отношению к баям (напомним, что в некоторых текстах из альманахов используется слово «раскулачивать»). Однако не следует забывать и о том, что бая нельзя назвать полным аналогом кулака. Здесь же словоупотребление обратное: все угнетатели мира оказываются баями. Здесь можно выделить два аспекта. С одной стороны, туркменскому читателю будет понятнее, о чем идет речь, с другой — для русскоязычного сохранится маркер чужой культуры. В остальном стихотворение воспроизводит типичные формулы и образы, характерные для литературы о РККА: борьба за рабочий класс, верность партии, внешний и внутренний враг, скаковая лошадь, казарма, движение к коммунизму.

Стихотворение «Пережитое» сильно сокращено по сравнению с машинописью, в переводе встречаются незначительные искажения. В частности, там, где в оригинале речь шла о двух аксакалах, у переводчика остался один (получилось, что аксакал собирался жениться на героине, тогда как на самом деле речь шла о традициях сватовства). Вместо упоминаемых в тексте отца и матери остался только отец:

²⁶² Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 164

На сватовство явился аксакал,
Вот что тогда увидела я, братья.
Молчала я, отец согласие дал.
Вот что тогда увидела я, братья²⁶³

Рефрен «вот что тогда увидела я, братья» переводчик аккуратно сохраняет. В оригинале повторяется соответствующая фраза «Çan doqanlar ыһа gөrenim menin», название «Gөrenim menin» носит и само стихотворение²⁶⁴.

Это стихотворение (как и другие тексты Дурды Клыча в машинописной подборке) тяготеет к фольклору. Фактически, это свадебное причитание. Таким образом, старое (причитание) пытаются приспособить под новое (обличение пережитков). Последовательность событий в стихотворении стандартна для туркменского свадебного обряда: сговор, уплата калыма, проводы невесты, поездка на верблюде и т. д.

О стихотворении «На колхозном поле» будет подробно сказано в параграфе настоящей главы, посвященном переводческой практике. Далеко не все оригиналы нам пока доступны, однако в случае с этим стихотворением мы имеем дело с машинописью (причем с многочисленной орфографической правкой), предназначенной для издания сборника. Текст, как и в случае с «Пережитым», значительно длиннее напечатанного в альманахе. Это, по-видимому, говорит о ситуации, когда туркменские авторы пытались написать как можно больше, а редакторы были вынуждены сокращать объем. Таким образом, эта машинопись может послужить одним из немногих источников

²⁶³ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 165.

²⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 69. Именно в стихотворениях Дурды Клыча в машинописи большой объем правки, текст читается с трудом.

полных неотредактированных текстов в оригинале, доступных за пределами Туркменистана.

2.2.2. Структура и содержание альманаха «Туркмения»

Альманах «Туркмения» вышел в 1936 г. (книга подписана к печати 23 марта 1936 г., объем 319 страниц, цена 7 рублей, тираж 7500 экземпляров). Издание было значительно дешевле «Айдинг-Гюнлер» и, как мы увидим, создавалось в том числе по материалам еще из поездки 1934 г. В протоколах заседаний комиссии речь идет о примерно тех же затратах (см. об этом в главе 1).

Однако книга стоит почти в два раза меньше, и по ее оформлению (черно-белые размытые иллюстрации-вклейки) заметно, что на производство ушло значительно меньше ресурсов. Это компенсируется количеством текстов и разделов, о которых будет сказано ниже. Такое издание, уже не имея статуса юбилейного, могло пройти и незамеченным. Однако, как представляется, оно оставалось способом туркменских литераторов заявить о себе, а русскоязычных — «открыть» Туркменистан для читателя. Отметим, что в этот альманах не вошли тексты Г. А. Санникова, который был председателем сформированной Союзом советских писателей Туркменской комиссии и указан в книге как ответственный редактор «Редакционной коллегии Туркменской Комиссии Союза писателей СССР»²⁶⁵. Помимо Санникова, в редколлегию вошли Скосырев, Тачназаров и Шенгели. Из них Тачназаров напечатал в альманахе со стихотворение, а Скосырев — повесть. Скосырев также обработал один фольклорный текст — «Песню чопана», перевел

²⁶⁵ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 4.

стихотворение Кеминэ «Огуль-Бек», написал статью «Роль и место бахши в туркменской культуре». Шенгели перевел одно стихотворение — «Родину» Тачназарова. Видимо, члены редколлегии занимались в этот раз в большей степени организационной работой. Санников для альманаха «Туркмения» не сделал ничего. Наиболее активным из членов бригад, таким образом, оказывается Скосырев, который участвовал как писатель во всех трех альманахах.

Вероятнее всего, работа над «Туркменией» велась более размеренно, чем над «Айдинг-Гюнлер». Книга была сдана в производство 25 декабря 1935 г., то есть с момента решения об издании второго альманаха, где будут соседствовать тексты туркменских и русскоязычных писателей, прошло чуть более года.

Принципиально важной для понимания специфики альманаха «Туркмения» будет его структура. Казалось бы, она схожа со структурой альманаха «Айдинг-Гюнлер», где произведения писателей из Москвы и тексты в переводе даются вперемешку. Однако значимы для «Туркмении» оказываются подзаголовки разделов. Если в «Айдинг-Гюнлер» они отсутствовали (хотя по формальным признакам альманах делится на три части: жанровая литература, очерки и научно-популярные статьи), то в «Туркмении» они четко определяют набор текстов: «Туркмения в произведениях советских писателей», «Классическая поэзия Туркмении», «Фольклор».

Видно, что в альманахе Туркменская комиссия наконец ответила на запрос, сформулированный в приводимых нами архивных материалах: нужно обратить внимание не только на современность, но и на традицию. Нам представляется значимым, что «классической поэзии» отведено значительно больше места, чем фольклору (в разделе присутствуют стихотворения

Махтумкули, Зелили, Сеиди, Молланепеса, Кеминэ в переводах Г. Веселкова, О. Тачназарова, С. Олендера, Г. Карпова, Н. Лебедева, В. Бугаевского, А. Тарковского, П. Скосырева). Как видно из перечня, набор переводчиков был внушителен. Вероятно, это было обусловлено как их личными интересами, так и условиями работы над альманахом. Как представляется, такая ситуация была типичной для организации переводческой работы над сборником.

Что касается раздела «Фольклор», его состав в действительности этому заголовку не вполне соответствует. Открывается он очерком Скосырева «Роль и место бахши в туркменской культуре», который, по сути, представляет собой научно-популярную статью. Затем следует очерк Г. Веселкова «Смерть и рождение песни», то есть тоже текст, имеющий к фольклору лишь опосредованное отношение. Далее читатель наконец видит собственно туркменский фольклор: народные песни и рассказы про поэта Кеминэ, с чьей фигурой было связано много легенд и анекдотов, а большинство его произведений передавались в изустной практике. Тем не менее мы настаиваем на том, что в условиях непривычной для европейской культуры циркуляции текстов, литературой следует называть то, что ею считали сами носители культуры Востока.

Научная работа по сбору туркменского фольклора на момент 1936 г. велась достаточно давно, спорадически — и до революции 1917 г. Разумеется, фольклорные тексты для массового читателя должны были отбираться так, чтобы соответствовать советской идеологии, что и видно из перечня, представленного в альманахе. Тем не менее мы подчеркиваем, что эти тексты нельзя считать созданными искусственно. Кроме того, как мы далее увидим, сами тексты (оригиналы нам, увы, недоступны), в отрыве от советских идеологических тенденций, скорее типичны для одного из пластов

туркменского фольклора, например, свадебных причитаний²⁶⁶. Таким образом, на первый план выходит не производство текстов, а их отбор.

Итак, в альманахе «Туркмения» представлены несколько фольклорных песен: «Эне-Гюль», «Рабыня», «Песня байских пастухов», «Свободная», «Нури-Джан», «Песня чопана». Между текстами расположена вклейка с иллюстрацией: картина Б. Нурали «В мечтах об ученьи», где изображена молодая туркменка, сидящая на кошке с ручкой в руке²⁶⁷. Положение иллюстрации, как представляется, функционально: она отделяет, условно говоря, фольклор о тяжелой доле угнетенных туркмен до революции от песен периода становления советской власти. Три текста из фольклорного раздела посвящены «женской доле», два — жизни пастуха, один — мальчику-ребенку. Каждый из текстов, за исключением «Песни байских пастухов», сопровождается краткой справкой, сообщающей, где песня была записана, в четырех случаях упомянуто имя информанта, в одном («Эне-Гюль») — сообщается о том, что это «[т]ипичная женская песня дореволюционного аула, отражающая бесправие туркменки и безысходность ее постоянной тоски»²⁶⁸. Приведем эту песню полностью (перевод Н. Лебедева):

В глубь колодца камень кинь —
Камня больше не видать.
Дочь свою ты продала
В край чужой, родная мать.

²⁶⁶ Подробнее о причитаниях см. Clement

²⁶⁷ Оформление альманаха «Айдинг-Гюнлер» будет подробно рассмотрено в главе 3. «Туркмения», оформленная значительно скупер, будет описана вместе с текстами в настоящем параграфе.

²⁶⁸ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 302.

На пути в чужую даль
Посадила ты миндаль.
Он завял, тоскуешь ты?
Дочь увядшую не жаль?

Дыня соком налилась.
От подруг оторвалась,
Эне-Гюль в чужом краю
От печали извелась.

В жаркий полдень труден путь.
Негде в полдень отдохнуть.
Продала ты дочь, о мать,
Дом твой черный проклят будь!²⁶⁹

Как представляется, эта песня, отобранная по принципу репрезентации женского в туркменском фольклоре, может оказаться типичным свадебным причитанием, содержание которого ожидаемым образом подчеркивает тяжелую судьбу женщины до революции. То же касается и песни «Рабыня», отобранной по тому же принципу (перевод Г. Карпова и Н. Лебедева):

Далеко ночь, горюешь ты,
И день, и ночь тоскуешь ты,
Тоской кого взволнуешь ты?
Рабыня, прошлое забудь!

²⁶⁹ Там же.

В плену томишься с давних пор,
От вечных слез померк твой взор.
Не нужен поздний твой укор.
Рабыня, прошлое забудь!

Как ты — в неволе дочь твоя,
В боях погибли сыновья.
Но все жива тоска твоя.
Рабыня, прошлое забудь!²⁷⁰

Песни же, относящиеся явно к фольклору пореволюционного периода, выглядят менее аутентичными. Так, в колыбельной «Свободная» отчетливо выделяются две части: традиционное пожелание дочери заниматься «женским делом» — вышить братишке тахью²⁷¹ — и строфы о школе, книгах. Искусственной выглядит вставка (перевод Г. Карпова и Н. Лебедева):

Для дней упорных, трудовых.
Для слов сердечных и живых
Созрешь ты, моя Джамал²⁷².

То же касается и «колхозной колыбельной» «Нури-Джан», причем в конце написано не «перевод», а «перевод и обработка» (а в случае следующей «Песни чопана» — просто «Обработка П. Скосырева»²⁷³). Таким образом, в

²⁷⁰ Там же. С. 303.

²⁷¹ Головной убор типа тюбетейки.

²⁷² Там же. С. 305.

²⁷³ Там же. С. 307.

самой помете подчеркивается, что текст не обязательно полностью аутентичен. Что касается «Песни чопана», в сноске сообщается: «Записана проф. А. П. Поцелуевским от ученика старшей группы байрам-алийской школы Шукур-Сопар-оглы, уроженца Каахинского района»²⁷⁴. Как представляется, в этом случае указание «обработка» закономерно. Вероятнее всего, Поцелуевский предоставил дословный перевод на русский язык, а Скосырев затем составил из него стихотворение. Стоит отметить, что сам этот текст с советской идеологической линией связан крайне мало:

Я чопан, сын чопана.
Я пасу стада баранов
Среди зелени барханов.
Я люблю свой край родной.

Почки лопнули акаций,
Стали травы подыматься.
Как мне радостно с весной
Ясным утром повстречаться.

А подует ветер злой,
Солнце сядет за горой,
Я к далекому аулу
Погоню стада домой.

Так проходит день чопан

²⁷⁴ Там же.

Среди зелени барханов.
Как люблю я петь и бегать
Среди сытых стад баранов!²⁷⁵

Этой песней и завершается короткий подраздел, далее следуют истории о Кеминэ.

Таким образом, при внимательном просмотре текстов, даже в условиях отсутствия оригинала, видно, что нельзя с уверенностью сказать, что они были написаны «под диктовку». На первый план выходил их отбор и, вероятно, подчеркивание тех аспектов, которые отражают новую советскую действительность.

Вернемся, однако, в начало альманаха, в раздел «Туркмения в произведениях советских писателей». Здесь кажется принципиальным то, что, как уже было сказано, тексты даны вперемешку (русскоязычные и туркменоязычные писатели, стихи и проза), а в самом подзаголовке подчеркивается общесоветский характер литературной работы. И Ораз Тачназаров, и, например, Скосырев — равные и полноправные акторы советского литературного поля. Принципиальным также представляется то, что в альманах наконец включают прозаический текст туркменского писателя — повесть «Гюзель» Берды Солтанниязова (или Солтанниязоглы, как он назван в оглавлении). Мы предполагаем, что, так как от туркменских писателей требовался «переход на прозу», Туркменская комиссия из всех сил пыталась найти подходящий текст, который мог бы встать в один ряд с повестями русскоязычных писателей.

Приведем полностью содержание альманаха:

²⁷⁵ Там же. С. 307.

1. Ораз Ташназаров. Родина (стихотворение)
2. Берды Солтаннязоглы. Гюзель (повесть)
3. Б. Кербабаев. Аму-Дарья (отрывок из поэмы)
4. Хаджи-Мурат Мугуев. Пустыня (повесть)
5. Ораз Ташназаров. Ленинский сад в Ашхабаде
Однажды
Комсомолка
6. Петр Скосырев. Эне — девочка из аула (повесть)
7. А. Аламышев. Отрывки из поэмы «Сонди»
8. М. Немченко. Джума-батыр (повесть)
9. Ана-Ниязов. «Биби» (отрывок из поэмы)
10. Г. Максимов. Хошар (повесть)
11. Аман Кекилов. Перед смертью (отрывок из поэмы)
12. Хаджа Шукуров. Решающий день (стихотворение)
13. М. Лоскутов. Очки (рассказ)
14. Х. Н. Чарыев. Мой гнедой конь (красноармейская песнь)
15. М. Немченко. Два рассказа Елли-Баба
16. Шаали Кекилов. Паровоз (стихотворение)

Набор авторов частично повторяет тот, что мы видели в альманахе «Айдинг-Гюнлер», причем один из авторов — участников туркменской экспедиции 1934 г. Хаджи-Мурат Мугуев для предыдущего альманаха ничего не сделал. Мы позволим себе допустить, что некоторые тексты могли быть подготовлены изначально для «Айдинг-Гюнлер», однако авторы не успели уложиться в срок. Или же авторы просто написали новое, опираясь на материал, собранный в 1934 г. Туркменских авторов, чьи стихотворения уже

были напечатаны в «Айдинг-Гюнлер», больше. Это Ораз Тачназаров, Ата Ниязов, Аман Кекилов, Ходжанепес Чарыев, Шали Кекилов. Берды Солтанниязов, как было уже сказано, написал для альманаха повесть (в «Айдинг-Гюнлер» напечатано его стихотворение).

Стихотворение Ораза Тачназарова «Родина» (перевод Г. Шенгели) имеет подзаголовок «К 10-летию Туркменской ССР». Видимо, оно было написано еще для первого альманаха, который был юбилейным, но по какой-то причине в него не вошло²⁷⁶. То, что оно открывает альманах 1936 г., вполне логично: тематически это «парадная» сторона советского Туркменистана. Отметим здесь, что «Туркмения» производит впечатление книги, более структурированной тематически, чем «Айдинг-Гюнлер».

Сам текст стихотворения построен на традиционных идеологических штампах. Однако для нашего исследования значимы не столько они, сколько то, как позиционирует себя и республику автор. Прежде всего, при использовании в переводе формы европейского стихосложения, сохраняется признак газели — повторение на конце каждой из строф сначала слов «я вижу», а затем — «горжусь я». Таким образом, очевидно, выполняется запрос на совмещение туркменской и русской традиции, впрочем, поворот к европейской строфике в целом характерен для переводов из авторов республик советской Центральной Азии, так как это соответствует тому, что их аудитория — русскоязычный читатель. Отметим несколько принципиальных моментов, связанных с содержанием стихотворения. В первую очередь, Тачназаров реализует упомянутую нами в настоящей главе концепцию противопоставления «колониального гнета» и «сталинского рая»,

²⁷⁶ Стихотворение выходило отдельно в журнале «Türkmenistan şura edebijaty». См.: *Taşnazarov O. Vatan // Türkmenistan şura edebijaty. 1935. №1–2. С. 9.* Перевод в целом соответствует оригиналу.

он буквально пишет: «Народы тяготит неволи черный гнет»²⁷⁷ в начале и «То знамя (Ленина. — А. Б.) Сталин взял, — и отступает враг»²⁷⁸ в конце. Первая часть стихотворения (текст состоит из двух частей и вступления) логичным образом отсылает к прошлому, а вторая формирует образ настоящего и будущего. Отсюда и смена повторяющихся концов строк (*вижу на горжусь*).

Обратим внимание и на то, что Тачназаров, очевидно, достаточно тонко чувствует смысл советской политики в регионе. Так, он использует не только традиционный штамп «освобождение от колониального гнета», но и упоминает отмеченный Э. Л. Эдгар аспект, связанный с тем, что разобщенные туркменские племена власти стремились объединить, формируя национальную идентичность, которая бы доминировала над племенной и клановой (см. в первом параграфе настоящей главы):

Единым никогда твой не бывал народ,
С одним желанием, с одним путем вперед;
Вражда, насилие, покрытый пеной рот,
Конь с порванной уздой — вот твой завет — я вижу.

Также для нас важно, что Тачназаров, помимо воспроизведения типичных туркменских реалий прошлого, упоминает и дореволюционную поэзию (напомним, что обращение к ней было обязательным — конечно, в рамках переосмысления):

Твой пел ли радостно хотя один поэт?

²⁷⁷ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 7.

²⁷⁸ Там же. С. 11.

Был платьем траурным из них любой одет;
О смерти грезил: надежды в жизни нет;
И взор унылый их слезой согрет — я вижу²⁷⁹.

Таким образом, Тачназаров конструирует память о поэзии прошлого. Фатализм, свойственный туркменской философской поэзии, или, во всяком случае, свойственный ей, по мнению идеологов туркменской советской литературы, действительно, согласно программе ее развития, нуждался в переосмыслении. Так, в упомянутой выше статье Ходжанепеса Чарыева речь идет в том числе и о том, что хотя стихотворения Махтумкули и стали образцом туркменской литературы, но тем не менее им недостает оптимизма (автор статьи, конечно, тут же объясняет это политической ситуацией)²⁸⁰.

Вторая часть стихотворения, как уже было сказано, посвящена прошлому и будущему. Здесь стоит обратить внимание на то, что будущее Туркменистана Ораз Тачназаров видит независимым. Таким образом субъектность приобретает и сам регион, и отдельные его жители. В частности, в стихотворении названы трое мужчин — образцовых советских людей — Мухи Махмедов (ударник текстильной фабрики), Юсуп Алиев (председатель колхоза) и Джума Алиев (чабан). Эти упоминания значимы по той причине, что Туркменистан здесь понимается уже не как отсталый регион, а как процветающая советская республика. Точно так же и туркменская литература должна претендовать на равный с прочими статус. Так, когда стихотворение подразумевает уже масштаб всей страны («Одна ты из семи, потрясших шар земной, / И с сестрами шестью, что предо мной, — горжусь я»²⁸¹), вновь

²⁷⁹ Там же. С. 8.

²⁸⁰ См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56.

²⁸¹ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 10.

подчеркивается равенство²⁸². Впрочем, Тачназаров к последней строфе приходит все-таки к тому, что его родина — «Союз всех республик»²⁸³.

Следующий текст — повесть «Гюзель (Дочь песков)» Берды Солтанниязова — типичен для описания судьбы туркменской девушки в неволе. Структурно его положение нельзя объяснить содержанием, хотя, как представляется, в нем развивается противопоставление прошлого и настоящего. Отметим лишь, что до середины содержания альманаха последовательно чередуются стихи и проза, а также туркменские и русскоязычные авторы.

Отметим здесь же, что повесть оформлена двумя вклейками — «Две девочки-туркменки» (художница О. Яновская) и «Улица в ауле» (художница П. Радимова). Они, конечно, отдаленно связаны с содержанием текста, однако недостаточно, чтобы позволить себе соотнести их с сюжетом.

Отчасти «Гюзель» можно сравнить с рассказом «Такыр» А. П. Платонова, реализующим ту же сюжетную схему (мать и дочь рабыни — смерть матери — изнасилование — тяжелая жизнь замужем — освобождение благодаря советской власти). Однако мы не считаем правомерным говорить, что Солтанниязов в какой-либо степени ориентировался на Платонова. Можно было бы соотнести тексты по уровню натурализма, однако, как представляется, вывод здесь недоказуем. Можно было бы провести типологическое сравнение текстов, однако оно не поможет прояснить явные взаимосвязи.

Обратим внимание на то, что под текстом стоит помета «Перевод с туркменского литературно обработал *Ал. Лугин*»²⁸⁴. Типичная для переводов

²⁸² Под семью сестрами, по-видимому, имеются в виду РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

²⁸³ Там же. С. 11.

²⁸⁴ Там же. С. 34.

с восточных языков работа с подстрочником, как представляется, в прозе могла вести к большей переработке текста, однако этот тезис также недоказуем в силу отсутствия у нас на настоящий момент оригинала. Было бы интересно установить личность переводчика (им мог быть и сам автор), однако такой информации мы также не нашли.

Далее следует отрывок из поэмы «Аму-Дарья» Берды Кербобаева (перевод В. Бугаевского). Очевидно, именно отрывок из текста большой формы должен был подчеркнуть, что туркменская литература способна на «монументальные» произведения. Поэма буквально, как того предписывал план еще предыдущего альманаха, посвящена теме ирригации. Она несколько раз выходила отдельными изданиями и представляет собой, по сути, эпос о «великой реке»²⁸⁵.

Повесть Хаджи-Мурата Мугуева «Пустыня», написанную, по-видимому, изначально на русском языке (фамилия переводчика отсутствует), следует, вероятно, ставить в один ряд с текстами русскоязычных писателей, так как этот автор не имеет к Туркменистану прямого отношения²⁸⁶. Однако повесть важна в первую очередь тем, что представляет собой пример горизонтальной связи между литературами СССР. Конечно, она написана приезжим, уже заработавшим себе литературную репутацию. Однако, как и в

²⁸⁵ Оригинал поэмы позднее был перепечатан в собрании сочинений Берды Кербобаева (Кербобаев Б. Эсерлер топлумы. Т. 4. Ашгабат: Түркменистан дөвлет неширяты, 1959). Текст был знаковым для автора. Помимо В. Бугаевского, его переводил Н. Н. Асеев. В 1952 г. Скосырев пишет отрицательный отзыв на перевод Асеева для издательства «Советский писатель» (впрочем, он вышел отдельной книгой в 1954 г. в Туркменгсиздате). Перевод Скосырев считает неточным, хотя сам совершает очевидную ошибку. Он пишет: «Затем, о какой черной земле идет речь? Черная земля — это чернозем. В Средней Азии черной земли нет, там лёсс, он светло-серый, почти белый на вид» (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 1461. Л. 1). Однако в туркменских текстах, в частности, в стихотворении Ата Ниязова «На колхозном поле» действительно встречается выражение «черная земля» (кага үер). Скосырев, очевидно, считает себя человеком, хорошо знающим Туркменистан, в отличие от Асеева, однако незнание языковых нюансов его подводит.

²⁸⁶ Напомним, что Мугуев был осетином.

случае с Азатом Вштуни, здесь мы сталкиваемся с тем, что структура книги усложняется и в ней реализуется установка не только на «обучение» у русской литературы, но и на взаимовлияние литератур разных республик (в этом случае — туркменской и осетинской).

Структурно повесть построена по той же модели, что и «Песнь Амана» Г. Максимова из альманаха «Айдинг-Гюнлер», где рассказ о прошлом обрамлен вступлением и заключением о наблюдателе-путешественнике, который слушает туркменскую песню, с тем отличием, что в «Пустыне» шофер с русской фамилией Груздев и его товарищи — инженер, спешащий на серный завод, и журналист — слушают не песню, а рассказ молодого туркмена, который, как выясняется, учится в Военной академии в Москве и участвовал в Гражданской войне.

Отметим здесь важное словоупотребление. Как только герои узнают, что перед ними не просто обычный туркмен, а человек, получающий военное образование, тем более в Москве, в тексте появляется слово «экзотика»: «Экзотика была не в том, что вокруг на сотни километров лежали пески, и не в том, что горячее солнце субтропиков накаляло их, и не в этих караванных путях и спасительных колодцах, — это было только фоном, а экзотика была в этом темнокожем, скуластом человеке, с умными глазами, так неожиданно появившемся перед нами»²⁸⁷. Само слово «экзотика», ассоциировавшееся у критиков 1930-х г. с колониализмом, как правило, несло негативные ассоциации (об этом будет подробно сказано в главе 4). Тем не менее в этой повести мы сталкиваемся с описанием «двух экзотик» — это позволяет соотнести текст в том числе со циклом Шенгели «Туркмения» из «Айдинг-Гюнлер» (см. подробнее в предыдущем параграфе настоящей главы). Обратим

²⁸⁷ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 42.

внимание и на то, что «[в]се смотрели на него, как на человека из “1001 ночи”»²⁸⁸. Такое описание очевидно идет вразрез с общей установкой на равенство, однако позволим себе предположить, что в нашем случае это делается специально: сначала персонажи смотрят на молодого туркмена как на «экзотику» из восточной книги, но, услышав его историю, могут взглянуть на него другими глазами. Речь в его истории идет о стычке с басмачами, а туркмен, как выясняется, приехал из Москвы, чтобы присутствовать при разрытии братской могилы красноармейцев для перезахоронения.

Сама его история, как и в случае с «Песнью Амана» создает выгодную для автора иллюзию: он мог сам услышать этот рассказ и облечь в литературную форму. Таким образом получается достаточно естественно ввести пояснения для читателя: туркмен рассказывает историю пришлым людям, и он имеет право пояснять реалии, не боясь ошибиться. Так, донесение, которое он получает в начале, буквально следующее: «Много, много. Как листьев в лесу»²⁸⁹. И герой-туркмен может спокойно заметить, что такие слова объясняются неграмотностью агентов — они не знают больших чисел. Точно так же он позволяет себе объяснить слушателям, что они, как европейцы, не понимают, что такое пустыня.

Обратим внимание также на то, что, рассказывая о столкновении с басмачами, туркмен вспоминает, как сказал своему отряду: «Позор!.. Вы не красноармейцы! Вы трусы! Вы бросили тело вашего командира в грязные лапы басмачей»²⁹⁰. Принципиальным кажется, что здесь герой использует две идентичности — красноармеец и туркмен. Таким образом, как представляется, соединяется общесоветское и национальное: храбрость красноармейца и

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же. С. 43.

²⁹⁰ Там же. С. 63.

воинственность туркмена. Наконец, обратим внимание на сходство финального сюжетного хода со сценарием Всеволода Иванова «Компромисс Наиб-Хана», напечатанном в альманахе «Туркменистан весной»: в решающий момент басмачей распугивают красноармейские аэропланы.

Значимым представляется и то, что боевой товарищ туркмена, который сыграл в истории ключевую роль — бывший басмач. Здесь видится намек на возможную реабилитацию «врага советской власти». Отметим, что отчасти таковой была судьба Берды Кербабая, в действительности бывшего басмача.

Повесть оформлена двумя вклейками, одна из них даже соотносится с текстом: изображена жизнь у колодца (художник Д. Топорков). Вторая, однако, никак не отражает содержание текста — это портрет мальчика «Ахмет из Куны-Ургеча» (художник П. Радимов).

Затем следуют три стихотворения Ораза Тачназарова «Ленинский сад в Ашхабаде» (перевод В. Бугаевского и Г. Веселкова), «Однажды» (перевод В. Бугаевского) и «Комсомолка» (перевод А. Тарковского). Эти стихотворения, впрочем, связаны друг с другом только тем же противопоставлением прошлого и будущего, которое мы видели в «Родине».

Типично, что во всех трех стихотворениях, как и в стихотворении «Родина», которым открывается альманах, формируется это противопоставление прошлого и будущего. В «Ленинском саде...» эта тема решена вполне оригинально: через сравнение страны с подросшими деревьями в парке, в остальном это достаточно характерный для эпохи текст. Для нас в нем актуальны следующие строки:

Большевики — народ невиданной породы,

Недаром в жилах их не кровь кипит, а ток²⁹¹.

Таким образом, в этом стихотворении советская идентичность доминирует над туркменской.

Двухчастное стихотворение «Однажды...» выглядит как дань туркменской литературной традиции. Сначала герой просыпается в тоске, но в конце прилетает самолет, и при виде него воодушевляется. Мы не можем здесь уверенно утверждать, что в стихотворении есть ориентация на тексты, в частности, Махтумкули, однако оно явным образом воспроизводит характерные топосы туркменской литературы прошлого, которые переходят из обзора в обзор (см., например, статью Чарыева, которую мы цитируем в настоящей главе). Это мысли о смерти, тоска, кара за грехи и в конце:

О жалкий мир, так чем же ты богат?
Вот мне опять халат достался старый²⁹².

Безнадежное желание улететь, как птица («Какая птица унесет тебя, // Пустая тыква, сумасброд, мечтатель?»²⁹³), впрочем, исполняется в финале — к герою, как уже было сказано, прилетает самолет — символ прогресса.

В стихотворении «Комсомолка», как видно из названия, речь идет о женской эмансипации. Представляется принципиальным, что в тексте женщина эксплицитно сравнивается с мужчиной: «Выходишь, как водитель каравана...»²⁹⁴ и далее: «Ты — человек, строитель и борец...»²⁹⁵ Перечисление

²⁹¹ Там же. С. 72.

²⁹² Там же. С. 74.

²⁹³ Там же. С. 73.

²⁹⁴ Там же. С. 75.

²⁹⁵ Там же. Приходится констатировать, что до революции женщина человеком не была.

затем туркменских реалий до раскрепощения, вероятно, должно дать о них представление широкой советской аудитории (хотя, конечно, первоначально стихотворение публиковалось в туркменской прессе). Здесь стоит упомянуть о том, что в переводе текст может менять свою функцию. Если его читает носительница туркменской культуры, для нее это руководство к действию. Если же текст выходит в альманахе, предназначенном для русского читателя, он может начать восприниматься как иллюстрация жизни на периферии и не всегда знакомого читателю прошлого.

После стихотворений Тачназарова читатель видит повесть Скосырева «Эне — девочка из аула»²⁹⁶ о воспитаннице детского интерната Эне Шах-Бердыевой. Повесть состоит из трех частей, в первой части есть фрагмент «от автора», вторая состоит из шести глав. Все главы, кроме последней, озаглавлены: «Как отце и мать Эне нашли друг друга», «Как Эне потеряла отца», «Как Эне потеряла мать», «Как Эне едва не потеряла самое себя», «О том, как Эне нашла отца и мать». В тексте четыре вклейки: «Двор в ауле под Ашхабадом» (художник Д. Штеренберг), фотография «Худ. Бяшим Нурали у своей работы, художественного ковра — портрет Ленина, выделанного им совместно с Амансолтан Нуралиевой», «Текстильная фабрика в Ашхабаде» (художник Д. Якушин), «Ткацкий цех» (художник Д. Якушин). Первое изображение вполне соотносится с текстом рядом, два последних также, но они расположены значительно дальше от эпизодов, где речь идет о текстильной фабрике.

Повесть «Эне — девочка из аула», как представляется, воспроизводит тот же сюжет, что и «Оазис»: это рассказ о том, как ребенок-сирота взрослеет, терпит лишения, но в конце становится членом советского общества, причем

²⁹⁶ Повесть, как и «Оазис» из «Айдинг-Гюндер» получила хороший отзыв в критике. См. главу 4.

все события читатель видит глазами ребенка. Похожим же образом Скосырев решает тему репрезентации быта и культуры Туркменистана, в частности, воспроизводит текст песни, которой «пошло уж второе столетие»²⁹⁷, причем именно ту часть, где девушка сравнивается с розой, создавая, таким образом, узнаваемую для европейского читателя восточную образность. Также Скосырев описывает, как должна выглядеть свадебная кибитка (теперь ее заменил аулсовет) и, в частности, то, как принято в Туркменистане общаться брату и сестре: «Но он еще так недавно оставил аул, все обычаи которого были ему знакомы с детства, что при людях не осмелился выказать ласку и внимательность родной сестре»²⁹⁸. Во второй части, когда речь заходит собственно об истории Эне, Скосырев воспроизводит туркменский быт и обычаи весьма скрупулезно (невеста должна разувать жениха, нельзя первому заговорить с чужой женой на глазах ее мужа, невеста должна разжать кулак жениха, чтобы вытащить кушак, на свадьба мужчины и женщины сидят в разных помещениях и т. д.).

Скосырев — один из немногих в бригаде 1934 г., кого интересует этимология туркменских имен (помимо Платонова и Санникова), и это представляется важным для того, каким образом Туркменистан репрезентирован в его текстах. Упоминая о подругах Эне, Скосырев специально для русскоязычной аудитории дает их перевод: «Эне, и Кякилик, и Сонна, и Гузель, и Ширин, и Джирен, и вторая Кякилик, и еще три Джирен и Таушан и две Ай-Султан и Огуль-бек (чьи имена звучали для уха Эне, как Мамаша и Курочка и Утка и Сладкая и Козочка и вторая Курочка и Тушканчик и Царица-Луна)...»²⁹⁹ Таким образом, Скосырев остается верен себе (и именно

²⁹⁷ Там же. С. 78.

²⁹⁸ Там же. С. 84.

²⁹⁹ Там же. С. 92.

этим добивается положительных отзывов в критике, о чем подробнее будет сказано в главе 4). Очевидно, что происхождение имен он узнавал специально (кроме имен Гузель, искаженное Gözel — «красивая», и Огуль-бек, которое можно перевести примерно как «отсутствие сына») и, видимо, таким образом, пытался «преодолеть экзотику». Также Скосырев воспроизводит и название игры — «пишик-пишик» (в современной орфографии — pişik — «кошка»).

Однако несколькими строками ниже Скосырев как будто воспроизводит колониальный взгляд на Туркменистан, взгляд, которому так противится общая установка альманаха. Скосырев упоминает, что туркменским детям не знакомы танцы и песни, причем «они даже не предполагали, что человек может танцевать (sic!), и что у других народов существует такая веселая вещь как танцы»³⁰⁰. Возможно, конечно, это связано с тем, что Скосырев описывает кочевую жизнь в песках, где не танцуют для развлечения, однако, как представляется, не нужны дополнительные аргументы для того факта, что туркмены танцуют на свадьбах.

Так же, как и в «Оазисе», Скосырев уделяет внимание поговоркам, вероятно, почерпнутых из общения с туркменоведами. Также в повести постоянно упоминается туркменская песенная традиция: разделение песен на женские и мужские (впрочем, в «Эне» женщинам петь как будто вовсе запрещено)³⁰¹. Передача туркменских слов у Скосырева в целом корректна, так, Эне называет другую героиню «чужая мать». У Скосырева это «еуей-

³⁰⁰ Там же. С. 93.

³⁰¹ О женских песнях см.: Blackwell C. Tradition and Society in Turkmenistan: Gender, Culture and Oral Songs. New York: Routledge, 2013. В целом, интерес героини к песням подчеркивается в каждой главе, таким образом, вероятно, подчеркивая эмансипацию в попытках заниматься традиционно мужским делом, просто потому что оно нравится. В разных ситуациях в повести упоминаются туйдук — духовой инструмент — и копыз (гопыз) — инструмент, родственник варгану, — на нем играют невесты. Упоминается также и дутар, который в глазах девочки становится лучшим инструментом. Отметим, что самым лучшим инструментом позднее оказывается не туркменский дутар, а европейское пианино, то есть в повести даже через музыку прослеживается противопоставление модернизированной и народной культуры.

едже», то есть öweý eje в современной туркменской орфографии, буквально — неродная мама. Между тем «неродную маму» зовут Максуда, и Скосырев, ориентируясь на своего читателя, шутит, что «в русской деревне, ее, наверняка, переименовали бы в паскуда»³⁰².

Как и в повести Солтанниязова, Скосырев вводит в сюжет ситуацию изнасилования. Как представляется, подобный эпизод мог бы стать типичным для литературы о молодых туркменках до революции³⁰³.

Если говорить о повести в целом, то принципиальным кажется противопоставление европейского и восточного. Несмотря на декларируемый отказ от колонизации, европейский уклад означает модернизацию по отношению к туркменскому быту и нравам, особенно тем из них, которые касаются женщин. Так, в ауле Эне носит традиционную одежду — балак и койнек — и прическу: две косы, уложенные поверх груди (ранее, описывая свадьбу ее матери Таушан, Скосырев подробно рассказывает читателю о туркменском обычае менять прическу, когда женщина становится замужней). Это можно трактовать как этнографические детали, однако рядом с описываемыми событиями (тяжелая жизнь молодой девушки в ауле, изнасилование, несчастная по-своему даже злодейка Максуда), европейская одежда выглядит как деталь, которая обозначает переход Эне из «отсталой» жизни в модернизированную. Подчеркивается это и тем, что, когда Эне приезжает в аул учительницей, за европейскую одежду ее называют проституткой. Значимым представляется и то, что основная деталь, которую запоминает Эне из рассказа своего брата об интернате для сирот (он помогает ей туда сбежать), — то, что девочки носят одну косу с лентой. Когда Эне

³⁰² Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 102.

³⁰³ Как было сказано выше, то же самое находим и в «Такыре».

вбегают в ворота интерната, она кричит: «Я бежала все прямо. Я хочу в волоса ленту. <...> У меня нет ни отца, ни матери»³⁰⁴. Конечно, Скосырев очевидно подразумевает, что СССР дает Туркменистану не колонизацию, а развитие: образование, повышение уровня жизни и т. п. Однако введенный в повесть отказ от традиционной одежды подчеркивает разрыв с традицией вообще — и конкретно, с угнетением женщины³⁰⁵. Показательно, что постоянно подчеркивается, что Эне никогда европейской одежды не видела и не понимает, что это такое (так, она называет нижнее белье «балак», потому что не знает другого слова).

То же касается и музыкальной темы в повести. Репрезентация музыкально-песенной культуры активно эксплуатируется авторами альманахов, причем преимущественно русскоязычным. И если в «Айдинг-Гюнлер» речь скорее идет о восприятии живой традиции (например, в «Песняни Амана»), то в повести Скосырева — о ее европеизации. Для Эне пианино оказывается лучше народных туркменских инструментов (что также объясняется и ее травмой: перед сценой изнасилования все слушают, как бахши играет на дутаре). В конце повести она играет вариации туркменских народных мотивов в прямом эфире на радио. В этом случае речь идет о европеизации за счет использования другого инструмента, однако важно, что играет туркменка — таким образом апроприации традиционной культуры не происходит. В противном случае можно было бы с уверенностью говорить об ориентализации туркменской музыки в глазах читателя (см. многочисленные вариации на восточные мотивы у европейских композиторов). Упомянем, впрочем, здесь очерк Веселкова «Смерти и рождение песни», где герой играет

³⁰⁴ Там же. С. 113.

³⁰⁵ Отказ от традиционной одежды в Туркменистане не продвигался, однако, как представляется, детей в интернате одевали одинаково, а следовательно, европейская одежда становится способом интеграции в новое советское общество.

на традиционных инструментах новую музыку, которая не перечеркивает традицию, а дополняет ее. См., например: «Нури играл старую музыку без слов, певцы пели на нее новые слова. <...>

Новые слова ломали старую музыку. <...>

Новые слова были, были новые песни, но не было музыки, которая могла бы повести эти слова за собой. <...>

Струны звенели так же, как в старых песнях без слов, но звуки текли иначе. <...>

— Это моя песня, моя новая музыка. Я назвал ее “Пионер”»³⁰⁶.

Этот очерк помещен в отдел «Фольклор» вместе со статьей Скосырева «Роль и место бахши в туркменской культуре» и народными песнями. Скосырев пишет: «Не могло быть сколько-нибудь заметного события в ауле <...> а после революции — праздника урожая, первомайских или октябрьских торжеств, чтобы на них центральной и неременной фигурой не был бахши...»³⁰⁷ Таким образом, фигура бахши как носителя народной музыкальной культуры интегрируется в ситуацию социалистического строительства, а фольклорный пласт — в литературу соцреализма.

Здесь мы сталкиваемся с дополнительным усложнением нашей схемы: оба автора носят русскую фамилию, однако Веселков давно живет в Ашхабаде, и выступает скорее в роли представителя периферии. Таким образом, «взгляд изнутри» должен даваться ему легче, чем Скосыреву. Читатель из центра, конечно, может не знать этого нюанса, однако он мог быть принципиален для редколлегии альманаха.

Следующий текст в альманахе — отрывки из поэмы Амандурды Аламышева «Сонди». В действительности мы имеем дело с отрывками их уже

³⁰⁶ Там же. С. 229–301.

³⁰⁷ Там же. С. 293.

переработанного автором текста — поэмы «Сона». Историю ее создания мы подробно опишем в следующем подпараграфе. Здесь же мы сосредоточимся на том, по какому принципу отрывки могли быть выбраны для альманаха.

Текст оформлен одной вклейкой — «Туркменка-пионерка» художника П. Радимова. Она согласуется с содержанием поэмы: Сона читает книги и преподает в школе. Однако для альманаха была выбрана не эта тема и даже не тема эмансипации. Отрывки — это сцены, где Сона и ее возлюбленный Анна объясняются друг с другом. Представляется значимым, что они лучше всего подходят для введения в альманах традиции туркменской поэзии, которая сохраняется в 1930-е гг. Любовные стихи — тот жанр, чья стабильность будет наиболее уместна. Читатель при этом не до конца может понять, что произошло, упоминаются другие персонажи, о которых он ничего не знает, если только не читал поэму целиком, равно как и не знает, почему Сона помолвлена, но переписывается с Анна. Однако, как представляется, здесь происходит типичная для альманахов подмена: формально «Сона» — поэма о раскрепощении женщины. Однако составителям хотелось бы развлечь читателя любовным сюжетом, и именно его они выбирают.

Следующий текст — повесть М. Немченко «Джума-батырь», напечатанная в сокращении, видимо, как по соображениям экономии, так и исходя из цели соблюсти баланс объема между текстами. Повесть достаточно длинна, занимает 48 страниц и состоит из двух частей. Судя по дате 1934–35 г., она была задумана еще для «Айдинг-Гюнлер», однако Немченко не успел ее закончить. Оформлен текст вклейками «Базар в Ташаузе» (художник П. Радимов), «У арыка» (художник Н. Терпсихоров) и «В колхозе» (художник Р. Мазель, инициал имени которого заменен на И.³⁰⁸). Эти иллюстрации могут

³⁰⁸ Подробнее о Рувиме Мазеле см. главу 3. Показательно, что художник следует своему стилю: он, в отличие от других, изображает туркменку в национальной одежде.

быть с равным успехом отнесены ко многим текстам их альманаха, они изображают типичные сюжеты из туркменской жизни.

«Джума-Батырь» Немченко этнографичен в значительно меньшей степени, чем повесть Скосырева. Немченко изображает жизнь в ауле, однако уделяет внимание скорее общеизвестным деталям. Сначала речь идет вновь о тяжелой доле туркменки. Как и у Скосырева, у Немченко подчеркивается, что возраст в 32 года для жительницы аула — уже старость. У Скосырева упоминается и вовсе число 25. Сохраняется и характерный для альманахов натурализм: Немченко кратко, но детально описывает, как героиня рождает прямо в песках: «Сильные судороги рвали внутренности на части. Подняться она не имела сил. Конвульсивным движением рук разорвала гнилую ткань штанов. Приближались роды. Худое тело женщины трепетало на белой земле.

Ребенок вышел прямо на песок. Широко расставив ноги, раскинув бессильно руки, лежала Бике, облитая потом, и слабая улыбка кривила губы, с которых через подбородок бежали две темные струйки»³⁰⁹.

Мы уже упоминали натуралистичность избиения у Скосырева. Как представляется, такой натурализм характерен в целом для альманахов, но него же ориентируются и туркменские авторы, в частности, Берды Солтанниязов в повесть «Гюзель».

Несмотря на то что Немченко дает значительно меньше этнографических деталей, чем Скосырев, в повести упоминается туркменское поверье — мать случайно кладут на белую кошму, это может привлечь злых духов. Поэтому далее Немченко описывает, как жители аула пытаются защитить ребенка разными обрядами: «Клали ребенка в подол бабке и вытаскивали его через ворот рубахи. Затем Джан-Гуль, самая многодетная

³⁰⁹ Там же. С. 131.

женщина в ауле, родившая семнадцать человек детей, взяла в одну руку ребенка, в другую метлу и прошлась по аулу. Женщины выбегали из кибиток и привязывали к метле лоскутки. Из лоскутков сшили рубашонку и сорок дней не снимали ее с ребенка; нацепили помимо того на него разные амулеты и повесили мешочек с солью и углем»³¹⁰.

Как видно, аул у Немченко предстает не таким ужасным местом, как у Скосырева. Сохраняется при этом общая установка на «изображение изнутри»: перед автором ставится задача подробно изучить жизнь в Туркменистане и написать об этом. Этим и объясняется введение еще одного туркменского обряда — изгнание джинна из человека.

Показательно также для формирования традиции текстов о Туркменистане, что Немченко, как и Тачназаров, упоминает конфликты между туркменскими племенами (к стаду, которое пасет Джума, скачет всадник, чтобы сообщить, что текинцы отбирают овец³¹¹). Однако оказывается, что дело не в племенном конфликте, а в том, что приехала комиссия, состоящая из двух текинцев и двух русских. Таким образом, привычная ситуация оборачивается новой — у бая отнимают баранов представители власти. Немченко, очевидно, пытается представить все так, как это выглядело бы для самого Джумы (так, приехавшего зоотехника он называет ученым чапаном).

Как и Скосырев, но в большей степени, Немченко эксплуатирует тему разрушения традиции. Старик Назар-Гельды утверждает, что аул готов отдать большевикам все, что они потребуют, но традиций менять не будет: «Налоги мы платим. Если мало, скажи, сколько еще хочешь. Не трогай наших

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Джума родом из другого племени — иомуды. Текинский диалект лег в основу туркменского литературного языка, племя теке чаще всего упоминается в текстах о Туркменистане.

обычаев!»³¹² Здесь мы возвращаемся к тому неявному сопротивлению новым порядкам, с которыми столкнулось советское правительство в Центральной Азии (см. об этом в первом параграфе настоящей главы). Туркмены согласны принять новую власть, но не готовы менять уклад своей жизни. Как представляется, изображение этой проблемы ожидается и от туркменской литературы: именно подчеркнутый отказ от старых традиций нужно донести до массового читателя. В этом смысле повесть Немченко могла бы послужить образцом. Заметим здесь же, что ни в одном из текстов из альманаха мы не находим взгляда европейца как основного.

В целом сюжет Немченко представляется наиболее типичным для соцреализма. В первой части повести угнетенный Джума пасет байское стадо, затем присоединяется к басмачам, но после смерти брата переходит на сторону красноармейского отряда. Затем речь идет о коллективизации. Таким образом, повесть Немченко представляет собой совмещение колхозного текста и текста о Гражданской войне. В «колхозной» части разыгрывается типичный сюжет: бай пытается хитростью проникнуть в аулсовет, но его разоблачают. Дискурс же воспитания и исправления роднит «Джума-батыря» с повестью Максимова «Песнь Амана» из альманаха «Айдинг-Гюнлер». Два этих текста выглядят как наиболее образцовые, но яснее это проявлено в повести Немченко, где присутствуют дежурные упоминания Ленина и Сталина, о которых впервые узнает Джума от красноармейцев: «В красном уголке стоял большой зеленовато-коричневый бюст Ленина. Ласково глядел на толпившихся иомуд в черных мохнатых тельпеках. Джума спросил:

— Кто это?

³¹² Там же. С. 138.

Ему сказали — Ленин! Подошел близко и долго, пристально рассматривал его.

— Вот он ка-акой! Ленин!»³¹³

Ср. далее: «Здесь он впервые услышал имя Сталина.

— Сталин, как караван-баши — всю страну ведет через трудности, через бои с классовыми врагами, с баями, к социализму.

<...>

— Что читаешь?

— Сталина! — ответил Ата Бакиев и прочел ему написанное.

Джума слушал слова Сталина с большим вниманием, одобрительно покачивая головой. Его удивила простота и понятность мысли»³¹⁴.

Таким образом, повесть Немченко совмещает почти все возможные устойчивые элементы соцреалистического текста³¹⁵. Именно она, как представляется, должна служить образцом для новой туркменской литературы. Несмотря на это, подобных сюжетов в альманахе мы более не находим, что, впрочем, объясняется нехваткой прозаических текстов, которые могли пройти отбор.

Отдельно следует выделить то, как Немченко, следуя общей установке обоих альманахов, совмещает новую идеологию с тем образом мыслей, который, очевидно, виделся типично восточным. Так, в повести часто используются характерные оскорбления (например, «кровавая лиса»³¹⁶), а сам

³¹³ Там же. С. 153.

³¹⁴ Там же. С. 159.

³¹⁵ Анализ общих тенденций соцреализма см., например, в: *Кларк К.* Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. О других аспектах соцреалистической прозы см.: *Скороспелова Е. Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). Москва: ТЕИС, 2003. О проблеме соцреалистического канона см.: *Соцреалистический канон.* М.: Академический проект, 2000.

³¹⁶ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 157.

Джума одержим идеей кровной мести за брата. Таким образом, как и в «Айдинг-Гюнлер», в русскоязычных текстах из «Туркмении» видна попытка соблюсти баланс между идеологической составляющей, порождающей соцреалистические формулы, и «правдоподобным» изображением Туркменистана³¹⁷.

Немченко, как и Скосырев в «Оазисе» допускает, что его герой может сохранять традиционное отношение к женщине: «...излишнее любопытство противно обычаю степного гостеприимства, во-вторых, любопытство свойственно женщине и человеку, лишенному достоинства»³¹⁸. Фактически Немченко идет на компромисс с туркменскими нравами. Иначе его повесть не впишется в общее содержание альманаха.

Тем не менее в стратегию, которая заключается в репрезентации туркменской культуры для европейского читателя, не вписывается то, что в повести Немченко (в отличие от повести Скосырева) полностью отсутствуют примечания. Так, когда Джума и его товарищи перехватывают переписку басмачей, они видят на бумаге печать: «Внизу стояла круглая печать — цветок граната на ветке, под ним надпись “Гаиб яранг” и год гиджры — 1332»³¹⁹. Для читателя, плохо знакомого с культурой Востока, вероятно, стоило бы пояснить, что такое гиджра (год изгнания пророка Мухаммеда)³²⁰. Отсутствие комментария объяснить практически невозможно. Можно было бы предположить, что это недосмотр редактора, однако в таком случае встает вопрос о том, почему в повести Скосырева комментарии есть. Видимо, стоит

³¹⁷ Также Немченко использует универсальные сюжетные ходы, изображая недоверие бедняков к коллективизации: «Скотоводы ходили встревоженные, боялись коллективизации, боялись, что будут обобществлять жен и детей, заставят всех спать в одной кибитке и покрываться одним одеялом» (Там же. С. 160).

³¹⁸ Там же. С. 169.

³¹⁹ Там же. С. 177.

³²⁰ В повести встречаются и отдельные туркменские слова, однако легко понять, что речь идет о еде или одежде.

исходить из того, что примечания вставляли сами авторы, либо руководствуясь тем, что текст должен быть более-менее понятен целевой аудитории, либо игнорируя эту потребность. Отметим здесь, что больше всего примечаний находим в повести Берды Солтанниязова. Это, вероятнее всего, работа переводчика, перед которым эксплицитно ставилась задача прояснить реалии в иноязычном тексте, а в русскоязычном подобные упоминания игнорировались.

За повестью Немченко следует отрывок из поэмы Ата Ниязова «Биби» (перевод В. Левика), которая вновь сосредоточена на судьбе женщины. Для альманаха, в отличие от «Сонди» Аламышева, выбран относительно законченный фрагмент — Биби помогает тайно влюбленному в нее Овезу запрудить арык, нелюбимый муж Биби Оммак подозревает ее в измене и убивает. Структурно, таким образом, отрывок примыкает к аналогичному отрывку из поэмы Аламышева.

Содержание отрывка из поэмы Ата Ниязова «Биби» также можно сравнить с «Сонди» Аламышева. В первой редакции поэмы главная героиня по имени Сона погибала от рук баев (об этом будет подробно сказано в следующем параграфе). Однако такой финал не устроил идеологов туркменской литературы, и Аламышев переписал поэму, изменив финал на счастливый. Текст Ата Ниязова также мог вызвать вопросы, так как Биби в конце погибает от рук мужа. Однако, если учесть, что читатель альманаха не знает, как дальше развивались события, возможно, он сможет спроецировать счастливый финал, который он уже не раз видел в текстах из альманахов, и на поэму Ата Ниязова.

Что касается перевода В. Левика, он подчеркнуто доместикализован. Прежде всего вызывают вопросы следующие строки:

На грустный лад мой гневный ямб настроя,
Я расскажу про злую смерть Биби³²¹.

Перевод действительно написан ямбом, но сам Аламышев использовать ямб не мог технически: туркменская поэзия силлабическая, ударение в туркменском языке фиксированное. Здесь, конечно же, требуется обращение к оригиналу, чтобы прояснить, что в действительности имелось в виду, однако до сих пор печатного издания поэмы мы не нашли.

Перевод Левика нарочито трагичен:

Она мертва. В груди клинок кинжала,
Лицо застыло маской ледяной,
<...>

Она мертва. У рта — лишь струйка крови,
Но онемели скорбные уста.

Лишь гневный взор и поднятые брови
Твердят о том, что жизнь ее чиста³²².

Мы пока не можем судить, насколько Левик изменил интонацию текста. Однако принципиальным кажется следующее. В отрывке из «Биби» абсолютно отсутствуют типичные для туркменской поэзии формулы и обороты. Если сравнить с переводом «Сонди», где постоянно повторяются характерные выражения из туркменской любовной поэзии (см. следующий параграф), то с «Биби» виден разительный контраст. Сюжет этого отрывка — по крайней мере в переводе — по сути, универсален: с тем же успехом речь

³²¹ Там же. С. 179.

³²² Там же. С. 179.

могла идти о деревне на территории РСФСР и о жене кулака (единственная специфически восточная деталь — это то, что Биби — вторая жена, и, возможно, запруживание арыка).

Отметим тем не менее, что, несмотря на отсутствие в переводе специфически туркменских черт, с некоторой осторожностью можно все же отнести к туркменской традиции следующий фрагмент:

У бедняка жена одна — работа,
А все равно ты нищий, плачь, не плачь!
Весь день работай до седьмого пота,
А милую твою возьмет богач.

Бай — высоко, а ты валяйся в прахе,
Достать до бая руки коротки³²³.

Этот фрагмент вписывается в традицию туркменской поэзии о бедности, в частности, он напоминает стихотворения, приписываемые Кеминэ, поэту XIX в., чьи тексты дошли преимущественно в устной передаче. Ср. помещенное в «Туркмении» стихотворение «Газель Кеминэ»³²⁴:

Поживиться ищут баи, нищий — голодом томим;
Он в реке утонет — лодок не пошлет никто за ним;
Дочку у него отнимут — да останется чилим³²⁵.

³²³ Там же. С. 180.

³²⁴ Другое название – «Нищий» (Garup).

³²⁵ Там же. С. 290.

Разумеется, такого рода описания встречаются не только в туркменской поэзии, однако, если вспомнить повторяющееся требование брать от классиков все лучшее, логично было бы предположить, что Ата Ниязов мог ориентироваться на некоторые тексты Кеминэ.

В целом же видно, что заявленная в плане альманахов тема эмансипации вновь подменяется любовным сюжетом. Это, как представляется, в целом характерно для обеих книг. Таким образом, мы вновь видим, что формирование новой традиции происходит через традиционные темы. Можно было бы говорить и о традиционных формах, но по переводу Левика судить об этом невозможно, тем более что перевод явно русифицирован: герой употребляет выражения типа «ни гу-гу», называет пучки соломы снопами, обращается к Биби «девица», а муж Биби зовет ее «бабой», спрашивает, давно ли она начала с любовником «канитель»³²⁶. В целом перевод Левика скорее напоминает поздний перевод «Соны» Рыбина, чем переводы Тарковского (об этих двух переводах будет подробнее сказано в следующем параграфе).

Следом за отрывками из «Биби» в альманахе напечатана повесть Г. Максимова «Хошар». Максимов уже печатался в «Айдинг-Гюнлер» и, вероятно, от повести следовало бы ожидать некоторого сходства с «Песнью Амана», как это было в случае с текстами Скосырева («Оазис» и «Эне...»). Повесть по объему практически той же величины, что и «Джума-батырь» Немченко, и занимает 43 страницы. Так же, как и «Джума-батырь», она оформлена несколькими вклейками: «Чигирь в Ташаузе» (художник — П. Радимов), «Сбор хлопка» (художник — И. (Рувим) Мазель) и «Хошар» (художник — П. Радимов).

³²⁶ Там же. С. 181, 182, 183.

Повесть состоит из четырех глав, разделенных на подглавки. В отличие от «Джумы-батыря», Туркменистан репрезентирован в ней через взгляд европейца. Однако характерно, что этот европеец — мелиоратор Шведов — преследует ту же цель, что и писательские бригады: «познать Туркмению изнутри». В частности, на его решение поехать в Туркменистан влияет книга о пустыне, автор которой пустыни никогда не видел: «Это уже хулиганство, со взломом»³²⁷. Кроме того, в первой главе Шведов едет на машине вместе с девушкой, которая высказывает основную претензию к «заморским гостям»: «Каждый приезжий начинает с того, что у нас еще средневековье, что мы отстали на тысячу лет...

— Вот как, поморщился Шведов. Его неприятно задели слова девушки.
— Тогда уж, будьте добры, скажите, что же с ними происходит в дальнейшем.

— Либо спешат отсюда выбраться и у себя на родине рассказывают всякий вздор, либо внимательно приглядятся и тогда остаются здесь надолго»³²⁸.

Эти реплики девушки сигнализируют о том, что текст Максимова подразумевает «борьбу с экзотикой». Мы уже обращали внимание на принципиальный отказ от декларации «отсталости» народов Востока в литературе (что, впрочем, сочеталось с заявлениями о необходимости их развивать). Выразительницей именно такой позиции становится девушка. И, если вернуться к «Айдинг-Гюнлер» и повести Максимова «Песнь Амана», там мы обнаруживаем ту же самую установку: туркмены буквально сообщают европейцу с блокнотом, что он ничего о них на самом деле не знает. Отдельно обращает на себя внимание песня персонажа-туркмена Ягмура в «Хошаре»:

³²⁷ Там же. С. 187.

³²⁸ Там же. С. 189.

Идет большая вода — я слышу,
Волнуется Аму-Дарья — я слышу,
Будет большой прорыв — я знаю.
Будет много других поменьше — я знаю.

<...>

Прибегут мирабы, скажут: что делать?

Придут техники, скажут: что делать?

Придет начальник, скажет: что делать?

Будет большой шум — я знаю...³²⁹

По формальному устройству этого отрывка видно, что Максимов — один из немногих авторов альманаха, которые прибегают к стилизации. Он использует восточную форму и пренебрегает привычными русскоязычному читателю размерами. Такая стратегия, как представляется, направлена на то, чтобы продемонстрировать читателю аутентичность изображаемого в повести. Точно так же можно истолковать и произнесенное туркменом по отношению к Шведову слово «иолдаш» (ýoldaş) — «товарищ» (которое, впрочем, остается без перевода для читателя): «Шведов узнал свое первое туркменское слово»³³⁰. Без комментария остается и заглавие повести — «Хошар», буквально означающее «совместный труд». Это уже может быть явным недосмотром редактора, так как вокруг этого понятия вращается, по сути, весь сюжет повести.

О репрезентации Туркменистана в «Хошаре» можно сказать довольно мало. Помимо песни Ягмура, упоминается легенда об Аму-Дарье (неясно, настоящая или придуманная автором). В целом же повесть, в отличие от

³²⁹ Там же. С. 190.

³³⁰ Там же. С. 198.

«Песни Амана», более универсальна. Это не столько повествование о жизни в Туркменистане, сколько история о героических инженерах. Кроме того, в текст введен любовный треугольник (Шведов, бывшая жена Шведова Ольга и новый муж Ольги Баевский), что отдаляет сюжет от задач альманаха.

После повести Максимова в альманахе помещены сразу два туркменских стихотворных текста подряд — отрывок из поэмы Амана Кекилова «Вперед» «Перед смертью» (перевод Д. Бродского) и «Решающий день» Хаджи Шукурова (перевод В. Левика и А. Тарковского; к сожалению, как в данном случае подразделялась работа, неизвестно). В обоих речь идет о колхозе, однако эксплуатируются разные сюжеты. В первом случае это заговор баев, во втором — колхозное состязание между мужчиной и женщиной. Почему эти стихотворения помещены подряд, сказать сложно. Возможно, конечно, что подразумевались контрастные колхозные сюжеты, однако никаких обоснований этому нет. Вероятнее всего, структура альманаха (чередование стиха и прозы) была нарушена неосознанно.

«Перед смертью» Амана Кекилова — типичный текст о том, как умирающий рассказывает о своих убийцах. Колхозника Курбана баи угрозами заставляют совершить покушение на некоего Бяшима. Его статус не называется, но, очевидно, он близок к председателю колхоза:

Был последний разговор

Дольше прежних — и Ага

Предложил. «Бяшиму — смерть!

Кто-то крикнул: «Два врага

На виду. И вместе с ним

Предколхоза бы — как раз»³³¹.

Как представляется, этот текст типичен для «колхозной драмы»: Курбан сомневается, опасаясь угроз, но не хочет убивать Бяшима. Причем рассуждает он показательным образом:

И себя я вопрошал:

«Ты убьешь их — а за что?

Разве — недруги они?

Разве сердце налито

Ненавистью у тебя?..

Лишь одно: “Вступи в колхоз”, —

Ты слышал от них всегда...»³³²

Разумеется, вступление в колхоз подается как действие, которое фактически ничего не требует от туркмена. Это абсолютное благо, которому противостоят традиционные злодеи — баи. Они обманом завлекают Курбана в засаду и убивают его ножом. Очевидно, что отрывок вплетается в общую тематику альманаха (описание козней баев занимает примерно половину этого текста). То же касается и стихотворения Хаджи Шукурова «Решающий день».

В «Решающем дне» происходит колхозное состязание между мужчиной и женщиной — кто будет более успешен в сборе хлопка. Сам сюжет уже воспроизводился в повести Скосырева «Оазис», причем Шукуров использует те же приметы эмансипации женщины:

³³¹ Там же. С. 229.

³³² Там же. С. 230.

Платок ей служит головным убором,
Она сняла и бэрык и яшмак³³³.

Сложно сказать, ориентировался ли Шукуров на повесть Скосырева, однако этот повторяющийся сюжет сигнализирует о том, какие устойчивые элементы закрепляются в туркменской литературе 1930-х гг. Женщина, как и в повести Скосырева, побеждает мужчину (она собрала на 8 кг хлопка больше, перевыполнив план), причем ее победа описана следующим образом:

Так Гюль взяла почтеннейшее званье,
Так женщина взяла высокий чин
И, победив мужчин в соревнованьи,
Сумела первой стать среди мужчин³³⁴.

Таким образом, речь идет о стирании границ между гендерами. Гюль — не просто передовая женщина Востока, ее действия осмысляются в рамках «мужской» парадигмы. Остальные женщины оказываются как будто не важны. Гюль занимает место среди мужчин (обратим внимание на похожую ситуацию в Союзе писателей Туркменской ССР с Товшан Эсеновой), она становится с ними равноправной, только победив их. Таким образом, в туркменской литературе 1930-х гг. героине-женщине требуется предпринять больше усилий, чем мужчине, чтобы добиться успеха (отметим здесь, что, как уже было сказано ранее, у Скосырева в похожем сюжете женщина все еще

³³³ Там же. С. 233. Во второй части «Оазиса» отдельно говорится о женщине, которая уже не носит традиционный платок яшмак, потому что это неудобно при сборе хлопка.

³³⁴ Там же. С. 234.

выполняет типичные для нее функции, в частности, приносит чай и молчит, когда говорят мужчины).

Обратим внимание и на то, как в стихотворении (в отличие от отрывка Кекилова, где все сводится к в целом универсальной патетике) разрабатываются типичные формулы туркменской литературы прошлого:

Лицо земли, как персик, золотится...³³⁵

Как горный снег, белеют кудри хлопка

И ярко зелен праздничный наряд.

Луна и солнце в небе меркнут робко, —

Так на земле цветы его горят³³⁶.

Сделать выводы о том, насколько эти строки в действительности соответствуют написанному Кекиловым, можно, используя оригинал (он пока в сборниках не обнаружен), здесь же пока отметим, что, хотя они и представляют собой, по сути, простые пейзажные зарисовки, на общем фоне они соотносятся с сохраняющейся тенденцией опираться на восточную образность. Как представляется, здесь не следует говорить о самоориентализации — это просто следование традиции.

Оставшиеся прозаические тексты в альманахе короткие, и первый из них — рассказ М. Лоскутова «Очки». Как было видно в альманахе «Айдинг-Гюнлер», Лоскутов в обоих случаях использует привычный для себя сюжет — путешествие. Он занимает всего три страницы и имитирует переписку лидеров басмаческих отрядов. Почему короткие тексты оказались в конце альманаха,

³³⁵ Там же. С. 232.

³³⁶ Там же. С. 233.

сказать сложно. Можно только предположить, что читатель мог уже устать от длинных серьезных повестей, и его нужно было развлечь чем-то легким и коротким.

Рассказ, видимо, предполагает оставшуюся за текстом предысторию того, как герой попал на брошенное становище кочевников. Текст сосредоточен не на приключениях героев, а на найденных предметах — старая чалма, сломанные очки и тетрадка. Речь идет, как обычно, о баях и басмачах, причем это единственный текст в альманахе, где они показаны в комическом ключе: «Примечателен выпренный стиль писем бандглаварей, прожженных мелких рыцарей, считающих себя большим военачальником и якобы почитателем святости»³³⁷. Далее следует, собственно, переписка, которая строится вокруг того, что некий ишан, путешествующий с басмаческим отрядом, сломал очки. Разумеется, таким образом Лоскутов подчеркивает контраст между тоном переписки и ее содержанием. Однако важнее здесь то, что этот текст, пожалуй, один из немногих, что содержат прямую ориентализацию. Рассказчику смешон стиль письма басмаческих лидеров, хотя, по сути, это не имеет отношения к их самоидентификации, это дань восточной традиции. Надо сказать, что в критике, о чем будет сказано в главе 4, туркменских авторов упрекали в излишней патетике. Таким образом, попытка сохранить традицию вступает в конфликт с тем, что басмачей нужно представить в негативном свете. Отсюда и проистекает стратегическая неудача Лоскутова — его рассказ при желании можно прочесть как издевательство над туркменской культурой. Этого, однако, не происходит, возможно, по той причине, что текст псевдодокументален.

³³⁷ Там же. С. 235.

«Красноармейская песня» Ходжанепеса Чарыева «Мой гнедой конь» (перевод В. Звягинцева) — предпоследнее стихотворение 1930-х гг. в альманахе. По содержанию оно близко так называемой «оборонной литературе» 1930-х гг., как представляется, такой текст был нужен как пример вливания туркмен в Красную армию, причем текст был нужен именно в форме песни, цель которой — поднимать боевой дух. По форме текст представляет собой газель, но написан четырехстопным ямбом.

Однако если убрать первое и последнее четверостишие, текст превратится просто в песню о верном друге — боевом коне. Это заставляет предполагать, что оно могло иметь своим источником туркменский фольклор и таким образом устанавливало связь с «правдой Востока», хотя, конечно, песня о коне в той же степени может встретиться и в любом другом регионе. Однако в силу того, что стихотворение помещено в альманах «Туркмения», оно, как представляется, должно создавать у читателя именно такое впечатление.

Наконец, последний прозаический текст русскоязычного писателя — «Рассказы Елли-Баба» М. Немченко (в содержании обозначен как «Два рассказа Елли-Баба»). Напомним, что Немченко — единственный русскоязычный писатель, который появляется в альманахе с двумя текстами, первый из которых довольно объемный. Вполне вероятно, что еще в поездке 1934 г. у него мог накопиться большой материал, который он и напечатал в альманахе. Кроме того, его тексты закрывают в альманахе тематические лакуны — большой по объему сюжет из истории Гражданской войны, рассказы о прошлом Туркменистана и текст, где речь идет о знакомстве со Сталиным. Отметим здесь, что, как и в повести из «Айдинг-Гюнлер» «Песнь Амана», прошлое изображено как увиденное глазами туркмена. Рассказов два — «Водная тяжба» и «Елли-Баба знакомится со Сталиным». Они примерно

одинаковы по объему (9 и 6 страниц). Отметим также, что «Рассказы...» соотносятся по структуре с текстом Лоскутова: это квазидокументальные тексты, а текст Немченко еще и подразумевает, что история могла быть услышана от туркмена в реальности.

Текст оформлен одной иллюстрацией — «Погрузка хлопка» (художник К. Вялов). О хлопке и колхозе речь действительно заходит.

В «Водной тяжбе» речь идет о прошлом, о нем рассказывает старик Елли-Баба: «Ты спрашиваешь меня, сынок, как жили в наше время; видно, записал уже меня в покойники. До тебя молодые люди, тоже с портфелями, приезжали к нам»³³⁸. Эта фраза, как представляется, соотносится с началом «Песни Амана», где речь, по-видимому, идет о фольклористе или журналисте, который записывает за бахши.

Как и в случае с первой повестью Немченко, туркменские слова (сардар, гул, кала, кехтуда) остаются без комментария. Однако они, очевидно, нужны не столько чтобы прояснить реалии, сколько чтобы симитировать речь старика-туркмена. Характерно также, что Немченко вводит восприятие этим стариком дореволюционных реалий: «На одной улице встретила большая русская тамаша. Впереди идут русские муллы в золотых халатах, за ними бунчуки несут, передний мулла золотым чайником машет, а из него дым идет»³³⁹. Таким образом, Немченко воспроизводит непросвещенность старика, но она тут же компенсируется тем, что старик во второй части будет рассказывать идеологически правильные вещи.

Весь первый рассказ Елли-Баба строится на образе тяжелого колониального прошлого, а второй — на образе будущего. Колониальная тема, как мы уже говорили, была принципиальна для литературы о Центральной

³³⁸ Там же. С. 239.

³³⁹ Там же. С. 246.

Азии, она объединяла и русскоязычные, и туркменские тексты. Представляется важным, что в первом рассказе Елли-Баба главным злом оказываются русские. Именно они — судьи и начальники, которые не выполняют свою функцию: не решают конфликты между дехканами и баями, сажают в тюрьму, насилуют женщин и т. д. Конечно, виноваты и баи, но большая часть рассказа посвящена именно тому, что русские, которые считают себя начальниками, не делают того, что от начальника требуется. Такое изображение русских в текстах о Туркменистане встречается нечасто, все же межнациональные конфликты должны отойти на второй план после формирования наднационального советского народа. Однако Елли-Баба, как человеку прошлого, можно высказывать такие вещи, и этим пользуется Немченко. Отметим, что от туркменских авторов таких высказываний, по-видимому, не ожидалось. Если взглянуть на стоящее в начале альманаха стихотворение Тачназарова, мы увидим, что во всем виноваты не русские, а «белый царь», который ими правит.

Второй рассказ «Елли-Баба знакомится со Сталиным» уже может быть использован как пример для туркменской литературы. В рассказе описан эпизод, когда аул «загоняют» в колхоз, но, напуганные произволом, который они не раз видели от русских, многие туркмены, и в том числе Елли-Баба сопротивляются. Тогда колхоз пытаются организовать насильно, у Елли-Баба и вовсе отбирают коня, а его самого сажают в тюрьму за «байское дело». Однако позже Елли-Баба сообщают: «Сталин приказал тебя выпустить»³⁴⁰. Оказывается, что речь идет о статье «Головокружение от успехов», где речь идет о перегибах на местах (сама статья легитимировала создание колхозов и подавала его как результат добровольных действий крестьян). Елли-Баба

³⁴⁰ Там же. С. 252.

пересказывает статью так: «Убедить, — говорил, — народ нужно, чтобы народ поверил тебе, а когда, — говорил, — народ поверит, он сам пойдет в колхоз»³⁴¹, а затем восхваляет Сталина: «Я сказал себе тогда — этот человек хочет сделать жизнь народа лучше. Он не приказывает, он хочет, чтобы весь народ сам поверил ему. Очевидно, он действительно знает, как устроить хорошую жизнь народу. Ему можно верить. Он большой аксакал. Он больше, чем падишах. Человек, которому весь народ поверил, самый большой человек в мире. Я сказал еще себе — я ему верю»³⁴².

Таким образом, одного слова Сталина оказывается достаточно, чтобы Елли-Баба отправился в колхоз. Эта магическая позиция затем станет общим местом в литературах советской периферии. Собственно, уже в первом тексте из альманаха Сталин упоминается как великий вождь.

Последний текст из раздела «Туркмения в произведениях советских писателей» — стихотворение Шаали Кекилова «Паровоз» в переводе В. Левика, сопровождаемое иллюстрацией «Тепловоз в Кара-Кумах» (художник К. Вялов). Оно закрывает очевидный пробел в тематике альманаха.

Паровоз, наряду с трактором, можно считать символом новой жизни. Именно поэтому эта тема доверена туркменскому автору. Паровоз — это его будущее:

Дивились те, кто видел в первый раз
Чудовище, безвестное доньше.
До наших дней про эту тварь рассказ
Не доходил в туркменские пустыни.

³⁴¹ Там же. С. 254.

³⁴² Там же.

Дивились те, кто видел в первый раз
Горящий глаз, пронизывавший дали,
И «Огненный» чудовищу у нас
Или «отлы» в народе имя дали³⁴³.

Однако речь в стихотворении идет не только о самом паровозе, но и о его ремонте в цеху, а в конце Кекилов воспекает «могучий молот пролетариата»³⁴⁴. Это представляется принципиальным для туркменской литературы. Как отмечает А. Халид (см. первый параграф настоящей главы), сразу после революции в Центральной Азии советская власть столкнулась с тем, что она принесла пролетарскую революцию туда, где пролетариата, по сути, не было. Однако литература о пролетариате стала неотъемлемой частью зарождавшегося в 1930-е гг. советского канона. Поэтому от Кекилова требуется воспеть пролетариат в доступной форме — описание паровозного цеха.

Раздел «Классическая поэзия Туркмении» включает стихотворения Махтумкули, Зелили, Сеида, Молланепеса и Кеминэ в переводах Г. Веселкова, Ораза Тачназарова, С. Олендера, Г. Карпова, Н. Лебедева, В. Бугаевского, А. А. Тарковского и П. Г. Скосырева. Он открывается иллюстрацией с портретом Махтумкули, внутри самого раздела есть также иллюстрация «Мавзоль Тюрабек-Ханум в Куня-Ургече» (художник П. Радимов) и портрет «Туркменка» (художник П. Радимов) с едва различимой надписью, где читается только имя Огуль.

Вероятнее всего, там, где под стихотворением указано две фамилии, один человек составлял подстрочник, а второй его обрабатывал. Как

³⁴³ Там же. С. 256. Паровоз действительно назывался огненным, а железная дорога – огневой.

³⁴⁴ Там же. С. 257.

представляется, к первым можно отнести Ораза Тачназарова и Г. Карпова, который был туркменоведом, а не литератором.

Каждый из подразделов «Классической поэзии...» сопровождается краткой биографической справкой. О Махтумкули говорится: «Многое из его творчества подлежит коренному пересмотру, но очень многое должно быть использовано в литературе новой Туркмении»³⁴⁵. Стихотворения Зелили и Сеиди совмещены в одном подразделе и, по-видимому, должны закрыть лакуну туркменской поэзии XIX в., как и стихотворения Малланепеса. Закрывающий подраздел со стихотворениями Кеминэ оснащен самой пространной справкой, где сообщается следующее: «Пожалуй, не будет большой ошибкой утверждение, что именно Кеминэ является наравне с Махтумкули самым популярным поэтом Туркмении»³⁴⁶. Действительно, именно Кеминэ наравне с Махтумкули стал в СССР символом туркменской литературы.

Таким образом, раздел «Классическая поэзия Туркмении» дает читателю представление о том, какие поэты в принципе существовали на территории Туркменистана. Перед советской книгой ставится задача «открыть» для читателя поэзию прошлого из неизвестных ему регионов. Имитируя форму газели, переводчики сохраняют национальную форму, которую, очевидно, новые туркменские писатели должны были наполнить «социалистическим содержанием». Что касается тематики стихотворений, большинство из них философские или любовные (за исключением стихотворения Кеминэ о бедняке). О некоторых из них будет подробнее сказано в следующем подпараграфе.

³⁴⁵ Там же. С. 261.

³⁴⁶ Там же. С. 285.

2.2.3. Альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» — работа переводчиков³⁴⁷

Образ советской туркменской литературы в глазах массового читателя формировался в переводе. В альманахи, как мы уже показали, вошло значительное количество туркменских текстов (преимущественно стихотворных, кроме одного). Русский язык, так или иначе, должен был стать языком-посредником между разными культурами СССР³⁴⁸, что, в целом, можно назвать типичным, если мы понимаем советскую культуру как колониальную (однако, исследователи указывают на то, что терминология здесь требует дополнительной разработки³⁴⁹, так как в случае с СССР мы сталкиваемся с эксплицитным отрицанием колониальных тенденций в регионах — см. об этом первый параграф настоящей главы).

Так или иначе, в настоящем подпараграфе речь пойдет о том, каким образом тексты из альманахов функционировали в переводе и как этот перевод менялся. Переводческая практика в 1930-е гг. велась часто через подстрочник.

³⁴⁷ При подготовке данной главы были использованы материалы статьи: *Бурцева А. О.* Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: предварительные наблюдения // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2021. Т. 16. № 3–4. С. 125–148.

³⁴⁸ В связи с этим в книге *Ч. Г. Гусейнова* используется термин «двуязычный писатель» (*Гусейнов Ч. Г.* Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Советский писатель, 1988). Следует, однако, отметить, что в 1930-е гг. выполнялись переводы не только с русского или на русский, но и с одних национальных языков на другие. Таким образом развивались горизонтальные связи между культурами страны, которые должны были стать единым целым.

³⁴⁹ См.: *Абашинов С. Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 35–45. *Хурш Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Отметим здесь, что, если мы считаем СССР империей, то речь идет об империи, которая отрицает сама себя. М. Глостанова также предполагает, что это империя, зависящая от других, и предлагает использовать термин «субалтерн-империя» (см., например: *Tlostanova M.* The Janus-Faced Empire Distorting Orientalist Discourses: Gender, Race and Religion in the Russian/(Post)Soviet Constructions of the “Orient” // *Worlds and Knowledges Otherwise.* 2008. Vol. 2. No 2. P. 1–11). Отметим также, что развитие литератур СССР часто анализируется через призму имперского, например, в: *Франк С. К.* Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // *Имагология и компаративистика.* 2019. № 11. С. 230–247.

Работа по подстрочнику приводила к неизбежным искажениям, особенно когда речь шла о туркменской литературе прошлого³⁵⁰. Процесс перевода осложнялся не только опосредованностью, но и тем, каким идеологическим критериям итоговый текст должен был соответствовать. Переводы из туркменской поэзии — как стихотворений, созданных в 1930-е гг., так и более ранних — позднее модифицировались. С одной стороны, ставилась цель уточнить перевод, сделанный по подстрочнику, не всегда точному, с другой — вместе с идеологическим фоном менялись и представления о допустимом. Роль могли сыграть и сугубо литературные факторы, изменяющиеся представления о переводческой практике. В настоящем подпараграфе мы сосредоточимся на сравнительном анализе переводов из альманахов и более поздних, чтобы выявить, какие именно элементы были характерны в первую очередь для 1930-х гг.

Из более поздних изданий нас интересует прежде всего антология туркменской поэзии 1949 г. как набор текстов, прошедших определенный фильтр и претендующих на канонизацию. Этот набор кажется наиболее показательным для понимания того, как создавались и менялись переводы с туркменского.

³⁵⁰ См.: Witt S. The Shorthand of Empire: *Podstrochnik* Practices and the Making of Soviet Literatures // *Ad Imperio*. 2013. No. 3. P. 157–158. Как замечает автор этой статьи, подстрочники были доминирующим вариантом переводческой практики как для переводов на русский, так и для переводов между национальными языками, что создает дополнительную инстанцию между литературным переводчиком и текстом, и это представляет собой отдельную эпистемиологическую проблему. См. также «Постановление Бюро национальных комиссий ССП СССР об упорядочении дела художественных переводов с языков народов СССР», опубликованное автором в приложении к статье и датированное 1940 г. (*Ibid.* P. 186–189). См. также: Witt S. Institutionalized Intermediates: Conceptualizing Soviet Practices of Indirect Literary Translation // *Translation Studies*. 2017. Vol. 10. P. 166–182. Отметим, что романа Берды Кербабаева «Решающий шаг» переводила Зелиха Мухаммедова, носительница языка. С. Витт же использует высказывание А. А. Суркова о том, что перевод не точный, в качестве одного из примеров искажения текста. Сам Сурков туркменского языка не знал, а следовательно, не мог сделать такого вывода. См. в предыдущем подпараграфе аналогичную ситуацию с рецензией П. Г. Скосырева на перевод поэмы «Аму-Дарья».

Как мы отмечали в первом параграфе настоящей главы, в Центральной Азии одним из принципов конструирования новой литературы стал поиск образцов, в том числе дореволюционных. В случае с Туркменистаном ситуация была удобной в том смысле, что старая литература сохранилась в относительно малом объеме. История туркменской литературы в антологии туркменской поэзии 1949 г. ведется от общетюркских эпосов, затем упоминаются поэты XVIII и XIX вв., творчество которых сохранилось в устной передаче и в более поздних списках. Основное внимание отводится Махтумкули, назначенному создателем туркменской поэзии.

В предисловии П. Скосырева к антологии 1949 г. о нем говорится следующее: «Современный туркменский читатель чтит лучшие стихи Махтум-Кули (sic!) как наиболее яркое выражение поэтической одаренности и мудрости туркменского народа, сумевшего преодолеть все исторические невзгоды и выступить в борьбе со многими врагами, пытавшимися на протяжении столетий истребить или подчинить себе туркменские племена»³⁵¹. При этом отмечается, что «память бахши и разрозненные записи сохранили около двадцати тысяч стихотворных строк Махтум-Кули (sic!), несколько поэм и большое количество коротких стихотворений»³⁵². Как классику Махтумкули прощается многое. Так, в очерке Ходжанепеса Чарыева о туркменской поэзии (машинопись хранится в РГАЛИ, вышел, вероятно, в одной из местных газет) о нем говорится следующее: «Махтум Кули (sic!) — поэт-философ <...> Являясь представителем верхушки феодального строя он был в то же время проводником передовых идей того времени — ислама и не

³⁵¹ Скосырев П. Основные этапы развития туркменской поэзии // Антология туркменской поэзии. М., 1949. С. 12.

³⁵² Там же.

мог не видеть, что под этим флагом (ислама) развивались товарные отношения, несущие разложение патриархально-феодального строя...»³⁵³

Ср., однако в докладе О. Таш-Назарова (на тот момент — председателя туркменского союза писателей) на Первом съезде: «“На том свете” — основной вывод философии Махтум Кули (sic!), обезоруживающий его творчество, притупляющий силу его разоблачений и разоблачающий его самого как защитника и проводника реакционных идей ислама. Только “рай” — загробная награда за муки и терпение на этом свете — единственный выход по Махтум Кули. Таким образом мистически-религиозное творчество Махтум Кули объективно являлось новым средством духовного порабощения масс в руках тех же феодальных и духовных элементов»³⁵⁴.

Впрочем, завершается этот фрагмент доклада следующими словами: «Махтум Кули безусловно является национальным туркменским поэтом, корифеем туркменской поэзии. Молодая художественная литература в Туркмении при глубоком критическом изучении литературного наследства Махтум Кули сможет многое почерпнуть для своего художественного роста»³⁵⁵.

Махтумкули, таким образом, становится символом общей туркменской культурной идентичности (а ее новое выстраивание было одной из задач советской политики, см. в первом параграфе настоящей главы). В сборники включаются его стихотворения дидактического и любовного содержания.

³⁵³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 40.

³⁵⁴ *Таш-Назаров О.* Доклад О. Таш-Назарова о литературе Туркменской СССР // Первый Всесоюзный съезд советский писателей. Стенографический отчет. Москва: Гослитиздат, 1934. С. 137.

³⁵⁵ Там же.

Поэзия Махтумкули выходила в переводе разных авторов. Основной массив переводов принадлежит А. А. Тарковскому и Г. А. Шенгели, однако в 1930-е гг. переводчиками также выступали и местные туркменские литераторы. Показательной оказывается ситуация со стихотворением «Кто не имеет ничего» (*Dowleti-maly bolmasa*)³⁵⁶ или, в переводе Шенгели, «Если».

В 1930-е гг. стихотворение вышло в переводе Ораза Тачназарова и Г. Н. Веселкова (он был редактором журнала «Туркменоведение», переводчиком и поэтом, который активно занимался туркменской литературой³⁵⁷) в альманахе «Туркмения». В антологии 1949 г. опубликован перевод Шенгели³⁵⁸.

Содержание первой строфы в переводе практически одинаково. Ср.:

Не спросят имени того,

Кто не имеет ничего³⁵⁹ (Ташназаров и Веселков).

³⁵⁶ Здесь и далее текст оригинала приводится в современной туркменской орфографии. При переводе отдельных слов с туркменского языка мы опирались на словарь под общей редакцией Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева и М.Я. Хамзаева (Туркменско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968), а также на словарь Х. Байлыева и Б. Каррыева под редакцией Ш. Батырова и М. Сакали (Туркмено-русский словарь. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1940). В затруднительных случаях мы также привлекали туркменско-английский словарь (*Allen F., Touch-Werner (Tachmouradova) J. Turkmen-English Dictionary. Kensington, Maryland: Dunwoody Press, 1999*). После туркменских цитат дан примерный перевод на русский язык без учета грамматических нюансов.

³⁵⁷ Следует отметить, что Веселков, в отличие от Арсения Тарковского, о котором речь пойдет ниже, мог работать с туркменским текстом без подстрочника. Их совместная с Тачназаровым деятельность требует дополнительного исследования и не исчерпывается приводимым здесь примером. Само наличие внелитературных факторов, повлиявших на создание переводов, вовсе не отменяет сугубо художественную их составляющую, связанную с дискуссиями о языке, формализме, буквализме и т. д. Перевод приведенного здесь стихотворения критиковался еще в 1930-е гг. Об этом будет сказано в главе 4.

³⁵⁸ Перевод, по-видимому, был выполнен ранее, так как Шенгели работал с текстами Махтумкули еще в начале 1940-х гг. (см.: *Молодяков В. Георгий Шенгели. Биография: 1894–1956. М.: Водолей, 2017. С. 447–452*). Кроме того, под его «дирижерством», как выразился сам Шенгели, был организован проект по созданию словаря Махтумкули (см.: Там же. С. 447).

³⁵⁹ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 263.

Коль нет богатства у джигита,
Безвестен он в родном краю³⁶⁰ (Шенгели).

Goç ýigidiň ady çukmaz,
Döwleti-maly bolmasa³⁶¹.
(Имя удальца забыто,
Если у него нет богатства.)

У Шенгели, впрочем, появляется «джигит», которому в оригинале соответствует *goç ýigidiň* — букв. «добрый молодец, удалец» в падежной форме. Само слово *ýigit* в русской и советской традиции не переводится, однако сам факт его появление у Шенгели и отсутствия у Тачназарова и Веселкова может сигнализировать об отношении к ориентальным мотивам в поэзии. Вторая строфа у Шенгели ближе к оригиналу — речь идет о «мечте, подобной копью»:

Бесплоден дух, коль не взметнется
Мечта, подобная копью³⁶².

Tutaşmaz synanyň ody,
Başda hyýaly bolmasa³⁶³.
(Не загорится огонь в сердце,
Если нет мечты в голове.)

³⁶⁰ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 103.

³⁶¹ *Magtymguly. Eserler ýygyndysy. Aşgabat: MGI, 2012. S. 245.* Цитаты из оригинального текста даются после русских цитат с подстрочным переводом.

³⁶² Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 104.

³⁶³ *Magtymguly. Eserler ýygyndysy. Aşgabat: MGI, 2012. S. 245.*

У Тачназарова и Веселкова это упоминание попросту опущено, нам месте этих строк читаем:

Кто не был верен до конца,
Тот не достигнет ничего³⁶⁴.

В целом Шенгели старается передать философские категории — мечта, бытие — характерные для поэзии Махтумкули, а переводчики 1930-х гг. их избегают.

Ср.:

Тому в могиле хорошо,
С кем не случилось ничего!³⁶⁵ (Ташназаров и Веселков).

Но жизнь в безделье хуже пытки,
Должна быть воля к бытию³⁶⁶ (Шенгели).

Надо сказать, что похожих строк в доступном нам оригинале мы не находим, возможно, переводчики использовали другой вариант текста.

Также новый перевод тяготеет к большей афористичности, Шенгели пытается отразить отсылки к мусульманской культуре. Веселков и Тачназаров пытаются их нивелировать или вовсе убрать. Это приводит к еще одному

³⁶⁴ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 263.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 104.

показательному явлению. С одной стороны, Тачназаров и Веселков несколько искажают смысл, что мы видели выше. С другой стороны, Шенгели привносит в текст метафорическую образность, которой в нем не было. Ср.:

Коль сына нет у молодца,
Умрет — не вспомнят как отца³⁶⁷ (Тачназаров и Веселков).

Нет сыновей — твой род прервется, —
И канет имя в глубь колодца³⁶⁸ (Шенгели).

Bolmasa ýigdiň zürýady,
Ölende tutulmaz ady...³⁶⁹
(Если у удальца нет детей,
Когда он умрет, его имя канет.)

В оригинале отсутствует метафора с колодцем, однако есть упоминание имени, которого нет у Тачназарова и Веселкова. В связи с переводами Шенгели необходимо также учитывать сугубо литературные аспекты. Установка на точность перевода, которой он последовательно придерживался, определенно сыграла роль при создании варианта, помещенного в антологию. Показателен, впрочем, сам факт публикации в подборке именно этого текста как, вероятно, одного из лучших, созданных туркменским поэтом.

При наличии переводов одного и того же автора, в частности Тарковского, также возникают расхождения, которые не обязательно вызваны

³⁶⁷ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 263.

³⁶⁸ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 103.

³⁶⁹ *Magtymguly. Eserler ýygyndysy. Aşgabat: MGI, 2012. S. 245.*

попыткой уточнить подстрочник. Это касается стихотворения, которое в альманахе «Туркмения» выходит под названием «Газель Кеминэ», а в антологии 1949 г. называется «Бедняк».

Можно выделить несколько показательных строк. Ср.:

Скажешь баю: дай мне плату, — вспухнет кумом у дверей³⁷⁰ (1936).

Пуще кума заимодавец дуться будет: «Плати скорей»³⁷¹ (1949).

«Ber hakym!» diýr gyssasa, çişer otyr humdan beter³⁷².

(«Отдавай долг!» — торопит, надуваясь пуще хума.)

В первом случае бедняк просит у бая плату, во втором — обязан заплатить заимодавцу. В обеих ситуациях он максимально незащищен, однако в первой бай предстает эксплуататором, что более характерно для дискурса 1930-х гг., чем для конца 1940-х гг. Интересно употребление слово *hum*, в обоих случаях оно переведено как «кум» со сноской «песок», тогда как в действительности, скорее всего, обозначает крупный пузатый сосуд. Ср. далее:

Блудник подл и подл воришка...³⁷³ (1936)

Гадок вор, низка потаскуха...³⁷⁴ (1949)

³⁷⁰ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 290.

³⁷¹ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 106.

³⁷² *Мәмметвели Кемине*. Гүлениң галар: Сайланан эсерлер. Ашгабат: «Алтын гушак» туркмен филиалының Ашгабат бөлүми, 1991. С. 4.

³⁷³ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 290.

³⁷⁴ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 106.

Ogry şum, oggramsy şum...³⁷⁵

(Вор дурен, развратник дурен.)

Слово *oggramsy* имеет достаточно широкое значение, однако действительно может переводиться как «распутный». Тарковский в 1949 г. заменяет м. р. «блудник» на ж. р. «потаскуха». Таким образом, в переводе появляется использование сниженной лексики и грубая отсылка к сексу, однако в итоге, как кажется, вариант 1930-х гг. к оригиналу ближе, в частности, за счет повтора. Ср. далее:

Дочку у него отнимут — да останется чилим.

— Кемине я, с голодухи все внутри огонь и дым³⁷⁶ (1936).

Дочку нищего — хочет всякий, и она пойдет по рукам.

Кеминэ голодает, люди! В жилах дым с огнем пополам³⁷⁷ (1949).

Göze görnen gyzy bolsa, hantamadyr her ýeten,

Nem garyplykdan Keminäň içleri otly tütün³⁷⁸.

(Видят дочь — каждый надеется ее заполучить,

У бедного Кемине внутри дымится табак.)

³⁷⁵ *Мамметвели Кемине*. Гүлениң галар: Сайланан эсерлер. Ашгабат: «Алтын гушак» түркмен филиалының Ашгабат бөлүми, 1991. С. 4.

³⁷⁶ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 290.

³⁷⁷ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 106.

³⁷⁸ *Мамметвели Кемине*. Гүлениң галар: Сайланан эсерлер. Ашгабат: «Алтын гушак» түркмен филиалының Ашгабат бөлүми, 1991. С. 4.

Как и в случае с употреблением слова «потаскуха», здесь возникает сниженный, грубый смысл, причем Тарковский его привносит, комбинируя оригинал и переводческую вольность. В оригинале речь действительно идет о том, что дочку будет «желать всякий». В варианте 1936 г. сниженный смысл пропадает, о том, что сделают с дочерью, сказано обтекаемо. Одновременно рассыпается идиоматическое значение: бедняк в оригинале выжигает себе грудь табаком, упоминание которого в варианте 1936 г. перенесено в следующую строку: «Табакom чадить от горя у него заведено»³⁷⁹.

Ср. далее:

Поживиться ищут баи, нищий голодом томим³⁸⁰ (1936).

Баям только богатство мило, край отцовский мил беднякам³⁸¹ (1949).

Baýlar-a bähbidin arar, pukara — hurbulwatan...³⁸²

(Баи любят богатство, бедняк — свою родину.)

В переводе 1936 г. полностью отсутствует упоминание родины или отечества, которое было в оригинале (и восстановлено в варианте 1949 г.). Это может быть вызвано антинационалистическим дискурсом 1930-х гг., когда в Центральной Азии разворачивалась борьба с так называемыми «местным

³⁷⁹ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР М.: Советский писатель, 1936. С. 290.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 106.

³⁸² *Мәмметвели Кемине*. Гүлениң галар: Сайланан эсерлер. Ашгабат: «Алтын гушак» түркмен филиалының Ашгабат бөлүми, 1991. С. 4.

национализмом и пантюркизмом» (эти обозначения активно используются на Первом съезде, когда речь заходит о литературах Центральной Азии)³⁸³.

Таким образом, в 1930-е гг. было важно откеститься от ориентализма в поэзии, и это нашло отражение в переводах из старой туркменской литературы. Этот ориентализм, однако, отчасти возвращается в 1949 г., наравне с религиозными и философскими мотивами, при этом появляются и сниженные смыслы.

Что касается работы с туркменскими современниками, то некоторые тексты сохранились в оригинальном наборе с указаниями на реальную переводческую работу.

Напомним, в 1934 г. в альманахе «Айдинг-Гюнлер» выходит стихотворение Ата Ниязова «На колхозном поле» (*Kolhoz meýdanýnda*). В материалах Туркменской комиссия Союза советских писателей о поэте говорится следующее: «Чл. ВКПб Проза стихи драма 1926 Пьеса для Кр. Армии и ряд рассказов в сборнике, поэма Туркмен. газ.»³⁸⁴ 1926 — очевидно, год, когда Ниязов начал писать. Кроме того, он служил редактором в «Туркменгизе».

Оригинал стихотворения сохранился в РГАЛИ в составе машинописи, предназначенной для публикации в «туркменском сборнике», который мы упоминали ранее, и датирован 1932 г. Стихотворение было опубликовано и в антологии 1949 г.

В оригинале стихотворение содержит 34 строфы, в альманахе их 19, в антологии 1949 г. — 7. В обоих случаях переводчицей значится М.С.

³⁸³ См.: *Таш-Назаров О.* Доклад О. Таш-Назарова о литературе Туркменской ССР // Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 136–140.

³⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз писателей СССР). Оп. 6. Ед. хр. 28. Л. 9. Цитаты из машинописи приведены в современной туркменской графике, однако орфография источника сохранена, чтобы избежать неточностей в передаче.

Петровых. Она переводит относительно близко к оригиналу, однако за счет несовпадения строфики вынуждена менять структуру предложений. Так, ср.:

Я выбежал из комнаты моей³⁸⁵ (1934).

Бегу стремглав из комнаты своей³⁸⁶ (1949).

В оригинале на этом месте, по сути, одно слово — *çykdy* — выбежал³⁸⁷.

В сравнении с переводом 1949 г. можно выявить ряд характерных переводческих стратегий, связанных с актуальной политической ситуацией. В 1934 г. стихотворение вышло под оригинальным названием — «На колхозном поле», однако в антологии 1949 г. оно получает заголовок «Как роза — мир». Сравнение мира с розой и в целом метафорическое упоминание «красного цветка» (*gyzyl gül*) действительно встречается в стихотворении³⁸⁸, однако не составляет его основную тему. Фактически в 1949 г. заголовок оказывается смещен в сторону большей ориентальности, тема «боев за урожай», необходимая в 1930-е гг., сглажена. Кроме того, ср.:

Дыханье трав несет ко мне с полей³⁸⁹ (1934).

Дыханье трав несет с родных полей³⁹⁰ (1949).

³⁸⁵ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 162.

³⁸⁶ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 423.

³⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 1.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 162.

³⁹⁰ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 423

...her tarapdan qъзыl gyl işi (?) geljêr³⁹¹.

(...отовсюду доносится запах красных цветов.)

Вне зависимости от того, какой текст получила Петровых в качестве подстрочника (her tarapdan можно при желании трактовать не как «отовсюду», а как «со всей страны»), в 1930-е гг. упоминание родных полей следовало опустить, чтобы, как и в случае с переводом Тарковского, нивелировать то, что может быть истолковано как «местный национализм». В 1949 г. же упоминание родины уже не связывается с национализмом и смотрится органично на фоне сталинской послевоенной политики.

Следующие три строфы, переведенные для альманаха 1934 г., опущены в переводе 1949 г., однако они показательны для ситуации 1930-х гг. Так, упоминание «юного мира» (эпитет в оригинале отсутствует) актуализирует тему молодой советской страны. В 1949 г. дискурс социалистического строительства уже становится не так важен. Ср. далее:

Как девушка, на праздник наряжась
В одежды свежие, стоит скромна —
Наряжена земля на урожай,
И как торжественно проста она!³⁹² (1936)

Как девушка, на праздник наряжась
В одежды новые, стоит скромна,
Так, с зимними невзгодами простясь,

³⁹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 1.

³⁹² Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 162.

Земля сияет, радости полна³⁹³ (1949).

Первая строка (Bir kemsiz beçerlen bezegli qyz dek³⁹⁴ — Как безупречно наряженная девушка) переведена близко к оригиналу. Глагол bejeremek может переводиться как «украшать», однако он также означает «вспахивать», «возделывать»; полисемия, привносящая дополнительный оттенок смысла, таким образом, полностью пропадает в переводе. Фразу Silkinip geginjer gözüm önünde // Bu qara jer көр dujoň berdi maňa³⁹⁵ переводчица игнорирует полностью (Ата Ниязов пишет о том, как волнует вид дрожащей перед его взором черной вспаханной земли). Здесь, очевидно, нет никакого подтекста. Можно было бы говорить о нивелировании легкой эротической метафоры, но она сохраняется и отчасти усиливается в другой строфе:

Разорваны покровы и земля

Лежит нагой — ровная, чиста, мягка³⁹⁶.

Ср. далее:

Идет в атаку труд... Так соловей

На розу шлет обилие рулад³⁹⁷ (1934).

Вдруг взвилась песня, — точно соловей

Любимой шлет поток своих рулад³⁹⁸ (1949).

³⁹³ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 423.

³⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 3.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 162.

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 423.

Перевод 1934 г. точнее, в тексте Ата Ниязова действительно упоминается атака (hüjüm)³⁹⁹. Здесь переводчица и поэт совпадают в интенции передать военную метафорику труда, характерную для идеологического дискурса 1930-х гг. Благодаря этому военная метафорика актуализуется и в следующих строках (речь идет о тракторе):

Он наступает, движется вперед⁴⁰⁰.

В 1949 г. ее уже нет, что, как и в случае с атакой, вызвано переменой в отношении к классовой борьбе. Ср.:

Он безудержно движется вперед⁴⁰¹.

В оригинале при этом речь идет о том, что трактор «грозит» (hajbat atjasъ — ты грозишь)⁴⁰², что можно трактовать и как военную метафору. Тем не менее, переводчица ее проясняет, отчетливее вписывая стихотворение в общий дискурс 1930-х гг.

Финальная строфа варианта 1949 г. почти полностью совпадает с переводом 1934 г.:

За теплый хлопок и душистый хлеб

Свершаются победные бои.

А осенью колхозники придут

³⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 3.

⁴⁰⁰ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 162.

⁴⁰¹ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 423.

⁴⁰² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 5088. Л. 5.

Зерном и хлопком взять труды свои⁴⁰³.

За теплый хлопок и душистый хлеб

Гремят в полях победные бои,

Чтоб осенью колхозники могли

Зерном и пряжей взять труды свои⁴⁰⁴.

Однако в 1934 г. за этой строфой следуют еще две, которые, по сути, и передают основной пафос стихотворения. Речь идет о движении к социализму и «торжеству над классовым врагом»⁴⁰⁵. Сочетание «классовый враг» (*synpu duşman*) на тот момент уже введено в туркменский. По сути, оно должно было стать идеологической доминантой стихотворения, что и происходит в переводе 1934 г. Петровых даже переносит в предпоследнюю строфу слово «социализм», которое упоминалось единожды в середине стихотворения (враг / классовый враг упоминается в двух соседних строфах трижды).

Таким образом, в 1930-е гг. переводчики туркменской старой литературы вынуждены крайне осторожно обращаться с восточной романтикой. Этим может объясняться стратегия Веселкова и Ташназарова, которые игнорируют «восточные мудрости» Махтумкули. Тарковский в 1930-е гг. действует смелее, чем местные переводчики, однако также в определенной мере нивелирует восточную окраску. Что касается поэзии 1930-х гг., перевод из Ата Ниязова оказывается в целом близок к оригинальному тексту. В сравнении с антологией 1949 г. можно выявить, что упомянутые тенденции были характерны именно для 1930-х гг. Вместе с изменением

⁴⁰³ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 162.

⁴⁰⁴ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 423.

⁴⁰⁵ Антология туркменской поэзии. М.: ГИХЛ, 1949. С. 162.

сталинской национальной политики, меняется и отношение к туркменской поэзии. С одной стороны, переводчики туркменской классики получают большую свободу и больше внимания могут уделять сугубо ориентальным мотивам. С другой — в туркменской поэзии 1930-х гг. переводчики уходят дальше от содержания: революционная романтика нивелируется, так как она нивелируется и в политическом дискурсе. На первый план выходят ориентальные мотивы, которые в переводах 1930-х гг. могли трактоваться как увлечение «экзотикой» (тем не менее, как мы покажем ниже, о полном их вытеснении речи идти не может, — переводчик должен лавировать между обращением к национальной культуре и ориентализмом).

В альманахе «Туркмения» (1936) был также напечатан перевод поэмы Амандурды Аламышева «Сона». О самом авторе известно немного: он родился в 1904 г. в ауле Геокча, работал учителем, редактором и переводчиком, погиб в 1943 г. на фронте. «В конце двадцатых годов его направляют учителем и пропагандистом в Кара-Кумы, к скотоводам»⁴⁰⁶.

Поэма «Сона» (1928; первый вариант название — «Söndi», погасла) существовала в двух вариантах, первым из которых мы на данный момент не располагаем. Второй известен в переводах Тарковского (только отрывки) 1936 г. и В. Ф. Рыбина 1976 г. Есть также опера Амана Агаджикова на слова Алты Карлиева (отрывки из оперы с параллельным текстом на туркменском и русском языках изданы в 1968 г.).

Отрывки в альманахе, неясно, по недосмотру или сознательно, опубликованы под русифицированным названием «Сонди». Дело в том, что еще у туркменского текста поэмы была сложная судьба, финал был кардинально переработан автором под влиянием партийной критики: «Сонди»

⁴⁰⁶ *Реджепов С.* Жизнь и творчество поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Б. изд., 1960.

как будто бы не соответствовала идеологической линии 1930-х гг. Так, Ораз Тачназаров в докладе на всетуркменском съезде советских писателей говорил примерно следующее (приводим по пересказу доклада в газете «Туркменская искра» от 18 мая 1934 г.): «Возьмем поэму Аламышева “Сонди”⁴⁰⁷. Эта поэма о раскрепощении женщины дает неправильную установку. Город оказывается бессильным перед влиянием байства аула, которое использует свою власть для поддержания родового права. И вот девушку, которая хочет выйти на свободу, классовый враг, примазавшийся в советский аппарат, убивает. Поэма заканчивается слезами как единственной формой протеста против классовых врагов: “сгорело мое сердце — сгорело, потухла моя свеча — потухла”⁴⁰⁸.

Таким образом, «Сонди» была достаточно пессимистична и заканчивалась смертью героини. Сюжет поэмы «Сона» следующий: учительница Сона мучится под гнетом баев, ее сговорили замуж за мальчика, который должен еще подрасти, но она влюблена в юного и прекрасного Анна; в итоге Сона и Анна пытаются бежать, но коварный Италмаз обвиняет Анна в том, что тот Сону похитил. Пока райком разбирается, что произошло, Италмаз и его жена пытаются Сону повесить, но шум слышит работник мельницы. В финале Сона спасена, добро торжествует, Италмаз наказан и арестован комиссарами. Видимо, в изначальном варианте повешение Соны увенчивалось успехом. Таким образом, для ситуации 1930-х гг. оказывается неприемлем трагизм, даже окрашенный обличительным пафосом, — маловероятно, что в конце Италмаз торжествует, — поэма отправляется на доработку и вновь появляется под заглавием «Сона».

⁴⁰⁷ В газете название поэмы искажено.

⁴⁰⁸ *Таш-Назаров О.* Задачи советской туркменской литературы // Туркменская искра. 18 мая 1934.

В книге⁴⁰⁹ С. Реджеп(б)ова об Аламышеве 1961 г. можно найти упоминание различий между «Соной» и «Сонди». В частности, Сона длиннее, больше внимания в ней уделяется роли комсомола и образования в жизни героев, пейзажу и портретам. Также убраны все, даже идиоматические, упоминания Аллаха («образы влюбленных окрашены религиозностью»), «значительно усилена роль народа» и т. п.⁴¹⁰

В переводе Тарковского есть восемь отрывков: вступительный о том, как «мучится в своем доме прекрасная Сона», письмо Анна, передача письма, ответ Соны, передача ответа, получение ответа, объяснение и прощание. Говоря о разнице переводов Тарковского и Рыбина, следует помнить, что нам не известно, как поэма была переработана самим автором (поздний подстрочник, который был направлен в издательство «Советский писатель» после смерти Аламышева, как оказалось, отослали обратно в Туркменистан). Между тем в промежутке между переводами случилась попытка издать «Сону» на русском языке в упомянутом «Советском писателе». Однако рецензия оказалась неудовлетворительной: «Если верить пояснительным словам автора, то Сона идеальная девушка в ущелье, умеющая идти по правильной дороге новой жизни, понимающая, кто такие враги и умеющая бороться против них.

<...>

А Сона очень пассивная, она не борется за достижение своей цели. Если бы не добрые люди, которые оказали помощь ей, она бы жила с той горькой судьбой, которую предписал ей аллах»⁴¹¹.

⁴⁰⁹ Книга написана на туркменском, поэтому фамилия автора звучит по-разному в русской и туркменской огласовке на титульных страницах.

⁴¹⁰ *Реджепов С.* Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1961. С. 63–64.

⁴¹¹ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 20. Ед. хр. 2415. Л. 1–2.

Вывод рецензента Аджана Таганова таков: «...может быть поэма “Сона” в тридцатые годы сыграла какую-то роль для воспитания молодежи против адата-шариата. Однако, я не советовал бы перевести эту поэму на русский язык и предложить на суд всесоюзного читателя»⁴¹².

В 1976 г. поэма действительно была опубликована в издательстве «Туркменистан».

Здесь принципиально отметить разницу между ситуациями с антологией, которую мы привлекали для анализа выше, и с полным текстом «Соны». Антология создавалась для «всесоюзного читателя» (и отрывки из «Соны» в переводе Тарковского туда также вошли). Однако перевод полного текста поэмы представляет собой скорее локальный феномен. Конечно, читателю он был доступен, однако не мог претендовать на тот статус, которым обладала антология, вышедшая в ГИХЛе в 1949 г.

Для антологии 1949 г. использовался перевод Тарковского с незначительными изменениями и в сокращении. Так, были заменены строки «И только немного груди ее / Не достают до глаз» и «И рвут рубаху ее сосцы, / Как острие ножа»⁴¹³. Также в строке «Анна сорвал [с ее лица. — А. Б.] платок» в антологии стоит более мягкое «снимает»⁴¹⁴. Перевод Рыбина, судя по всему, полный. У нас нет данных, учитывал ли Рыбин перевод Тарковского в своей работе. Мы не будем здесь описывать различия, которые имеют чисто эстетический характер, сосредоточимся только на тех, что могут указывать на общие тенденции.

⁴¹² РГАЛИ. Ф. 1234 (Издательство «Советский писатель»). Оп. 20. Ед. хр. 2415. Л. 3.

⁴¹³ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 128.

⁴¹⁴ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 127.

Первый параллельный фрагмент у Тарковского и у Рыбина — письмо возлюбленного героини. У Тарковского он обращается к ней «Милая моя...»⁴¹⁵, тогда как Рыбин воспроизводит «Салам...»⁴¹⁶. Впрочем, на этом использование «восточного колорита» у Рыбина в поэме ограничивается, как мы покажем ниже (за исключением слов «джигит» и «джан»).

Далее у Тарковского следует воспевание всех достоинств героини, что в целом характерно для восточной любовной поэзии, у Рыбина же подчеркивается социальное неравенство между героями. Ср.

Есть все достоинства в тебе,
Не только красота одна;
Когда бы я ученым был,
Я б восхвалил тебя, Сона⁴¹⁷ (Тарковский).

Ты образована, Сона,
ты не чета другим.
Я малограмотен пока —
могу ли стать твоим?⁴¹⁸ (Рыбин).

Затем Рыбин подчеркивает, то оба героя вступили в комсомол совсем недавно, то есть советская власть еще не до конца установлена. В переводе Тарковского этот фрагмент, по-видимому, сокращен:

⁴¹⁵ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 123.

⁴¹⁶ *Аламышев А.* Сона. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 12. На туркменском языке поэма доступна нам в издании: *Аламышев А.* Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1962. В нескольких случаях там используется слово «Салам».

⁴¹⁷ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 124.

⁴¹⁸ *Аламышев А.* Сона. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 13.

Я комсомолец, и узнал,
Что комсомолка ты, Сона...⁴¹⁹

Следующий фрагмент, обозначенный у Тарковского как третий, начинается с прямой речи, у Рыбина же повествование ведется от третьего лица. Ср.:

— Иди, Эне, письмо передай,
От встречных получше спрячь.
И встала Эне, и взяла письмо,
Завязала его в гынгач⁴²⁰ (Тарковский).

Листок он вчетверо свернул,
старушке дал наказ:
посланье чтоб передала
без посторонних глаз.
Старушка чаю принесла:
— Попей пока, сынок...

Надела старенький платок
и вышла за порог⁴²¹ (Рыбин).

⁴¹⁹ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 124.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ *Аламышев А.* Сона. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 13.

У Тарковского слово «Эне» по неясной причине выступает как имя собственное, хотя на самом деле означает «бабушка» или «матушка». Также он оставляет непереуведенным слово «гынгач» (платок, который носит замужняя женщина). Рыбин же полностью русифицирует текст⁴²². Характерно также, что у Рыбина старушка обращается к влюбленным «мой свет», то есть вновь привносится русская литературная или фольклорная традиция.

У Рыбина передана реакция Соны на письмо как на неожиданное, у Тарковского старушка сразу сообщает, от кого оно. Также у последнего героиня в целом выглядит спокойной, тогда как у Рыбина волнуется и боится. Ср.:

Радость и нежность борются в ней
И ранят сердце ее...
Тогда по бумаге скользнуло пера
Упругое острие⁴²³ (Тарковский).

Сжимает сердце жуткий страх,
дрожит ее рука.
Бежит неровно по листку
начальная строка⁴²⁴ (Рыбин).

Перевод письма героини в переводе Рыбина обрывается в том месте, где Сола говорит, что не может высказать свои чувства. Сола здесь боится сильнее, она просит не посылать писем, тогда как в варианте Тарковского

⁴²² Хотя один раз Сола обращается к старушке «эне-джан».

⁴²³ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 125.

⁴²⁴ Аламышев А. Сола. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 14.

разрешает писать, но осторожно. В переводе Рыбина полностью опущены эмоции Соны, ее рассказ о женихе и Италмазе, а также нивелирован мотив раскрепощения женщины — нет упоминания о героической смерти от байской пули. См. у Тарковского:

Но байской не буду женою,
Хотя бы я пулей шальнойю
Была сражена.

Сона⁴²⁵.

Таким образом, перевод Рыбина лишен страсти и патетики, при этом вводятся русифицированные пословицы:

...ведь говорят, что и у стен
глаза и уши есть.
Еще в народе говорят:
“Нет дыма без огня”.
В письме я не могу сказать,
что в сердце у меня...»⁴²⁶

Тарковский более, чем Рыбин, уделяет внимание пейзажным элементам. См., например:

Анна, терпенье потеряв,

⁴²⁵ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 125.

⁴²⁶ Аламышев А. Сона. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 16.

Глядит из-под руки
В безлюдную скупую даль,
На желтые пески.

Уже прохлада залила
Прозрачный небосклон,
И на дороге наконец
Эне увидел он⁴²⁷.

Рыбин же скупо перечисляет события и воспроизводит прямую речь героев. Тарковский в целом активнее использует метафорический ряд, см., например:

И дума черная в него
Направила кинжал⁴²⁸.

В седьмой части прослеживаются наиболее характерные различия. Описаны одинаковые эмоции Соны, однако переданы они по-разному. Тарковский подчеркивает, что Сона читает книгу, и в целом, как выразился рецензент 1969 г., «прогрессивная девушка», тогда как у Рыбина совсем нет упоминания о том, чем занимается дома Сона, — фактически она сидит и ждет возлюбленного. С другой стороны, в варианте Рыбина все же есть традиционное упоминание приглашения на чай, которое встречается практически в каждом тексте туркменских альманахов.

⁴²⁷ Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. М.: Советский писатель, 1936. С. 126.

⁴²⁸ Там же.

При этом Тарковский обращается к восточной стилизации, так, у него есть традиционное упоминание розы как аллегии любви. В оригинале стояло «*gyzyl gül*» — красный цветок, что позволило Рыбину упомянуть «два пламенных цветка»⁴²⁹, однако, учитывая широкую многозначность тюркских корней, перевод Тарковского выглядит точнее.

Далее Тарковский описывает эмоционально весьма насыщенную сцену, у Рыбина же идет сжатое повествование. При этом у Тарковского в переводе присутствует больше скрытого эротизма: Анна срывает платок с лица Соны, подробно описана лишь упомянутая у Рыбина грудь Соны и т. п.

Кроме того, само срывание платка, как представляется, несет мощную идеологическую функцию: тема раскрепощения женщины в туркменских альманахах стабильно ассоциируется с платком, которым прикрывают лицо (хотя, как мы отмечали в первом параграфе настоящей главы, кочевницы платка на лице не носили).

Итак, если говорить о разнице в переводе этих конкретных отрывков, можно выявить три тенденции. Во-первых, Рыбин почти полностью игнорирует традиции восточной поэзии, тогда как Тарковский так или иначе пытается включить их в текст. Тарковский делает то, что требовала от переводчика критика этого периода: изучить туркменскую поэтическую культуру и включить ее в собственный текст, не увлекаясь чрезмерно экзотикой. Так поэма в целом получилась более «туркменской»: пейзаж, портреты героев, завязывание письма в платок как способ не потерять, платок на лице и т. п. У Рыбина все эти аспекты нивелируются и остается, по сути, русифицированный текст поэмы. Таким образом, текст в 1976 г. практически освобождается от специфически региональных моментов.

⁴²⁹ *Аламышев А.* Со́на. Ашхабад: Туркменистан, 1976. С. 17.

Второй аспект — собственно восточная образность, насыщенная эротизмом. Помимо упомянутого выше, Тарковский уделяет относительно большой отрывок описанию тела Соны целиком. Причем в антологии 1949 г. это описание также отсутствует.

И третья принципиальная составляющая — эмансипация женщины. В целом, если говорить об идеологической подоплеке «Соны», то это поэма о любви, которая становится «верной» за счет раскрепощения женщины Востока. Даже в любовных отрывках у Тарковского Сона более-менее активна, у Рыбина она пассивней (что полностью противоречит пожеланиям автора внутренней рецензии), эмоционально не отделена от Анна. Показательно, например, желание быть сраженной байскою пулей, выглядящее едва ли не отсылкой к гражданской войне, которое у Рыбина совершенно отсутствует, в оригинале. Вероятно, переводчика мало волнует основная идеологическая составляющая поэмы.

Точно так же беспомощна Сона в переводе М. Лапирова для оперы. Песня Анна и ариозо Соны содержательно близки к письмам из поэмы, при этом ариозо Соны практически полностью состоит из фраз наподобие «Кто меня спасет?», «Сил бороться против зла у Соны несчастной нет»⁴³⁰, она поет: «Советский строй — защитник мой»⁴³¹. Таким образом, еще в 1960-е гг., когда была написана опера, нивелировался изначальный пафос поэмы и ее идеологические предпосылки. На передний план выходит рефрен «нам поможет наша власть», то есть герои сами за себя уже не отвечают.

Тексты, которые появлялись вокруг поэмы «Сона», заслуживают отдельного внимания. Это вышеупомянутые рецензии и книга Реджепова, а также его диссертация о жизни и творчестве Аламышева. Как кажется,

⁴³⁰ Агаджиков А. Отрывки из оперы «Сона». М.: Советский композитор, 1967. С. 11–12.

⁴³¹ Там же. С. 36.

подобные тексты нужно рассматривать в связи с самим проектом национальных советских литератур, так как такого рода исследования часто содержали оценочные суждения и, помимо прочего, могли поспособствовать закреплению того или иного произведения в литературном каноне (или же, напротив, быть показателем того, что текст был канонизирован). Текст диссертации полностью противоречит тому, что мы видели во внутренней рецензии «Советского писателя». Если исходить из формулировок Реджепова, центральная тема поэмы — классовые противоречия, поэма — народная, героиня — прекрасная передовая девушка, и это едва ли не первое туркменского произведения в русле соцреализма (хотя понятны как раз претензии критика: герои хотят не столько вести классовую борьбу, сколько жить долго и счастливо). Более того, Реджепов считает героиню более последовательной и цельной натурой, чем Анна (видимо, потому что Анна предается грустным мыслям в тюрьме). Не видит ничего ошибочного Реджепов и в поэме «Сонди», хотя, разумеется, считает переработанный текст лучшим вариантом⁴³².

Реджепов фактически выступает адвокатом поэмы «Сона» и, по сути, закрепляет ее в туркменском литературном каноне, в таком статусе она будет упоминаться в энциклопедических статьях об Алмышеве. Характерно, однако, что в энциклопедиях поэма все равно фигурирует как история «из жизни сельской интеллигенции»⁴³³, а не как «о раскрепощении женщины».

Сложно сказать, насколько стратегии советских переводчиков относительно туркменской поэзии можно экстраполировать на национальные литературы в целом. Однако выделенные тенденции достаточно отчетливо

⁴³² См. автореферат диссертации: *Реджепов С.* Жизнь и творчество поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Б. изд., 1960. С. 9–14. См. также: *Он же.* Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1961.

⁴³³ Большая советская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 380.

соотносятся с изменениями в социально-политической ситуации. Нельзя сказать, что в 1930-е гг. переводчики полностью отказываются от ориентальных мотивов. Напротив, как видно из перевода поэмы «Сона», до определенной степени они сохраняются, и это проясняется в сравнении с переводом 1976 г., текст которого практически полностью доместикализован. Можно осторожно предположить, что здесь сказывается политика русификации, однако для подтверждения этой гипотезы требуется больше материала, кроме того, ориентальные мотивы в антологии 1949 г. проявляются в большей степени, чем в альманахах 1930-х гг. Показательна, однако, тенденция к нивелированию идеологического дискурса 1930-х гг. в обоих случаях. Место классовой борьбы занимает мирный труд, а в теме эмансипации женщины акценты оказываются расставлены несколько иначе, и история о «прогрессивной девушке» превращается в мелодраму. Это последнее изменение, впрочем, наравне с характерной доместикализацией, заставляет говорить не о флуктуации идеологических аспектов эпохи, а о более широкой проблеме переводческих практик в СССР, так как принимаемые решения и стоящая за ними личность переводчика не могут полностью нивелироваться идеологическим дискурсом. Личные амбиции и интересы вовсе не вытесняются им. Так, для Петровых и Тарковского переводы могли быть одновременно и способом заработка, и способом реализации в литературном поле. Шенгели мог в большей степени руководствоваться собственными переводческими принципами, нежели идеологической составляющей, так как последовательно реализовывал установку на точность перевода⁴³⁴. Для Веселкова туркменские тексты

⁴³⁴ На это указывают многие исследователи его деятельности. См.: *Азов А. Поверженные буквалисты*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013; *Молодяков В. Георгий Шенгели. Биография: 1894–1956*. М.: Водолей, 2017.

представляли научный и творческий интерес. Тачназарова, до того как он был репрессирован, можно было назвать одним из идеологов советской туркменской литературы (показательно, что именно он выступал на Первом съезде советских писателей). Соответственно, он мог реализовывать как идеологические, так и сугубо художественные устойчивые элементы, так же, как и Рыбин, который долгое время жил в Ашхабаде и создал значительное количество собственных произведений на «восточную» тему (при этом именно он выбирает для перевода стратегию доместикализации).

Выводы к главе 2:

1. В альманахах примерно соблюдается баланс между туркменскими и русскоязычными текстами, причем в альманахах 1936 г. из туркменской литературы наконец включен один прозаический, чего от нее и требовалось.

2. Тексты русскоязычных писателей в соотнесении с туркменскими указываются на повторяющиеся устойчивые элементы, которые циркулируют в обеих группах. И хотя привычно было бы говорить вслед за идеологами советской литературы, что туркменские писатели «выучиваются» у русских, нельзя с уверенностью говорить, что не было обратного процесса. Мы никак не можем подтвердить или опровергнуть, что повесть «Гюзель» ориентирована на «Эне — девочка из аула», а не наоборот (тем более, что первая была напечатана еще в 1935 г. в журнале *Şura edebijaty*). То же касается и возможных гипотез относительно соотнесения этой повести с «Такыром» Платонова.

3. От туркменских авторов требуется соответствие тематике формирующегося советского канона. Альманах «Туркмения» показательным образом открывает стихотворение «Родина» обо всей советской стране, остальные тексты посвящены орошению, Ленину, гражданской войне, судьбе женщины, вероломству проникнувших в колхоз классовых врагов, Красной

армии и пролетариату. Отдельно стоит любовная тема, которую можно трактовать как дань туркменской литературной традиции, помещенной в новые обстоятельства. Альманах «Айдинг-Гюндер» выглядит менее продуманным по содержанию, при этом включает туркменские стихотворения, ориентированные на фольклор, тогда как в «Туркмении» фольклору отводится отдельный раздел.

4. Шесть туркменских текстов представлены в отрывках. По всей видимости, это сделано из-за формата альманахов, но выбраны фрагменты из произведений, больших по объему, а не отдельные стихотворения. Как представляется, это было мотивировано тем, чтобы продемонстрировать, что туркменский писатель способен порождать «монументальные» произведения.

5. Что касается русскоязычных текстов, они, очевидно, заполняют тематические лакуны и демонстрируют, что советская литература рождается через совместную работу разных народов. За счет русскоязычных текстов заполняется прозаическая часть альманаха. Вероятнее всего, туркменской прозы, которую посчитали возможным включить в альманах, было недостаточно, а для советского альманаха принципиальна установка на жанровое и формальное разнообразие.

6. Встречаются в альманахах два текста, которые можно рассматривать как проявление горизонтальных связей между литературами СССР.

7. Наконец, альманахи формируют у читателя представление о «лучших образцах туркменской литературы». Одновременно с этим помещением текста туда закрепляет статус туркменского писателя как советского.

8. Анализ переводческой практики демонстрирует, что в 1930-е гг. воспроизводились характерные модели, от которых могли отказаться позднее. Вместе с тем видна неустоявшаяся стратегия перевода: так, относительно больше в работе с туркменской поэзией прошлого позволяет себе Тарковский,

тогда как местные переводчики иногда ведут себя слишком осторожно. В целом, включение в альманах «Туркмения» поэзии XVIII–XIX вв. говорит о ее закреплении как «классики». Что касается поэзии 1930-х гг., разумеется, наш материал слишком скуден, однако оба рассмотренных примера (и «Пережитое», и «На колхозном поле») указывают, что переводы осуществлялись достаточно аккуратно. Учитывая наличие машинописи с правкой на туркменском языке, здесь было бы неуместно говорить о мистификации и «обратном» переводе, когда изначально русский текст мог быть выдан за туркменский (в особенности это касается стихотворения Дурды Клыча, корректуры в котором значительно больше, чем в других случаях; по-видимому, здесь сказались диалектные особенности).

9. Фольклорные тексты подверстываются под нужды советской идеологии, однако они не переписываются, а, фактически, получают новое содержание, удобное для сохранения «верной» трактовки дореволюционных событий.

Глава 3. Оформление альманаха «Айдинг-Гюнлер» как основного итога туркменского проекта

Помимо собственно литературных особенностей альманахов, обращает на себя внимание то, каким образом происходила репрезентация Туркменистана в иллюстративном материале, особенно в тех случаях, когда он был непосредственно связан с текстами. В настоящей главе речь пойдет об оформлении альманаха «Айдинг-Гюнлер» как центрального в туркменско-русском проекте. Выпущенные к юбилею республики, он производит впечатление наиболее дорогого и праздничного издания.

3.1 Рувим Мазель — оформитель альманаха «Айдинг-Гюнлер»⁴³⁵

Альманах «Айдинг-Гюнлер», как мы уже отмечали, соответствует статусу юбилейного издания. Касается это в том числе графического оформления текстов заставками и концовками. Как представляется, их связь с содержанием альманаха может прояснить аспекты репрезентации туркменской литературы и литературы о Туркменистане⁴³⁶.

Альманах оформлен работами нескольких художников, в книге фигурируют фамилии Горбовец, Копалкин, Храповский, но большая часть графики выполнена художником Рувимом Мазелем (фигурирующим в библиографическом описании как И. Мазель — он работал под псевдонимом

⁴³⁵ При подготовке данного параграфа были использованы материалы статьи: Бурцева А. О. Книжная графика в альманахе «Айдинг-Гюнлер»: издательская стратегия и литературный контекст // Эйхенбаумовский сборник. М.: Издательство «Литературный музей», 2020. С. 76–86.

⁴³⁶ Об альманахе как иллюстрированном типе издания см.: Балашова Ю. Б. Альманах как иллюстрированный тип издания // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 4. С. 20–28. О советской книжной графике см.: Герчук Ю. В. Советская книжная графика. М.: Знание, 1986.

Илья). Рассуждая об оформлении туркменских альманахов следует прояснить связь художника с регионом.

После Первой мировой войны Мазель оказался в Ашхабаде, где и увлекся туркменской темой. Вместе с художниками А. Владычуком и М. Либаковым он организует первую туркменскую художественную студию (1920), позже переименованную в Ударную школу искусств Востока (УШИВ), однако в 1925 г. уезжает обратно в Москву⁴³⁷. До 1930 г. Мазель занимается почти исключительно графикой, в том числе книжной, создает собственные тексто-графические альбомы, посвященные Туркменистану⁴³⁸. Таким образом, он становится лучшим кандидатом на оформление юбилейного альманаха.

Республика не испытывала недостатка в графиках, в том числе учениках самого Мазеля из распушенной к тому времени УШИВ. Возможно, это связано с тем, что проще было работать с человеком, знающим Туркменистан и при этом находящимся в Москве.

Если посмотреть на немногочисленные работы остальных графиков в альманахе, можно типичную сюжетную графику 1930-х гг., характерную для детской книги и оформления классиков⁴³⁹. Графическим элементом текст предваряется и заканчивается (в последнем случае рисунком закрывается недостающий объем полосы, чтобы избежать зияния). Работы Мазеля сильно отличаются от остальных и полностью соответствуют тому, как его описывают и современники, и специалисты по изобразительному искусству последних десятилетий. Так, в статье Ю. Широкова 1991 г. манера Мазеля описывается следующим образом: «...изображения лишь сопровождают

⁴³⁷ *Апчинская Н. В.* Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. М.: Параллели, 2004. С. 10–13.

⁴³⁸ *Широков Ю. В.* Графика И. Мазеля // Государственный музей искусств народов Востока. Научные сообщения. 1991. Вып. 20. С. 65.

⁴³⁹ *Герчук Ю. В.* Советская книжная графика. М.: Знание, 1986. С. 43–65.

текст, дополняя и конкретизируя его. Они достаточно изолированы друг от друга <...> Миниатюрные сцены-заставки. <...> В четкий, стройный квадрат вписана фигура джигита на скакуне; в удлиненный прямоугольник — сцена угощения пловом, а вертикальная прямоугольная форма дает возможность наблюдать сценку гуляния туркменских ребятишек возле юрты»⁴⁴⁰. Ср. описание в книге Е. Н. Журавлевой и В. Н. Чепелева 1934 г. «Искусство советской Туркмении»: «...выискивает абстрактно-схематическую фигуру человека в ковре, берет ее как основу и, нередко сохраняя ее графический абрис, уже дает свое построение <...>

<...> экспрессионист, но экспрессионист очень своеобразный.

Показ внутренней изломанности дает чисто композиционными приемами, не интересуясь выражением человеческого лица. Психология образов дается посредством острой экспрессии движения фигур, ритмической повторности жестов, неестественного излома тел»⁴⁴¹.

Эти наблюдения дают ответ на вопрос, почему графика в альманахе не сюжетна. Она выполнена в стиле 1920-х, а не 1930-х гг., в стиле раннего Мазеля. И Широков, и Апчинская указывают, что в начале 1930-х гг. Мазель от книжной графики отходит⁴⁴², между тем в 1934 г. он оформляет целый альманах.

Некоторые из работ Мазеля были созданы до «Айдинг-Гюнлер». Так, например, рисунок «Певец» перепечатан со старой графики Мазеля из альбома «Вокруг ковра туркмен» 1920–1925 гг.⁴⁴³ Отметим, что рисунок не вполне

⁴⁴⁰ Широков Ю. В. Графика И. Мазеля // Государственный музей искусств народов Востока. Научные сообщения. 1991. Вып. 20. С. 68–69. Примерно похожее описание можно встретить и в более современной работе Н. В. Апчинской.

⁴⁴¹ Журавлева Е. В., Чепелев В. Н. Искусство советской Туркмении. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1934. С. 56–78. Эти особенности манеры Мазеля оцениваются в книге негативно.

⁴⁴² Широков Ю. В. Графика И. Мазеля // Государственный музей искусств народов Востока. Научные сообщения. 1991. Вып. 20. С. 69.

⁴⁴³ Апчинская Н. В. Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. М.: Параллели, 2004. С. 31.

вписывается в общую тенденцию альманаха. Это бытовая зарисовка с прямой перспективой, некоторым подобием сюжета и персонажей.

В ходе создания альманаха, разумеется, обсуждалось его оформление. Вероятнее всего, нужно было соблюсти баланс между демонстрацией национальной культуры и экзотикой (один из обсуждавшихся вопросов касался обложки альманаха с ковровым узором и описан в диссертации К. Холт⁴⁴⁴). Однако в протоколах заседаний, доступных нам телеграммах и переписке нет никаких указаний относительно визуального будущего альманаха. Нет их и в материалах Г. А. Санникова. Создается впечатление, что привлечение Мазеля, означавшее разработку ковровой эстетики, было делом решенным, что отчасти противоречило установке на отказ от экзотики. Еще в процитированной выше книге Журавлевой Мазеля критикуют за излишнее увлечение ковром, за этнографический подход, за увлечение пережитками и наконец за формализм. Это соотносится и с риторикой литературных дискуссий. Так, «Туркменской искре» выходит программная статья И. Н. Бороздина, где он ругает книги за «ориентальный романтизм», излишнее увлечение пережитками прошлого и за колониализм⁴⁴⁵. В заметке, которую мы уже упоминали в главе 1 («Первая ударная») также говорится: «Приезжающие к нам иногда московские гости ищут подчас в Средней Азии “восточную экзотику”, преклоняются перед “мудростью седого Востока”, воспевают “старые дедовские обычаи” и всю ту рухлядь прошлого, которую республики Советского Востока выбросили в мусорную яму истории»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁴ Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 119.

⁴⁴⁵ Бороздин И. Социалистическое строительство Туркмении в советской художественной литературе // Туркменская искра. 1934. 6 апреля.

⁴⁴⁶ Горячий, товарищеский привет мастерам слова, приехавшим изучать Советский Восток // Туркменская искра. 1930. 31 марта.

Таким образом, выбор графики для альманаха противоречит заявлениям в прессе.

В альманахе 10 изображений работы Мазеля — концовки и заставки. Выше мы уже отмечали, что рисунок «Певец» взят из альбома «Вокруг ковра туркмен». Если считать, что другие работы новые, остается заключить, что специально для «Айдинг-Гюнлер» художник возвращается к манере прошлых лет. Если же это перепечатанные изображения, то встает вопрос о том, на каких условиях художник мог согласиться предоставить их для «Айдинг-Гюнлер».

Для ответа на эти вопросы у нас пока недостаточно информации. Однако, во всяком случае, для каждого из изображений можно проследить связь с текстом, рядом с которым они помещены, и, как представляется, эта связь выявляется достаточно прочно.

Первая работа Мазеля, с которой встречается читатель — концовка⁴⁴⁷. Ею завершается глава из поэмы Ораза Тачназарова «Байрам Али». Приведем еще раз фрагмент, процитированный в главе 2:

Скажи мне мама, почему Недир,
Как следует не мог ответить беку?
Откуда знать такому человеку?
Все, что он знал, так это —стада след,
Вот почему и был такой ответ⁴⁴⁸ [1, с. 46].

Здесь перед читателем типичный угловато-коверный рисунок Мазеля, тяготеющий к орнаменту (повторение элемента, отсутствие сюжета) и лишь

⁴⁴⁷ См. список иллюстраций и графики из «Айдинг-Гюнлер» в главе 2.

⁴⁴⁸ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 46.

косвенно вписывающийся в сюжет текста. На картинке стадо и пустыня, но это не бараны, а верблюды.

Более интересна заставка к циклу Г. А. Санникова «Пески и розы». Она полностью соответствует началу стихотворения «В пустыне»:

В пустыне законы жестоки,
И когда не под силу кладь
И отказываются у верблюда ноги.
Отказываются шагать...⁴⁴⁹

На заставке схематично изображены верблюды, заваливающиеся вперед.

Следующая заставка — к повести Г. Максимова «Песнь Амана» — изображает фигуры трудящихся людей, и напоминает работу из альбома «Вокруг ковра туркмен»⁴⁵⁰. Это не бытовая зарисовка, в заставке отсутствует перспектива, фигуры выполнены в гротескной манере. В центре картинка видна виноградная лоза, а справа — человек, возделывающий землю. Здесь можно видеть отсылку к части 5 главы 4 повести, где речь идет о вырубке виноградника, которую пытается предотвратить протагонист: «Понимаешь... хорошие, хорошие виноградники... Лучше — иди куда хочешь — не найдешь! Восемь лет я проработал. Ты знаешь, как это долго? А теперь виноградников нет. Мурад их рубит...»⁴⁵¹ В работе, однако, нет собственно главной темы повести: как мы помним, главный герой Аман работает на железной дороге. Очевидно, что картинка поддерживает тему старого коврового искусства,

⁴⁴⁹ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 61.

⁴⁵⁰ *Апчинская Н. В.* Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. М.: Параллели, 2004. С. 38.

⁴⁵¹ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 83.

избранную для оформления обложки. В альбоме «Вокруг ковра туркмен» можно встретить похожее изображение⁴⁵², но для альманаха оно, видимо, доработано. Совпадают по абрису три фигуры персонажей, но сверху добавлена четвертая, а также изменено начертание фигуры верблюда.

Пьеса для чтения «Конская кровь» В. Козина также открывается заставкой. Изображен человек на коне в парадных одеждах, что вполне укладывается в содержание повести: речь идет о празднике, где люди соревнуются во владении искусством всадника. Работа также выполнена в «старой технике»: перспектива отсутствует, фигура всадника схематична и вписана в квадрат.

Стихотворение Амана Кекилова «Отец и дочь» оформлено концовкой, где изображена продажа овцы на рынке. Это уже сюжетная зарисовка, связанная с текстом, возможно, метафорически: отец отказывается продавать дочь в гарем:

Не встанешь на торгу ты перед всеми,
Не будешь в мрачном горевать гареме...⁴⁵³

По стилю заставка, как и концовка «Певец», напоминает бытовые сценки из альбома «Вокруг ковра туркмен». Возможно, она была переработана для альманаха, как и заставка к повести «Песнь Амана», однако точного соответствия мы пока не обнаружили.

Следующие две концовки изображают бахши и имеют с текстом опосредованную связь: и в цикле Г. А. Шенгели «Туркмения», и в стихотворении Берды Сутанниязова «Она победила» упоминается песня. В

⁴⁵² *Апчинская Н. В.* Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. М.: Параллели, 2004. С. 38.

⁴⁵³ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 122.

случае с циклом Шенгели сама концовка выбивается из общего оформления альманаха — это упомянутая выше бытовая зарисовка «Певец». Ее использование объясняется, по-видимому, тем, что в современной альманаху критике она считалась очень удачной (в отличие от ранних работ Мазеля, в стиле которых выполнена большая часть оформления)⁴⁵⁴.

Наконец, «материалы к рассказу» К. А. Большакова «Керки» открываются не вполне характерной для альманаха заставкой. Содержание ее достаточно нетривиально для туркменской темы: изображены два воюющих племени, центральный элемент композиции — слон. Именно эта заставка выглядит разработанной специально для альманаха. Слон и воюющие племена мало соотносятся с туркменской темой (особенно учитывая вышеупомянутое отношение к «экзотике» в литературе о Туркмении). Однако, как уже было сказано в главе 2, в самом тексте «материалов» упоминается некое «<п>лемя, почти забытое историей и само позабывшее свою историю», живущее на недоступном острове на реке Пяндже⁴⁵⁵. Герою-рассказчику сама эта ситуация напоминает сюжеты из Р. Киплинга, что и позволяет интерпретировать изображение как сделанное специально для альманаха.

Таким образом, по крайней мере заставки в альманахе «Айдинг-Гюнлер» были если и не созданы для него специально, то во всяком случае переработаны для включения в печатное издание. Вероятно, переработкой занимался сам Мазель, но никаких подтверждений на этот счет у нас пока нет. Тем не менее, показательно, что для оформления альманаха были выбраны именно изображения 1920-х гг. или новые в том же стиле.

Если рассматривать туркменские альманахи как серию книг, то «Туркменистан весной», очевидно, выбивается: он оформлен очень бедно и

⁴⁵⁴ Журавлева Е. В., Чепелев В. Н. Искусство советской Туркмении. М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1934. С. 85.

⁴⁵⁵ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 135.

напечатан на бумаге плохого качества. Что касается «Туркмении», этот альманах оформлен только иллюстрациями, без графики, и в целом уступает «Айдинг-Гюнлер» по качеству (здесь также использованы работы Мазеля, это перепечатанные старые рисунки). Однако именно второй альманах заслужил положительный отзыв относительно оформления⁴⁵⁶ в критических отзывах, о которых пойдет речь в главе 4.

3.2 Иллюстрации как способ репрезентации советского Туркменистана в альманахе «Айдинг-Гюнлер»⁴⁵⁷

В главе 2 мы уже перечисляли изображения, использованные в «Айдинг-Гюнлер». Помимо четырех парадных портретов первых лиц партии в Туркменистана, а также Горького и Сталина (последние изображены вместе на шмуцтитуле), в книге есть восемь иллюстраций на две трети, половину, треть или четверть полосы (в последнем случае ими оформлены спуски) и одиннадцать занимающих отдельную полосу. На фотографиях, акварелях и монохромных работах изображены в основном бытовые сцены, пейзажи и сцены, связанные с установлением советской власти). Помимо этого, как было показано в предыдущем параграфе, альманах изобилует книжной графикой, виньетками и орнаментами. Мы остановимся на трех иллюстрациях из представленных. Это репрезентация быта, женский портрет и изображение ковра.

В первом случае мы имеем дело с типичной ориентальной картинкой — это «Быт» Бяшима Нурали. Здесь собраны все реалии, ассоциирующиеся

⁴⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 36.

⁴⁵⁷ При подготовке данного параграфа были использованы материалы статьи: *Бурцева А. О.* Репрезентация быта и культуры как редакционная задача альманаха к 10-летию Туркменистана «Айдинг-Гюнлер» // Эйхенбаумовский сборник. М.: Издательство «Литературный музей», 2020. С. 65–75.

с бытом Центральной Азии у читателя: чай, ковер, халат, большая семья. У художника, как пишет советская «Популярная художественная энциклопедия», «[в] ранних произведениях созерцательность, торжественная статичность персонажей, близкий гамме туркменского ковра колорит направлены на создание идеализированных прекрасных народных образов»⁴⁵⁸. Видимо, подобное впечатление пытались донести и до читателя «Айдинг-Гюнлер». Здесь видна, с одной стороны, установка на «национальное по форме», с другой же, апелляция к русскоязычному читателю, которому может быть интересен туркменский быт. Характерно, что в этой ситуации из оригинального диптиха о старом и новом быте был выбран именно «старый быт», то есть, по существу, экзотика. Такой выбор не вполне очевиден, так как, если обратиться к достаточно мрачному содержанию тех эпизодов из альманаха, где описан тот самый старый быт («Такыре» А. П. Платонова или «Конская кровь» В. Козина). Также не вполне понятно, почему иллюстрация выведена в монохромную печать. Судя по соседствующему с ней портрету («Этюд» Н. Г. Котовой), техническая возможность хотя бы отчасти передать цвета у редколлегии была, однако ею не воспользовались, хотя, как представляется, работа с цветом была важна для туркменской живописи.

Портрет женщины («Туркменка, фото») — возможного прототипа одной из героинь повести П. Г. Скосырева «Оазис» — как представляется, несет в том числе пропагандистскую функцию. Туркменка позирует, отвлекшись от работы (видимо, она занимается сбором хлопка; на это изменение в жизни туркменской семьи специально обращает внимание Скосырев: основная сюжетная коллизия в одном из эпизодов повести «Оазис» заключается в том, как сочетать привычный семейный уклад с новым положением женщины).

⁴⁵⁸ Популярная художественная энциклопедия. Кн. 2. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 68.

При этом женщина одета в национальный костюм (фотография черно-белая, так что сложно оценить степень постановочности). Значимая деталь — висящий на плече платок — яшмак. У Скосырева яшмаком прикрывают рот в присутствии мужчины («Она говорила так, и яшмак висел у нее на плече, и она забывала, что, разговаривая с мужчиной, надо закрывать рот...»⁴⁵⁹). Здесь, как и в основной коллизии эпизода в повести «Оазис», виден символический переход женщины в новый статус: она уже сняла яшмак, потому что работать в поле с закрытым лицом неудобно (и позирует фотографу, вероятно, мужчине). Однако она еще не до такой степени свободна, чтобы отбросить яшмак совсем.

Наконец, изображение ковра («Пендинское энси, фото») демонстрирует одну из основных ассоциаций с культурой Туркменистана, кроме того, Туркменистан рассматривали как будущий центр коврового производства.

Таким образом, видно, что в оформлении альманаха редакция пытается соблюсти баланс в репрезентации Туркменистана между «национальной формой» и «социалистическим содержанием». С одной стороны, следует предоставить типично туркменские картинки и кадры, с другой — нужно быть осторожным, чтобы не быть обвиненным в экзотизации и колониализме.

Выводы к главе 3:

1. Оформление альманаха «Айдинг-Гюнлер» представляло собой особую задачу. Как видно из краткого отчета, приведенного в главе 1, привлечение художников было отдельной статьей расходов.

⁴⁵⁹ Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934. С. 31. В главе 2 мы указывали на то, что кочевницы лица не прикрывали, однако в быту яшмак мог использоваться и таким образом.

2. Ведущий из оформителей — Рувим Мазель — имел репутацию человека, хорошо знакомого с Туркменистаном, таким образом, вновь была реализована попытка «понять Туркмению».

3. Характер иллюстраций тесно связан с текстом произведений, даже в тех случаях, когда это не графика к конкретному тексту.

4. Как представляется, помимо очевидного желания украсить юбилейный альманах, за разнообразием графики и иллюстраций скрывается и установка на то, чтобы они смотрелись органично и рядом с туркменскими текстами. Таким образом вновь подчеркивалась связь между культурами разных народов СССР.

5. Иллюстративный материал представляет собой сложную составляющую туркменско-русского проекта, так как его характер может быть истолкован как «экзотический», а «экзотика» в литературе о Востоке, как отмечалось в главе 1, была осуждаема. Тем не менее никаких нареканий сам альманах не вызвал (в отличие от ранних работ Мазеля).

6. Туркменская литература и репрезентация Туркменистана в русскоязычных текстах формировались в том числе за счет иллюстраций и графики к ним. Это заставляет вспомнить о том, что советская культура этого периода во много тяготела к гомогенному характеру искусства (можно упомянуть, в частности, проводимые декады литератур разных республик, где находили место и перформативные искусства, и живопись, и литература). В целом работа над альманахами велась в этом же ключе.

Глава 4. Рецепция произведений из туркменских альманахов в критике⁴⁶⁰

В завершающей главе нашей работы речь пойдет о том, как тексты из альманахов были приняты в критике. Отзывов об альманахах очень мало. Нам удалось найти рецензию на «Айдинг-Гюнлер» А. И. Роскина (театральный и литературный критик, сотрудничал в ряде журналов, в том числе в «Красной Нови») и Ю.П. Севрука (литературный критик, специализировавшийся на советской поэзии, в том числе нерусскоязычной) под заголовком «Расцвет республик Советской земли» в бюллетене «Художественная литература» (1935, № 6), а также машинописи рецензий Аделины Адалис на сборник «Поэты советского Туркменистана». Рядом с этой рецензией находится текст об альманахе «Туркмения» без указания имени автора, мы допускаем, что это также могла быть Адалис⁴⁶¹.

В диссертации К. Холт, где рассматриваются альманахи «Туркменистан весной» и «Айдинг-Гюнлер», утверждается, что, если остановиться только на произведениях писателей из Москвы, принципиальное различие между двумя альманахами состоит в следующем. Если в «Туркменистане весной» писатели смотрят на республику как бы извне, то в «Айдинг-Гюнлер» их позиция изменяется. Авторы пытаются представить тексты таким образом, чтобы создалось впечатление взгляда на национальную республику глазами самого ее жителя или молчаливого наблюдателя (в частности, именно на этом приеме

⁴⁶⁰ При подготовке данной главы были использованы материалы статей: *Бурцева А. О.* Познание «изнутри» и «снаружи»: литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс. Сборник статей VIII Международная конференция молодых исследователей.* М.: Буки-Веди, 2020. С. 160–175; *Бурцева А. О.* Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод // *Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв.* М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

⁴⁶¹ Обе находятся в РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57.

построен рамочный комплекс повести Г. Максимова «Песнь Амана» из альманаха «Айдинг-Гюнлер», о чем было сказано в главе 2). Холт видит в этом сознательную писательскую траекторию в рамках литературного поля по П. Бурдье⁴⁶². Действительно, такая установка декларировалась, но насколько она была воплощена, судить сложно. Поэтому представляется интересным взглянуть, как на два альманаха, бывшие частями одного издательского проекта, реагировала критика.

Как отмечалось в главе 1, сам принцип «познать Туркмению изнутри» декларировался участниками Туркменской комиссии Союза советских писателей и писательской бригады, что достаточно точно восстанавливается по публикациям в прессе.

Рецензии на оба альманаха представляют собой оценочные суждения именно по критерию «извне, из окна поезда» и «изнутри, через призму национальной идентичности».

Рецензия Роскина сдержанная, но в целом положительная. Она написана сразу на два региональных альманаха — «Айдинг-Гюнлер» и «Узбекистан» (последний также вышел в 1934 г., редактором выступил Владимир Ермилов).

Роскин отмечает: «Альманахи охватили ряд важнейших сторон жизни Узбекистана и Туркменистана. <...> представляют собой, несомненно, значительное явление в деле освоения художественной литературой тех имеющих всемирно-историческое значение революционных процессов, которые преобразовывают лицо страны, именовавшейся ранее “Туркестаном”. Особенно следует подчеркнуть стремление большинства авторов осветить тот или иной участок социалистического строительства путем развернутого показа человека сегодняшнего Узбекистана и Туркменистана. Этим

⁴⁶² *Holt K.* The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013. P. 285.

предопределился отчасти и доминирующий в обоих альманахах жанр — новелла»⁴⁶³.

Отметим, что основная положительная характеристика здесь — изображение конкретного представителя советской республики, то есть соблюдение декларированного принципа «познать Туркмению не глазами писателя, а глазами ее уроженца». Показательно, что Роскин пишет именно об освоении «революционных процессов» художественной литературой, то есть прямо заявляет о том, что альманахи представляют собой беспрецедентное явление. При этом он упоминает о «Туркменистане весной», но лишь вскользь: «<...> три года назад был издан литературно-художественный альманах “Туркменистан весной”, составленный из сюжетных произведений»⁴⁶⁴.

Кроме того, в рецензии имплицитно противопоставлены образ региона до и после размежевания республик Средней Азии: на наш взгляд, Роскин упоминает о Туркестане именно с тем, чтобы подчеркнуть, что социалистическое строительство должно сформировать новые национальные идентичности (о формировании новой национальной идентичности мы упоминали в главе 2). Роскин подчеркивает важность не социального строительства вообще, а преобразований в отдельно взятых регионах.

Вторым достоинством альманахов Роскину представляется жанровое разнообразие, а именно, отход от очерка, то есть журналистского отстраненного взгляда. Правда, автор рецензии по неясной причине заявляет, что доминирующий жанр в альманахах — новелла. Ни один из текстов из альманаха «Айдинг-Гюнлер» такого жанрового подзаголовка не имеет. Грань между очерком и, например, «материалами к рассказу» К. Большакова «Керки» расплывчата: в обоих случаях картина передана глазами

⁴⁶³ Роскин А. Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 3.

⁴⁶⁴ Там же.

наблюдателя-чужака, а повествование носит репортажный характер. Однако, как уже было сказано в главе 2, сами составители альманаха отделяют друг от друга очерки и прочие тексты с помощью разных типов набора: первые сверстаны «по-газетному», в две колонки. Складывается впечатление, что важнее всего для критика подчеркнуть новизну подобного издательского проекта.

Наконец, Роскин пытается доказать, что в альманахах нет «налета экзотизма»: «Едва ли хоть сколько-нибудь квалифицированный советский писатель решится подавать Восток в плане наивного экзотизма. Писатель твердо знает также, что в смысле освоения материала от него требуется нечто большее, чем ознакомление со страной из пресловутого “окна вагона”. И вот писатель ставит перед собой задачу — познать страну “изнутри”. Но очень часто “познание изнутри” понимается в том смысле, что следует, отказавшись от своей собственной писательской манеры, стилизовать вещь, придать ей внешне усвоенные ориентальные элементы»⁴⁶⁵.

Здесь актуализуется одна из определяющих установок формирующегося канона советского ориентализма. Как мы уже отмечали в главе 2, необходимо было отмежеваться от дореволюционного «колониального» взгляда на республику. Поэтому в стенограммах заседаний Туркменской комиссии последовательно используется определение «колониальный» и затем следуют объяснения, как новая советская страна борется с колониальными пережитками в республиках⁴⁶⁶. Отметим также характерное название стихотворения В. А. Луговского из «Туркменистана весной» — «Гибель экзотики».

⁴⁶⁵ Там же. С. 4.

⁴⁶⁶ Приведем здесь архивные шифры, уже упомянутые ранее: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 32; РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 4; РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 4; РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2.

Упомянув об «экзотике», Роскин критикует узбекистанский альманах за чрезмерное увлечение пословицами, которые как будто позаимствованы из словаря, а не из реальной жизни. Удивительно, что при этом он хвалит повесть П. Г. Скосырева «Оазис» из альманаха «Айдинг-Гюнлер»: «Доля этой искренности, теплоты согревает и несколько неровно написанную повесть П. Скосырева “Оазис” (в альманахе “Айдинг-Гюнлер”), и придает заражающую убедительность судьбам персидского мальчика Мамеда, бежавшего в пустыню беспризорника, потом комсомольца и, наконец, политотдельца...»⁴⁶⁷

И далее: «Такие образы, как <...> Мамед у П. Скосырева — это уже не схемы по кальке, а рельефные, может быть, и не вполне доработанные <...> но живые «трехмерные» фигуры, созданные художниками, а не чертежниками или каллиграфами (sic!). Образы эти — несомненный вклад в галерею “Люди нашей страны”»⁴⁶⁸.

Парадокс здесь в том, что «Оазис» — едва ли не самая насыщенная «восточным колоритом» повесть из альманаха. Очевидно при этом, что Роскин прочел повесть невнимательно: Мамед не беспризорник и в пустыню не убегает. Отметим, что в рецензии продолжает актуализироваться образ «нового человека».

Не вполне ясно, как Роскин проводит границу между уместной этнографией и неуместным экзотизмом. Скосырев на тот момент имеет литературную репутацию человека, хорошо знающего Восток, его повестью открывается альманах, на нее обратит внимание читатель в первую очередь. Характерно, что рассказ Андрея Платонова, человека с неустойчивой

⁴⁶⁷ Роскин А. Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 4.

⁴⁶⁸ Там же.

литературной репутацией, критик называет «не вполне убедительным» (точнее, его концовку)⁴⁶⁹.

В рецензии прослеживается желание продемонстрировать «Айдинг-Гюнлер» в выгодном свете на фоне узбекистанского альманаха, которые подается как более слабый. Как раз ему достаются все упреки в экзотизме и ориентальности. Представляется, однако, что при желании «Айдинг-Гюнлер» можно было бы упрекнуть в том же. Об этом свидетельствует другая рассматриваемая нами рецензия — на альманах «Туркмения»: «Печать встретила «Айдинг Гюилер» (sic!) довольно доброжелательно, принимая во внимание его праздничное назначение, хотя по пестроте состава авторов и по качеству помещенных произведений он заслуживал более резкой критики»⁴⁷⁰.

Именно «юбилейный характер», по всей видимости, и заставляет Роскина ограничиться несколькими формальными претензиями и подать альманах как свободный от экзотизма, высветив его на фоне менее удачного и «неюбилейного издания» (конечно, годовщина образования Узбекистана совпадает с годовщиной образования Туркмении, однако издание было значительно менее «праздничным»: «Узбекистан» стоил в три раза меньше, чем «Айдинг-Гюндер» — 4 рубля (на самой книжке «Айдинг-Гюнлера» цена не указана, в рецензии указана цена в 12 рублей, что, по нашим подсчетам⁴⁷¹, чуть выше его себестоимости). «Айдинг-Гюнлер» и внешне производит впечатление дорогой книги: он напечатан в увеличенном формате на хорошей

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 29.

⁴⁷¹ Как уже отмечалось в главе 1, в планах по изданию следующего альманаха указано, что на него следует потратить ту же сумму, что и на «Айдинг-Гюнлер», а именно 66 тысяч рублей (РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 439: 17). Конечно, простое деление этого числа на объем тиража в 5500 экземпляров не позволяет получить точную себестоимость (некоторые виды работ могли не учитываться), но, во всяком случае, можно заключить, что альманах продавался по цене не выше себестоимости.

бумаге, с крупными иллюстрациями, богатым графическим оформлением (подробнее см. в главе 3).

Автор рецензии на «Туркмению» не пишет прямо, какой именно критики заслуживает альманах, однако проговаривается в общих рассуждениях о подобных сборниках: «<...> в результате их гастрольных поездок появились сборники, дающие мало представления о стране, описанию которой они предназначались. В этих сборниках, если и не рассказывалось “вздора”, то все же рассказы и очерки, помещенные в них, зачастую вызывали возмущение местных работников, настолько описание было далеко от действительности.

Вместо изучения страны изнутри, вместо подлинного знакомства с трудовой жизнью народа, с его заботами и радостями, с запросами и стремлениями, писатель бегло знакомился с внешней, необычной, вернее, экзотичной для него обстановкой <...> наделяя свои произведения на национальные темы домыслами, основанными на дореволюционных этнографических обзрениях и приукрашивая их восточной витиеватостью, претендуя таким образом, на особый стиль показа союзных республик (см. сборники узбекский, дагестанский и др.)»⁴⁷².

Отметим, что конфликт с местными властями при создании «Айдинг-Гюнлер» действительно имел место. Постпред ТССР Атабаев уже после того, как альманах был готов к изданию, потребовал снять вступительную статью и прислать новую, усматривая в той, которая планировалась к печати, политические ошибки. Туркменская комиссия, однако, ответила отказом⁴⁷³. Учитывая, что туркменских сборников на тот момент существует всего два, вполне ясно, что «Айдинг-Гюнлер» также подпадает под это описание.

⁴⁷² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 28.

⁴⁷³ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 12–13.

В рассуждениях о достоинствах альманаха «Туркмения» (а он на фоне других описан как почти идеальная работа) автор рецензии особенно хвалит того же Скосырева: «П. Скосырев хорошо знает Туркменистан и ему без навязчивости удается описать особенности быта и характера туркмен. В психическом анализе своих героев автор далек от руссификации (sic!).

Умело использует в тексте П. Скосырев туркменские песни. У него прекрасная туркменская песня несет роль образа, связующего героев и в некоторых случаях, благодаря создаваемому настроению влияющего на их поступки.

Повесть П. Скосырева — бесспорно лучшая вещь альманаха и большая удача самого автора»⁴⁷⁴.

Не вполне ясно, что подразумевает автор рецензии под «руссификацией» в «психическом анализе», однако здесь также выделяется, что Скосырева хвалят за то, за что ругают других: использование фольклорных элементов. То же самое делал и Роскин: если пословицы у других авторов — неуместная экзотика, то у Скосырева это «теплота речи». На наш взгляд, помимо собственно качества текста, о котором судить сложно, здесь играет роль литературная репутация Скосырева: на этом имени удобно построить рассуждение о писателе, который на самом деле знает Туркменистан.

Так же, как и Роскин, автор рецензии на «Туркмению», упоминая о жанровом составе альманаха, настаивает на том, что роман и рассказ лучше очерка, потому что очерк — это все то же поверхностное познание из окна вагона. Это общее место, которое встречается, в частности в программной статье профессора И. Н. Бороздина⁴⁷⁵.

⁴⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Ед. хр. 57. Л. 34.

⁴⁷⁵ Бороздин И. Н. Художественная литература Советской Туркмении // Туркменская искра. 1934. 8 июля.

Наконец, в обеих рецензиях отдельное внимание уделяется поэзии. Севрук ограничивается высокой оценкой стихотворений писателей из Москвы. Рецензия на «Айдинг-Гюнлер» сохраняет хвалебный тон, однако Севрук отмечает, что «образцы творчества туркменских и узбекских поэтов, собранных в “Айдинг-Гюнлер”, относительно немногочисленны и не могут, конечно, дать связного представления о современной поэзии туркменского народа»⁴⁷⁶. Фигурирующие здесь «узбекские авторы» — очевидная путаница, возникшая в редакции. Севрук такую осторожную характеристику объясняет «несовершенством переводов». Это несовершенство, однако, не мешает ему хвалить туркменских авторов за народность, живость, простоту и естественность. Севрук упоминает, в частности, стихотворения «Отец и дочь» Амана Кекилова и «Пережитое» Дурды Клычева. Однако именно эти стихотворения написаны с сохранением структуры газели. Здесь, по-видимому, сказывается желание нащупать баланс между ориентальностью и усвоением местных литературных форм. Литература должна оставаться «национальной по форме», а значит, туркменские писатели могут позволить себе увлечение «восточной витиеватостью» в отличие от их московских коллег. Значимым также нам кажется упоминание народности, подспудно противопоставленной экзотике у авторов — гостей республики. Здесь также сказывается установка на «национализацию» литературы: конечная цель создания подобных альманахов — сформировать национальный литературный канон, обучить местных пролетарских писателей, но и сохранить репрезентативность местной литературы.

В связи с поэтическим корпусом текстов из альманахов следует также обратиться к рецензии Аделины Адалис на сборник «Поэты советского

⁴⁷⁶ Роскин А. Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 6.

Туркменистана», так как в нем были представлены несколько стихотворений из «Айдинг-Гюнлер»

В рецензии говорится прямо: «Скажем больше: “Поэты Туркменистана” — единственный национальный сборник, где переводы не халтурны. Те переводчики, которые забрасывают рынок нескоро испеченной халтурой, — Тарковский, Штейнберг, Корчагин, даже Эзра Левонтин — в туркменском сборнике дают добросовестные и честные переводы /Хотя, разумеется, такие сроки, как «и звезды удивились в изумлении» /Корчагин — недопустимы. Но, к счастью, подобных строк здесь мало.

Переводы В. Меркурьевой, М. Петровых, Штейнберга просто хороши⁴⁷⁷.

Однако стихотворения в переводе Марии Петровых («На колхозном поле» Ата Ниязова) и Эзры Левонтина («Пережитое» Дурды Клычева) перепечатаны в альманахе «Айдинг-Гюнлер» без каких-либо изменений и подвергаются описанной выше критике. В случае с «Туркменией», в противоположность к альманаху «Айдинг-Гюнлер» и «Поэтам советского Туркменистана», критик возводит недостатки перевода к оригиналу.

Рецензия Адалис на «Поэтов советского Туркменистана» находится среди документов Туркменской комиссии 1935 г., рецензия на «Туркмению» тоже, но раньше 1936 г., когда вышел альманах, она написана быть не может. Едва ли за пару лет качество туркменской поэзии так изменилось. Видимо, сохраняется представление о ней как о слабой и лозунговой (последняя характеристика есть и у Севрука), а восторженная рецензия Адалис выглядит программным заявлением, которое должно дежурно опровергнуть эту точку зрения и подкрепить «национализацию» туркменской литературы. Смещение

⁴⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Ед. хр. 57: 19

фокуса критики в сторону качества переводов, а не оригиналов, на наш взгляд, демонстрирует именно эту тенденцию.

Отметим, что сам ответственный редактор «Айдинг-Гюнлер» Г. А. Санников считал переводы неудачными: «Ряд значительных вещей не вышло (sic!) из-за низк<ого> кач<ества> перевода и даже те, включенные, далеко не удовл<етворительной> редакции»⁴⁷⁸. Однако это утверждение не предназначалось для всеобщего обозрения и находится в личных записях на вырванном из блокнота или тетради листе. Так или иначе, критика должна была искать оправдания стихотворениям, качество которых казалось низким, находя их то в недостаточной пока выучке самих авторов, то в несовершенстве переводов.

Таким образом, оценка «экзотизма» (у Адалис он также упоминается как недостаток, хотя технически довольно сложно упрекнуть туркменского автора в чужеродном взгляде на собственную культуру) в рецензиях чисто техническая, как и оценка качества стихотворений. Сами рецензенты весьма смутно понимают, что это такое, и одни и те же явления оценивают то как положительные, то как отрицательные. Понятие «взгляда изнутри», а не «из окна поезда» соотносится в первую очередь с репутационно значимыми именами. В случае с авторами из Туркменистана критика также занимает произвольную позицию: одно и то же то получает высокую оценку, то осторожную, «учитывая юбилейный характер издания». Представляется, что экзотизм в данном случае становится внешней формулой, через которую удобно оценивать проекты национальных комиссий. Через эту формулу советская ориентальная литература, вероятно, должна быть противопоставлена дореволюционной и западной. Приведем здесь снова

⁴⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 7.

фразу, которой Роскин завершает свою рецензию: «Писатели капиталистического Запада и некоторые из них довели до высокого совершенства жанры колониального романа, колониальной новеллы, колониальной баллады. Искусной лжи Киплинга <...> советские писатели должны противопоставить полную жизни и красок картину роста и расцвета прекрасных окраин нашей страны»⁴⁷⁹.

Но на вопрос, как же писатели должны технически противопоставить эту картину роста и расцвета западной литературе, рецензенты не отвечают.

В РГАЛИ нами также был обнаружен отзыв на газетную публикацию стихотворения Махтумкули в переводе Г. В. Веселкова и Ораза Тачназарова. Этот текст без изменений был напечатан в альманахе «Туркмения», поэтому мы считаем нужным обратиться к реакции на него. Кроме того, эта рецензия представляет собой оценку изнутри республики: ее автор — поэт и литературный критик Рухи Алиев. Рецензия написана на туркменском языке, выдержки приводим в нашем переводе.

Рецензию Р. Алиев направил в Союз писателей, но, по-видимому, ее не приняли к сведению, стихотворения перепечатаны в альманахе без каких-либо изменений. Автор рецензии критиковал перевод за отхождение от языка Махтумкули до полной неузнаваемости. Сам критик, который не был носителем туркменского (в сопроводительном письме Алиев указал, что был носителем «тюркского» языка, что соответствует наименованию в прессе тех лет узбекского), утверждал, что печатался в газете «Зехмет», однако считал необходимым написать рецензию именно на туркменском (это, видимо, отчасти и послужило причиной того, что она не была принята к сведению

⁴⁷⁹ Роскин А. Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 6.

Туркменской комиссией в Москве)⁴⁸⁰24. В жалобе в Туркменскую комиссию на то, что его не печатают, Рухи Алиев утверждал, что ему плохо даются стихи на туркменском и часто он вынужден прибегать к услугам переводчика или редактора, своего коллеги — Караджа Бурунова. Представляется, что этот случай показателен для языковой ситуации в Центральной Азии после размежевания.

Несмотря на все сложности, Алиев взялся за рецензию. Впрочем, ему должны были быть вполне понятны общетюркские корни, а под скудными познаниями в туркменском языке может иметься в виду прежде всего грамматика.

В рецензии Алиев начинает с дежурного заявления о национальной по форме и социалистической по содержанию литературе, а далее утверждает, что личная религиозность автора не означает, что нужно искажать его творчество⁴⁸¹. Алиев разбирает оба перевода, которые были позднее напечатаны в альманахе — стихотворения «Горы» и «Кто не имеет ничего». Первое он обозначает как религиозно-фаталистичное стихотворение, второе — как патриархально-дидактическое. Переводчиков он обвиняет в том, что, стремясь сделать как лучше, они полностью исказили текст, убрав религиозную составляющую и лишили стихотворение его эсхатологического характера (в частности, исчезло имя пророка Нуха, искажены строки, прямо говорящие о конце света и т. п.).

Алиев сравнивает оригинал и туркменский подстрочник того, что написали Тачназаров и Веселков. Тем самым Алиев пытается показать, что от

⁴⁸⁰ Рецензия хранится в фонде Туркменской комиссии, куда, по всей видимости, была отправлена на рассмотрение вместе с письмом Алиева, который жалуется, что его новые стихи, написанные на туркменском языке, не печатают (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 28–38; текст рецензии: Л. 40–44).

⁴⁸¹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 40.

оригинала ничего не осталось: «Махмуткули пишет о мироустройстве, о религиозном откровении. Он однозначно изображает творца мира, то есть бога»⁴⁸². В переводе эти составляющие исчезли, и Алиев приходит к выводу, что авторы испортили стихотворение из лучших побуждений⁴⁸³. Автор рецензии не считает нужным скрывать религиозность человека, жившего в XVIII в., считая, что лучше сохранить в тексте архаичные черты, чем исказить его звучание.

Мотивация переводчиков понятна и объясняется социально-политической ситуацией, однако за осторожность они получили обвинение в неуважении к классике.

Во втором случае, по мнению Алиева, переводчики просто не владели материалом как культурно-историческим, так и языковым. Они не понимали, что написано в тексте, и в итоге получилась бессмыслица. Переводчики стремились сделать как лучше, но продукт их деятельности, по словам Алиева, ужасен.

В стихотворении «Кто не имеет ничего» фраза «Не знающий никакого ремесла свой зад не прикроет»⁴⁸⁴ превратилась в «Безрукий не прикроет зад»⁴⁸⁵, по мнению Алиева, совершенно исказив смысл текста, так как не была учтена фразеология Махтумкули. В другом случае, где речь идет о том, что у человека должна быть мечта, переводчики попросту не поняли текст: вместо «Не загорится огонь в груди без мечты/идеи/желания» получилось «Кто не был верен до конца, тот не достигнет ничего»⁴⁸⁶. По мнению Алиева, здесь совершенно исчез мотив надежды, который присутствует в оригинале.

⁴⁸² Там же. Л. 41.

⁴⁸³ Там же. Л. 44.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 43.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Там же.

Критик выступает как переводчик-буквалист, призывая максимально следовать не только содержанию, но и форме оригинала в переводе: «Классические поэтические творения прошлых веков, подобные этим, требуют понимания идейных тонкостей, а также сохранения стиля и образности до конца, и как можно более точное повторение должно стать основной задачей»⁴⁸⁷.

Отзыв Алиева ценен для нас тем, что он демонстрирует, как представитель периферии реагирует на переводы их старой литературы. В прессе можно встретить оценки стихотворений 1930-х гг., однако рассмотренная рецензия важна тем, что она, как кажется, представляет собой более-менее непосредственную реакцию туркменского интеллектуала.

Выводы к главе 4:

1. Критики, рассматривавшие тексты из альманахов, оперировали теми же риторическими формулами, что и идеологи туркменской литературы. При разборе русскоязычных текстов им приходилось лавировать между репутацией автора и возможными причинами обвинить его в экзотизации и колониализме.

2. Туркменским текстам в критике уделялось мало внимания, и всё сводилось к вопросам перевода, так как по очевидным причинам туркменские оригиналы было недоступны из-за незнания языка.

3. Учитывая мнения самих представителей периферии, можно получить дополнительные сведения о динамике в восприятии переводов: как демонстрирует рецензия Рухи Алиева, критик может отойти от шаблона, который механически повторяет газетные лозунги.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 44.

Заключение

В настоящей диссертационной работе конструирование туркменской советской литературы было рассмотрено на материале альманахов 1930-х гг. Альманахи «Айдинг-Гюнлер» и «Туркмения» стали теми изданиями, которые служили проводником туркменской литературы из периферии в центр. Процесс, однако, был двунаправленным: речь шла не только о продвижении туркменской литературы, но и о том, как она должна выглядеть на фоне русскоязычной. Наше исследование раскрывает лишь один аспект формирования проекта, однако он представляется показательным.

В условиях тесного взаимодействия литературы центра и периферии оттеняли друг друга. Именно по этой причине, если речь заходит об альманахах, мы считаем нужным рассматривать эти книги как целостную структуру. Одновременно с этим мы приходим к выводу, что сама по себе «многонациональная советская литература» не была гомогенным явлением, и ее функционирование нельзя сводить к воплощению интересов центра.

В связи с этим мы и рассматривали проект конструирования туркменской литературы под углом ее взаимодействия с текстами, которые были напечатаны рядом. Как представляется, проект «национальной литературы» сложно отделить от проекта «литературы о национальном».

Таким образом, мы исходили из положений о том, что туркменские литераторы, становясь участниками литературного процесса, оказывались в ситуации, когда их творчество находилось не в вертикальных, а в более сложных отношениях с центром. Наличие горизонтальных связей между литературами советских республик, также указывает на то, что оптика рассмотрения подобного феномена должна быть усложнена.

Разумеется, русский язык как средство перевода оставался одним из способов взаимосвязи, однако, как представляется, в условиях Центральной Азии, где, за исключением Таджикистана, преобладали тюркские языки, можно было проследить и динамику, минуя русский перевод. На материале альманахов этого, однако, установлено не было.

Тем не менее рассмотрение альманахов как цельного явления продемонстрировало, что писатели использовали похожие устойчивые элементы и в некоторых случаях нельзя с уверенностью сказать, в каком направлении шло влияние.

Риторика обучения, разумеется, преобладавшая в официальных заявлениях, совмещалась с риторикой обращения к традиции, которая и могла помочь изобразить «национальную форму». «Социалистическое содержание» понималось, разумеется, как универсальное.

Конструирование советской туркменской литературы воспроизводило характерные постулаты, связанные с молодой советской идеологией, и все они корректировались в связи с особенностями региона. Как газетные публикации, там и архивные материалы демонстрируют, что для литературы была сформирована позиция ожидания: к ней выдвигались определенные требования, которые должны были быть реализованы. Однако на практике, если обратиться к альманахам, часто конкретные темы редколлегии была вынуждена закрывать за счет русскоязычных авторов.

Оформление альманахов, на страницах которых выходили тексты туркмен и о Туркменистане, играло роль в конструировании общего туркменского дискурса. Подобные тексты должны были восприниматься вместе с графикой и иллюстрациями, которые также, по-видимому, были призваны изображать «национальную форму».

Риторика, формировавшаяся вокруг альманашных проектов, позднее закреплялась за образом «национальной литературы» и «литературы о национальном». Терминология становилась всё более устоявшейся, и в ряде случаев сложно проследить, по какому принципу один автор причислялся к экзотизирующим, а другой — нет.

Требования к туркменской советской литературе осложнялись ее функционированием на страницах альманахов в переводе. Оценивая, по сути, не текст, а его интерпретацию, критик попадал в ситуацию, когда он не может угадать, где искать волю переводчика, а где — автора. Однако, предварительный анализ переводов показывает, что по крайней мере с содержательной точки зрения они были относительно точными.

Позднее именно те туркменские литераторы, которые печатались на страницах альманахов, составят «лицо» туркменской словесности. Некоторые из них будут репрессированы. В ряде случаев их тексты будут переиздавать в сборниках, как на русском, так и на туркменском языке. Тем не менее именно 1930-е гг. следует считать всплеском интереса к литературам периферии. Альманахи и сопутствующие им архивные материалы и пресса демонстрируют эту заинтересованность, о чем говорят и документы личного характера.

Исследование проекта конструирования туркменской советской литературы может быть продолжено в рамках обращения к большему количеству материалов на туркменском языке, а также более широкому корпусу периодики.

Приложение 1

Туркменские записные книжки А. П. Платонова. Комментарий к комментарию

Комментарий к произведениям Платонова о Центральной Азии — сложная тема, так как предполагает обращение не только к вообще советскому, но и специфически азиатскому дискурсу, истории и культуре Туркменистана. В Приложении мы попытаемся кратко осветить нюансы, связанные с поездкой Платонова в Туркменистан в составе писательской бригады, по результатам которой был опубликован альманах «Айдинг-Гюнлер». Платонов по итогам поездки предоставил в альманах рассказ «Такыр», о котором в записях⁴⁸⁸ Г. А. Санникова — руководителя бригады и ответственного редактора «Айдинг-Гюнлер» — говорится следующее: «Андрей Платонов в рассказе “Такыр” с необычайной красочностью и проникновенностью рисует недалекое прошлое Туркмении. Он описывает возвращение туркмен с аламана с персидскими пленниками. [...] В образе пленницы Заррин-Тадж он показывает тяжелую картину жизни рабыни в безотрадных условиях кочевого туркменского хозяйства»⁴⁸⁹.

Как и для многих других авторов из альманаха, Центральная Азия не была совершенно новой темой для Платонова. В 1932 г. он как мелиоратор был отправлен в командировку в Бишкек (тогда — Фрунзе) и Илийск (вероятно, имелся в виду тогдашний Новоильск, ныне — Конаев)⁴⁹⁰. Впечатления от Киргизской АССР вылились в замысел романа «Македонский офицер», который, впрочем, закончен не был. В поездке по Туркменистану

⁴⁸⁸ По-видимому, это расшифровка радиопередачи.

⁴⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 5об., 12об.

⁴⁹⁰ См. указания на это в комментарии к записным книжкам Платонова: *Корниенко Н. В.* Примечания // Платонов А. П. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 358.

Платонов, видимо, также совмещал писательскую деятельность с профессиональной (о чем характерно высказался в письме к жене: «Только три неполных дня пробыл в Ашхабаде... Я еду в Краснодарск... Все остальные писатели остались в Ашхабаде, сидят в ваннах и пьют прохладительные напитки. Я уже оторвался ото всех»⁴⁹¹).

Прежде чем обратиться к тексту «Такыра», необходимо взглянуть на очевидный источник, который проясняет как работу Платонова над текстом, так и его восприятие Туркменистана. Это записные книжки писателя. В 2006 г. Институтом мировой литературы Российской академии наук было опубликовано их второе издание (первое — 2000 г.). Книжки снабжены обширным комментарием Н. В. Корниенко, многие записи, как указано, использованы Платоновым в рассказе «Такыр».

Однако не везде комментарий оказывается полным и не везде он, как кажется, достаточно подробно проясняет туркменские реалии. По этой причине мы посчитали уместным составить своеобразный комментарий к комментарию, а также прояснить часть записей, никак не прокомментированных в издании. Многие примечания в издании записных книжек носят интерпретационный характер. Поэтому в некоторых случаях мы позволили себе вступить в полемику, обозначив, на наш взгляд, более релевантные объяснения, а также предложить интерпретацию некоторых записей, содержащих репрезентацию Туркменистана. Это Приложение, таким образом, не является реальным комментарием к записным книжкам в традиционном понимании этого слова, оно лишь намечает те аспекты, на которые можно обратить внимание при дальнейшей работе с вопросом репрезентации Центральной Азии в литературе 1930-х гг. Мы не претендуем

⁴⁹¹ Цит. по: Там же. С. 365.

на полное объяснение текста записных книжек, и мы целиком признаем фундаментальный характер работы составителя и комментатора их издания. Тем не менее мы считаем нужным уточнить некоторые детали, которые, как представляется, могут быть затем подробнее освещены, например, в примечаниях к рассказу «Такыр». Выбраны те, записи, комментарий к которым можно уточнить, и те, которые, на наш взгляд, требуют дополнительных пояснений. Текст из записной книжки традиционно выделен курсивом, ссылка на него дана в упрощенном формате (номер страницы).

1. Репрезентация туркменского быта

Колодезь в Каракумах — вот место аула, хотя бы аула и не было (с. 127). — Имеется в виду, по-видимому, кочевая жизнь туркмена. Колодец в Туркменистане был искусственным сооружением посреди такыра, существовали поверья, связанные с ними⁴⁹². Платонов может здесь подразумевать как практический смысл сооружения (вода — необходимое условие для поселения), так и его культовый статус — вода воспринимается как центр консолидации людей. Именно по этой причине колодец упоминается и в «Такыре», причем Платонов верно определяет характер его функционирования — в колодец стекает дождевая вода, и таким образом он наполняется. Прочие записи Платонова о колодцах также указывают на интерес к их механическому устройству, что, конечно, обусловлено профессиональной деятельностью писателя — мелиорацией.

Все выходы, все пути направлены, чтобы вырвать Туркмению из нищеты (с. 129). — К этой записи в издании дан исчерпывающий комментарий, однако утверждение, что «”[ц]ивилизованному”» взгляду на

⁴⁹² *Атдаев С.* Природоохранные традиции, «экологический этикет» туркмен // Туркмены. М., 2016. С. 365, 372.

пустынную Азию <...> Платонов противопоставляет одухотворенный образ пустыни», вызывает вопросы. Н. В. Корниенко в статье «Андрей Платонов: “Туркмения — страна иронии”» справедливо указывает на личный конфликт между Платоновым и П. Павленко, участником первой туркменской экспедиции⁴⁹³. Однако утверждение о полемике между Платоновым и другими писателями строится на выдержках из записных книжек, тогда как взглянув на аналогичные записи, например, Г. А. Санникова мы получим явные параллели с записями Платонова (в частности, в местах о животных и растениях). Как представляется, взгляд Платонова, разумеется, отличный по ряду параметров от взгляда других писателей, на этапе работы с «Такыром» остается, возможно, колонизаторским (как представляется, это изменится уже в повести «Джан» в связи с темой уходящего — в переносном и буквальном смысле — народа), во всяком случае — модерным. Именно такой дискурс формируется в «Такыре» — рассказе о страшном, но отжившем прошлом. Показательна в этом смысле запись Санникова: «Пустыня как она есть. Пустыня, которой не будет»⁴⁹⁴. Как представляется, отношение к уходящему прошлому здесь схожее.

Табиб — знахарь (с. 133). — Платонов неверно записывает слово *tebir*, которое, собственно, и обозначает знахаря.

Аннау: мечеть под Копет-Дагом; изразцы: цвет неба пополам с [сумрачно] сумраком глубокого колодца (с. 144). — Платонов описывает характерную особенность архитектуры средневекового Туркменистана — изразцовый декор⁴⁹⁵. Часто он выполнялся в зелено-голубых тонах. Возможно,

⁴⁹³ Корниенко Н. В. «Андрей Платонов: “Туркмения — страна иронии”» // *Нация. Личность. Литература*. Вып. 1. М.: Наследие, 1996. С. 108.

⁴⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 2.

⁴⁹⁵ См.: Мамедов М. А. *Архитектурный декор Южного Туркменистана: древние истоки и преемственность традиций* // *Туркмены*. М.: Наука, 2016. С. 426–430.

это впечатление послужило основой для эпизода в «Такыре», где Джумаль приходит к башне с голубыми изразцами и змеей (ее изображение также распространено в туркменской архитектуре и встречается на портале упомянутой мечети в Анау⁴⁹⁶).

2. Туркменский фольклор и народная культура

У барса силы на одного человека, в сердце — на сорок. У тигра [сердце] силы в сто раз больше, но сердце не больше человеческого (с. 128). — Пословица в издании не прокомментирована. Однако барс и тигр занимают особое место в туркменском эпосе⁴⁹⁷. Крупные кошачьи в туркменском могут обозначаться словом *gaplaň*. Тем интереснее, что у туркмен отсутствуют общепринятые названия каждого из видов, соответственно, поговорка может быть искажена, и противопоставляться могут не тигр и барс, а, например, тигр и лев. Тем не менее С. Демидов отмечает, что тигр, «как и барс, практически не нашел отражения в наиболее распространенных малых жанрах туркменского фольклора – пословицах, поговорках, загадках»⁴⁹⁸. Платонову, однако, удалось такую поговорку записать (в русском переводе, который, конечно, может быть искажен).

Ай-Султан — лунная царица (с. 129). — В комментарии к записным книжкам по неясной причине это имя обозначено как персидское⁴⁹⁹, тогда как «ай» — тюркский корень (действительно, впрочем, обозначающий луну). Путаница, возможно, вызвана тем, что корень «султан» также присутствует в таджикском языке. В комментарии справедливо отмечено, что Платонов

⁴⁹⁶ См.: Там же. С. 430. Ил.

⁴⁹⁷ См.: Демидов С. Н. Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. М.: Старый сад, 2020. С. 172–204.

⁴⁹⁸ Там же. С. 190.

⁴⁹⁹ Корниенко Н. В. Примечания // Платонов А. П. Записные книжки. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 366.

записывает множество туркменских имен, однако значение их никак не прокомментировано. Важен тем не менее сам факт записей. Так, Санников в своих книжках больше внимания уделяет пословицам и поговоркам, а Платонов кропотливо фиксирует имена. Таким образом, текст «Такыра» создается с опорой на реальную этнографию Туркменистана, несмотря на его полуфантастический сюжет. Комментарий Е. Роженцевой о том, что Платонов и В. Козин взяли это имя из одного источника⁵⁰⁰, представляется сомнительным (имя достаточно распространенное, встречается и в других текстах из альманаха «Айдинг-Гюнлер», например, в стихотворении А. Вштуни «Ковровщица Ай-Султан»).

Бахши девственник: буду работать, как самовар в чайхане, всегда... (с. 130). — Образ вечно работающего в чайхане самовара также возникает в «Такыре», там с ним сравнивается река. Возможно, источником могла послужить туркменская поговорка.

Желтый шелк растянется, / Жилища русских разрушатся, / Не плачь, Ашхабад, / Твое время придет (с. 130). — В комментарии к записным книжкам предположено, что текст принадлежит Платонову, однако более вероятным представляется, что это отрывок фольклорного произведения. Так, в архиве Санникова хранится автограф тюрколога А.П. Поцелуевского с песней, которая «выражает психологическое состояние басмаческих банд, потерпевших поражение в борьбе с Сов. Властью»⁵⁰¹.

И что это за [скверное] плохое горе мое: тот, кто ушел, назад не приходит (с. 131). — Как отмечено в комментарии, запись использована в «Такыре». Однако она требует и этнографического пояснения.

⁵⁰⁰ Роженева Е. Туркмения в письмах и записных книжках А. Платонова и В. Козина // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 296–297.

⁵⁰¹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 36об.

Предположительно, Платонов мог ее позаимствовать из туркменского фольклора, на что, в частности, указывает текст вышеупомянутого автографа Поцелуевского: «И что это за скверные горы тот, кто ушел, [назад] не приходит!»⁵⁰²

Обычай кайтарма: возвращение жены в дом отца до выплаты женихом калыма (с. 136). — Действительно существующий туркменский обычай. Эта запись сопряжена с советским давлением на туркменские обычаи в целом: хотя декларировалось их отмирание, они — и в частности кайтарма — продолжали существовать⁵⁰³.

Легенда о страшном госте из сыпучих песков (с. 139). — Легенда пока не установлена, однако очевидно, что дело здесь не в госте как таковом, как это отмечено в примечаниях, а в этнографическом характере записи.

Дутара — испускание духа и сердца скорбящего (с. 139). — Дутара, или дутар — основной инструмент бахши. Образ народного сказителя чрезвычайно, судя по всему, занимает Платонова. В действительности в Туркменистане существует отдельный жанр песни-причитания, который исполняется не бахши⁵⁰⁴. Однако бахши исполняют произведения самого широкого содержания, в том числе и о, например, несчастной любви. Образ бахши занимал не только Платонова, так, в «Айдинг-Гюнлер» вошел отрывок из «романа в стихах» Санникова, включающий стилизацию под «запев бахши».

3. География Туркменистана

⁵⁰² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 35.

⁵⁰³ См.: Атанова С. А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 153.

⁵⁰⁴ См.: Blackwell C. Tradition and Society in Turkmenistan: Gender, Culture and Oral Songs. New York: Routledge, 2013. P. 158–168.

Из Ирана в Туран пошел поезд (с. 131). — Как справедливо указано в комментарии, фраза использована в «Такыре». Само противопоставление Ирана и Турана актуально не только для Платонова, оно появляется и в других текстах из альманаха «Айдинг-Гюнлер», например, у П. Скосырева в повести «Оазис». В комментарии противопоставление Ирана и Турана возводится к зороастризму, однако по неясной причине ничего не говорится о туркменском восприятии этой идеи, что связано с ошибкой в причислении туркменского поэта Махтумкули к таджико-персидской традиции (хотя у него были стихотворения и на фарси) и именование его «народным певцом-сказителем».

Мечта о предгорьях Копет-Дага, о берегах Аму, как о прохладном рае. Страшная жизнь на глинистых раскаленных такырах, как на сковородках ада. Даже куст саксаула — куца (с. 132). — Запись можно отнести к категории наблюдений за природой Туркменистана (параллели находим у Санникова: «Небольшие горы, пустыня, подернутая едва заметной зеленью и кустарниками»⁵⁰⁵). Как представляется, нет никаких оснований видеть в этой конкретной записи отголоски зороастризма, указанные в комментарии.

Сколько бы ни лить воды в пустыню: она не повеселеет. Пустыня — мать скудная и худая. Худая пустыня, [рас] давно рассыпавшая свои кости в прах и прах истратившая на ветер (с. 132). — Вопреки представлениям о полемической направленности записей Платонова, здесь возникает переключка со стихотворением В. Луговского «Пустыня и я»:

Ты начнешь
Отступать,
Огрызаясь
Камнями и костью

⁵⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 7.

Погребенных племен и вымерших городов⁵⁰⁶.

Неясно, по какой причине в комментарии постулируется двойное отношение Платонова к пустыне (вполне возможное у профессионального мелиоратора), однако в «Такыре» пустыня — безусловное зло.

Ветер, пастух песков (с. 136). — Ассоциация ветра с пастухом в действительности указывает на профессиональные интересы Платонова. Почвы в Туркменистане развиваются по эоловому типу, то есть выветриваются, также как и песок.

Конец эоловой печали (с. 145). — По всей видимости, корень «эол» здесь имеет отношение не к божеству ветра, как указано в комментарии, а к эоловым почвам, что также составляет профессиональный интерес Платонова.

4. Туркмены и их характер

Туркмения — ее душа столь же свежа и хороша, как античное лицо ее людей, потомков парфян (с. 128). — Это фраза прокомментирована в издании «Записных книжек», однако подчеркивается, что античное наследие в туркменах из писателей видел лишь Платонов, тогда как в действительности, на это прямо указывается в стенограммах заседаний Туркменской комиссии ССП: «...туркменские писатели не овладели древней литературой (Греция и Рим), оказавшей такое большое влияние на литературу Востока. Знают об Аристотеле и Платоне колхозники и кочевники, а писатели совершенно не овладели наследством»⁵⁰⁷. И хотя речь здесь идет вовсе не о «метафизическом», а о практическом осмыслении античного наследия, параллель напрашивается.

⁵⁰⁶ Туркменистан весной. Альманах. Москва — Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1932. С. 258.

⁵⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 114. Л. 2.

Туркмены — одни из потомков парфян Ал<ексан>дра Македонского (с. 129). — См. выше о парфянах и античном наследии. Связь с «Македонским офицером» этой записи очевидна, однако в связи с «Такыром» она актуализуется в том смысле, что Джумаль — наполовину персиянка, наполовину туркменка, таким образом, в ней соединяются два народа, с которыми смешались парфяне.

Аул живет песнями, слухами, сказками, сенсациями (прежний аул) (с. 131). — Запись реализует оппозицию старого и нового, столь характерную для всего альманаха «Айдинг-Гюнлер» и последней части «Такыра» в частности. В связи с этим опять-таки кажется неправомерным говорить о «полемической» установке писателя по отношению к членам предыдущей поездки.

Многоженство, это батрачество, т. к. женщина есть главный рабочий (с. 132). — Тема эмансипации женщины обильно представлена во многих текстах из альманаха «Айдинг-Гюнлер», и в первую очередь в «Такыре». Она также встречается у П. Скосырева в повести «Оазис», у Г. Максимова в повести «Песнь Амана». Однако именно в «Такыре» она занимает центральное место (см. выше запись Санникова; см. однако в рецензии А. Роскина на альманах: «Становление героини Джумаль — дочери плененной Туркменом персиянки — советским агрономом воспринимается лишь как эпилог, формальная концовка и потому представляется не вполне убедительным»⁵⁰⁸).

Оч<ень> важно Женщина в Туркм<ении> лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность; она условный узел общественных битв (с. 138). — Женщина Востока — отдельная тема для литературы о Туркменистане. Она встречается как у русскоязычных, так и у туркменских авторов из альманаха, таких как Ораз Тачназаров. В целом

⁵⁰⁸ Роскин А. Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. 1935. № 6. С. 4.

проблема эмансипации женщины была отдельной строкой в советской культурной программе, когда речь заходила о Востоке и стояла весьма остро, так как встречала сопротивление из-за жестко оформленной традиции — вплоть до трагических последствий⁵⁰⁹. Так что социологизация, которая реализована в этой записи, весьма симптоматична.

Важнейшая тема: Туркменка, которая никогда не любила и не могла любить по условиям жизни, — человек абсолютно без любви, сердце которого все время сжимали, мертвили, давили, — трагедия совсем другого порядка, чем обычно, — мирового типа (с. 138). — Ср. с предыдущей записью. Эта запись перекликается с концепцией «двойного гнета» как его понимали в 1930-е гг. Женщина же оказывается под своего рода «тройным гнетом» — не только баев и царской власти, но просто по своему статусу в иерархии. Здесь надо сказать, что в целом положение туркменской женщины было значительно более сложным, однако ее «освобождение» выводилось на передний план как принесенное социализмом благо, что и реализуется в этой записи.

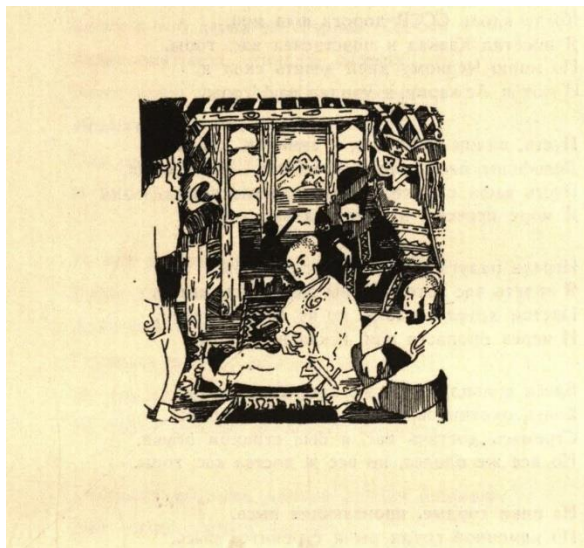
Тайна Азии: культура произошла от самых гонимых, робких людей, [при]загнанных воинами девств степей, свежими великанами — к самым нелюдимым, тяжелым местам мира — скажем, Амударье. От тяжести условий была создана культура. Но и только. Эта родина человечества очень условна. Счастливая жизнь прошла в других местах, и историч<еской> памяти о них не осталось (с. 139). — Не вполне ясно, почему в комментарии эта запись трактуется как признание тупиковости европоцентризма. Платонов здесь реализует отчасти колониальный взгляд на Туркменистан, который совершенно не соответствует воинской истории туркменских племен. Такое сужение, видимо, обусловлено скорее взглядами самого Платонова

⁵⁰⁹ См.: Khalid A. Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 222.

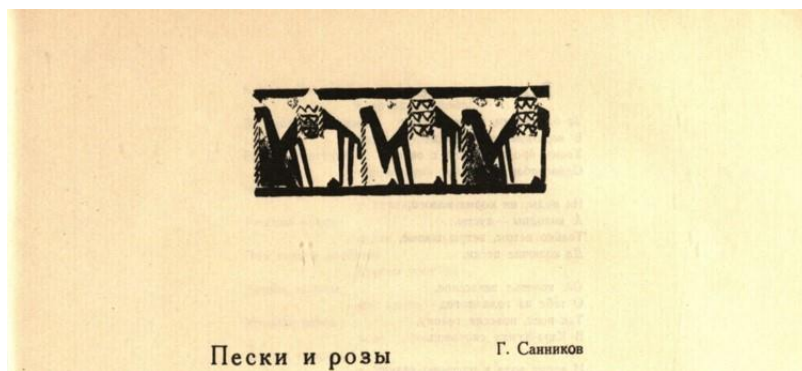
на «слабого» как источник культуры и только затем — как освобождение от европоцентризма.

Наш анализ, конечно, далеко не исчерпывающий. В этом кратком комментарии мы сосредоточились в первую очередь на примерах репрезентации Туркменистана, как в бытовом, так и в дискурсивном аспекте, в первой книжке с подобными записями. Формирующееся у Платонова представление о регионе, по-видимому, находилось на стыке советской идеологии деколонизации и современного сознания в целом. Репрезентация Центральной Азии у Платонова распадается на этнографические, профессиональные записи и, условно говоря, «дискурс прошлого и будущего». Образ будущего при этом оказывается размытым, тогда как «уходящий» Туркменистан описан более четко. Тем не менее дискурс модернизации проникает в записи Платонова, хотя и прослеживается внимание к традиции. В записях также находим параллели к книжкам Санникова, и это говорит о том, что деятельность Платонова не была чем-то отдельным от общего настроения членов бригады. Окрашенная в типично платоновские интонации, она тем не менее также реализовывала противостояние современной и домодерной эпохи. Как представляется, это необходимо учитывать и при анализе азиатской прозы писателя.

Приложение 2. Иллюстрации

Рувим Мазель. Певец // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию
Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934

Рувим Мазель заставка к стихотворениям Г. А. Санникова «Пески и
розы» // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.:
[ГИХЛ], 1934

Песнь Амана

Георгий Максимов

Повесть

О строконечные тени кибиток стали длиннее и гуще. Изредка прокричит чем-то обеспокоенный ишак и смолкнет... Солнце ушло за барханы. Если всмотреться, кажется, что на краю горизонта возле самого солнца песок накален докрасна. Ближе к аулу он темнее, точно остывает. Редкие пятна теней ползут по равнине, подступают к горизонту. Скоро они сольются, и тогда наступит густая туркменская ночь.

Человек с записной книжкой бродит между кибиток, заглядывает через приоткрытые пологи, вслушивается в непонятный говор, жадно всматривается в лица встречаемых,

Рувим Мазель. Заставка к повести Г. Максимова «Песнь Амана» // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934

Конская кровь

Владимир Козин

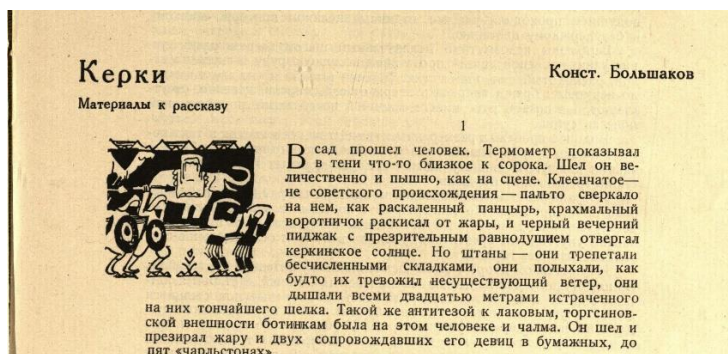
Пьеса для чтения

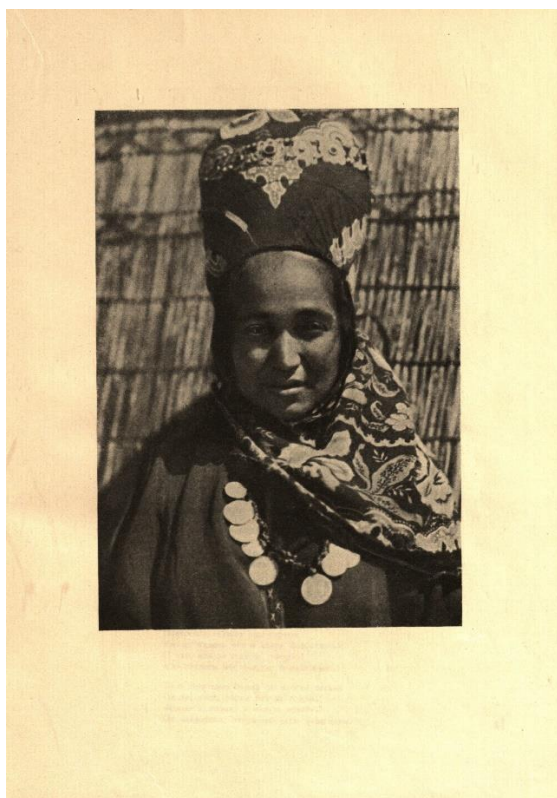
События этого драматического представления относятся к тридцатому—тридцать первому годам. В те годы дули северные ветры. Среди песчаных бугров, высоких, как оседланные кони, и в голубых оазисах Туркменистана металась буря. Летел песок столетий. Исчезали следы веков. Целый класс со всеми своими молитвами уносился в пустыню будущего теряя стада, покорность жен, наследственное счастье.

Жизнь откочевывала на новые колодцы. Старые были заброшены. На некоторых остались блоки и арканы, забытые во мраке бегства. У колодца Кака-бая долго чернела полуразобранная юрта. В юрте поселилась тишина.

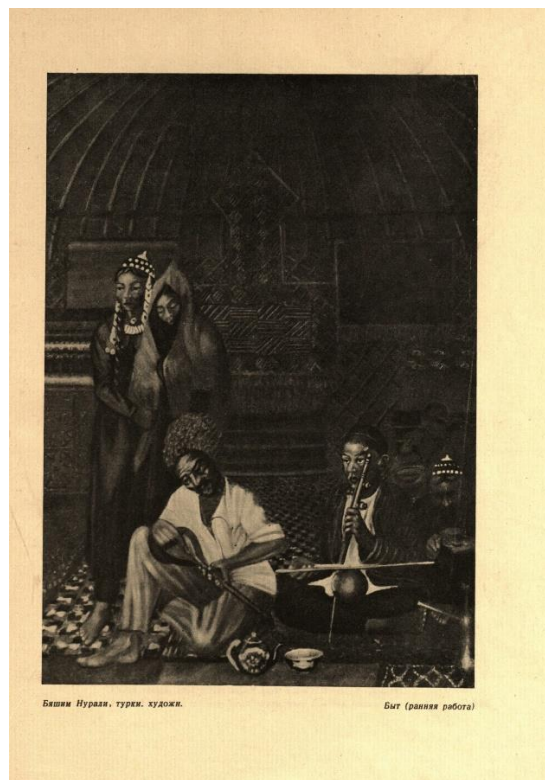
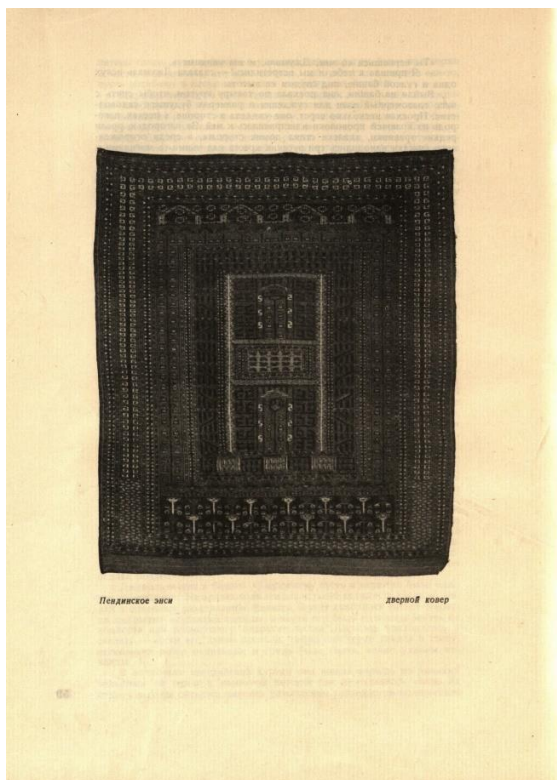
Рувим Мазель. Заставка к пьесе для чтения В. Козина «Конская кровь» // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934

Рувим Мазель. Заставка к материалам к рассказу К. Большакова «Керки» // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934

Туркменка, фото // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934 (опубл. в: *Holt K. The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. Columbia University, 2013*)

Слева: Пендинское энси, фото // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934

Справа: Бяшим Нурали. Быт // Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. М.: [ГИХЛ], 1934

Библиография Архивные источники

1. *Аламышев А.* «Сона». Подстрочный перевод с туркменского языка. [Отклонено] // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 20. Ед. хр. 2415.
2. Договора, переписка с Центральным издательством народов СССР, выписка из протокола заседания Президиума ЦИК СССР о ликвидации Центрального Издательства Народов СССР и передаче его функций издательству «Художественная Литература» // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4742.
3. Заседание ПБ от 15 августа 1931 г. (протокол № 56) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 842.
4. *Кербабаев Б. М.* «Аму-Дарья». Поэма и стихи. Литературный и подстрочный перевод с туркменского. Рецензент — Скосырев П. Г. // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 1461.
5. Материалы и переписка по Туркменской ССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27.
6. Материалы и переписка по Туркменской ССР // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56.
7. Материалы о подготовке К. Г. Паустовским, Н. Ф. Погодиным и др. сборника художественных произведений в связи десятилетием Туркменской ССР. (Тематический план сборника, трудовое соглашение, удостоверения и др.) // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 17. Ед. хр. 9.
8. Материалы о работе Г. А. Санникова в Туркменской Комиссии ССП СССР в связи с 10-летием Туркменской ССР (Г. А. Санников — председатель Комиссии): письмо Оргкомитета ССП в Совнарком Туркменской ССР о командировке писателей в Туркмению и составлении литературного альманаха, список Комиссии, отзыв А. Лахути об альманахе

«Айдинггюнлер» (sic!) и др. // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 429.

9. *Санников Г. А.* «Выход», «За днями дни», «Келифский узбой» и др. Стихотворения // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 7.

10. *Санников Г. А.* «Баллада о туркменском ковре», «Туркменбаллада» и др. Баллады // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 32.

11. *Санников Г. А.* «Весна в Туркмении», «Подсмотреть незаметное», «Советские поэты о Средней Азии» и др. Статьи // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90.

12. *Санников Г. А.* Беседа с писателями о предстоящем съезде туркменских писателей и выступления на конференции и Первом всетуркменском съезде советских писателей // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 100.

13. *Санников Г. А.* Выступление на совместном заседании Юбилейной комиссии по празднованию десятилетия Туркменской ССР и Туркменской секции СП СССР. Стенограмма // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 101.

14. *Санников Г. А.* Выступление на вечере встречи писателей с художниками, колхозниками Туркменской ССР и стахановцами фабрики «Трехгорная мануфактура». набросок, стенограмма. Имеются выступления Ф. В. Гладкова, А. В. Лентулова, А. С. Новикова-Прибоя и др. // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 102.

15. *Санников Г. А.* Записные книжки с записями во время поездки в Туркмению // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 117.

16. *Санников Г. А.* Записные книжки с записями во время поездки в Туркмению // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 118.

17. *Санников Г. А.* Записи о производстве ковров, народах Крыма, Северного Кавказа, народных песен, пословиц и др. // РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 122.

18. «Сборник туркменской литературы». На туркменском языке // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088.

19. Секция культуры и человека (стенограмма) (материалы Среднеазиатской секции Совета по изучению производительных сил) // АРАН. Ф. 174. Оп. 8 (1923–1934). Ед. хр. 10.

Источники

20. *Агаджиков А.* Отрывки из оперы «Сона». — М.: Советский писатель, 1967. — 48 с.

21. Айдинг-Гюнлер. Альманах к 10-летию Туркменистана. — М.: [ГИХЛ], 1934. — 221 с.

22. *Аламышев А.* Сона. — Ашхабад: Туркменистан, 1976. — 67 с.

23. *Аламышов А.* Сайланан эсерлер. — Ашгабат, 1962. — 120 с.

24. Антология туркменской поэзии. — М.: ГИХЛ, 1949. — 545 с.

25. *Бороздин И.* Социалистическое строительство Туркмении в советской художественной литературе // Туркменская искра. — 1934. — 6 апреля.

26. *Бороздин И. Н.* Художественная литература Советской Туркмении // За коммунистическое просвещение. — 1934. — 8 июля.

27. Бригада Оргкомитета Союза советских писателей в Мерве // Туркменская искра. — 1934. — 22 апреля.

28. Бригада оргкомитета союза писателей выезжает в Туркмению // Туркменская искра. — 1934. — 20 марта.

29. Вторая бригада писателей в Туркмении // Туркменская искра. — 1934. — 15 апреля.

30. *Горький М.* [Белорусской академии наук] // Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 26. — М., 1953. — С. 372.

31. Для чего мы приехали в Туркмению. Беседа с участниками первой

бригады писателей // Туркменская искра. — 1930. — 1 апреля.

32. *Журавлева Е. В., Чепелев В. Н.* Искусство советской Туркмении. — М.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1934. — 133 с.

33. *Иванов С.* Ответственность переводчика // Звезда Востока. — 1972. № 6. — С. 172–175.

34. *Кербабаев Б.* Эсерлер топлумы. Т. 4. — Ашгабат: Туркменистан дөвлет неширяты, 1959. — 399 с.

35. *К. Т.* Литературный вечер в гостеатре // Туркменская искра. — 1930. — 2 апреля.

36. Мы приехали не ради простого любопытства // Туркменская искра. — 1930. — 31 марта.

37. *Мәмметвели Кемине.* Гүлениң галар: Сайланан эсерлер. — Ашгабат: «Алтын гушак» түркмен филиалының Ашгабат бөлүми, 1991. — 70 с.

38. Московские писатели в Ашхабаде // Туркменская искра. — 1934. — 6 апреля.

39. Первая ударная. Писатели выезжают в Туркменистан // Литературная газета. — 1930. — 30 марта.

40. Писатели у предсовнаркома Туркменской ССР т. Атабаева // Литературная газета. — 1934. — 14 февраля.

41. Приезд писательской бригады // Туркменская искра. — 1934. — 30 марта.

42. Товарищеская встреча в Оргкомитете союза советских писателей Туркмении // Туркменская искра. — 1934. — 5 апреля.

43. Подсмотреть незаметное. Познать новую Туркмению // Туркменская искра. — 1930. — 1 апреля.

44. *Платонов А. П.* Записные книжки. Материалы к биографии. — М.:

ИМЛИ РАН, «Наследие», 2006. — 424 с.

45. *Реджепов С.* Жизнь и творчество поэта Амандурды Аламышева. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. — Ашхабад, 1960. — 17 с.

46. *Реджепов С.* Творческий путь поэта Амандурды Аламышева. — Ашхабад: Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1961. — 108 с.

47. *Роскин А.* Расцвет республик Советской земли // Художественная литература. — 1935. — № 6. — С. 3–6.

48. *Санников Г. А.* За укрепление братской связи литератур народов СССР // Туркменская искра. — 1934. — 17 мая.

49. *Скосырев П. Г.* Основные этапы развития туркменской поэзии // Антология туркменской поэзии. — М.: ГИХЛ, 1949. — С. 5–25.

50. *Сталин И. В.* О политических задачах Университета народов Востока // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. — М., 1952. — С. 133–152.

51. *Таш-Назаров О.* Доклад О. Таш-Назарова о литературе Туркменской ССР // Первый Всесоюзный съезд советский писателей. Стенографический отчет. — Москва: Гослитиздат, 1934. — С. 136–140.

52. *Таш-Назаров О.* Задачи советской туркменской литературы // Туркменская искра. — 1934. — 18 мая.

53. Туркменистан весной. Альманах. — Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1932. — 449 с.

54. Туркмения. Литературно-художественный альманах Туркменской комиссии Союза писателей СССР. — М.: Советский писатель, 1936. — 315 с.

55. *Kerbaabajyň B.* Daawjarda tьraактыр // Tyrkmen medenijeti. 1930. — № 2. — S. 20.

56. *Magtymguly.* Eserler ýygyndysy. — Aşgabat: MGI, 2012. — 556 s.

57. *Təsnazarov O.* Vatan // Tyrkmenistan şura edebijaty. — 1935. — № 1–2. S. 9.

Исследования

58. *Абашин С. Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 848 с.
59. *Азов А.* Поверженные буквалисты. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. — 304 с.
60. *Алворт Э.* Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. — М.: Центрполиграф, 2016. — 383 с.
61. *Алланиязов Т. К.* Красные Каракумы. Очерки истории борьбы с антисоветским повстанческим движением в Туркменистане (март-октябрь 1931 года). — Алматы: б. и., 2006. — 295 с.
62. *Антонова Е. А.* Платонов — инженер треста «Росметрорес» // Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. — С. 787–793.
63. *Апчинская Н. В.* Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. — М.: Параллели, 2004. — 87 с.
64. *Атанова С. А.* «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. — 2021. — № 3. — С. 140–170.
65. *Атдаев С.* Природоохранные традиции, «экологический этикет» туркмен // Туркмены. — М.: Наука, 2016. — С. 363–377.
66. *Балашова Ю. Б.* Альманах как иллюстрированный тип издания // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2015. Т. 157. Кн. 4. — С. 20–28.
67. *Беляев В., Успенский В.* Туркменская музыка. Т. 1. — Ашхабад, 1979. — 381 с.
68. *Богомолова А.* Понятие «мировая литература» в советской

культуре 1930-х гг.: Первый съезд советских писателей // Текстология и историко-литературный процесс. — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 146–165.

69. *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики. — СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. — 276 с.

70. *Быстрова О. В.* Влияние М. Горького на развитие национальных литератур // Филологический класс. — 2018. № 2 (52). — С. 76–82.

71. *Варламов А. Н.* Андрей Платонов. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 544 с.

72. *Герчук Ю. В.* Советская книжная графика. — М.: Знание, 1986. — 124 с.

73. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. — М.: Ad Marginem Press, 2013. — 168 с.

74. *Громова Н. А.* Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. — М.: АСТ, 2018. — 649 с.

75. *Гусейнов Ч. Г.* Этот живой феномен. Советская многонациональная литература вчера и сегодня. — М.: Советский писатель, 1988. — 429 с.

76. *Демидов С. Н.* Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. М.: Старый сад, 2020. — 446 с.

77. *Земскова Е. Е.* Переводчики с языков национальных республик в советской литературной критике середины 1930-х годов // Новый филологический вестник. — 2016. № 4 (39). — С. 167–177.

78. *Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 511 с.

79. *Кларк К.* Советский роман: История как ритуал. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. — 262 с.

80. *Козицкая Ю. М.* Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2022. — 212 с.
81. *Корниенко Н. В.* «Андрей Платонов: “Туркмения — страна иронии”» // *Нация. Личность. Литература.* Вып. 1. — М., 1996. С. 98–122.
82. *Корниенко Н. В.* Примечания // Платонов А. П. Записные книжки. — М.: ИМЛИ РАН, 2006. — С. 309–409.
83. *Лохер Я. П.* Рассказ Платонова «Такыр» и тема Востока // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. — С. 289–295.
84. *Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Жданов, Щербаков и другие // *Вопросы литературы.* — 2003. № 4. — С. 241–297.
85. *Мамедов М. А.* Архитектурный декор Южного Туркменистана: древние истоки и преемственность традиций // *Туркмены.* — М.: Наука, 2016. — С. 416–430.
86. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. — М.: РОССПЭН, 2011. — 855 с.
87. *Молодяков В.* Георгий Шенгели. Биография: 1894–1956. — М.: Водолей, 2017. — 613 с.
88. *Мурадов Р. Г.* Парадигма «Туркменоведения» // *Культурные ценности: Международный ежегодник: 2000–2001.* — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — С. 164–178.
89. *Пичугина В. С., Поплавская И. А.* Творчество Д. Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* — 2015. Вып. 6 (38). — С. 136–146.

90. *Поцелуевский А. П.* Избранные труды. — Ашхабад: Ылым, 1975. — 337 с.
91. *Роженцева Е.* Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // Архив Андрея Платонова. Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — С. 396–405.
92. *Роженцева Е.* Туркмения в письмах и записных книжках А. Платонова и В. Козина // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3. — М.: ИМЛИ РАН, 2018. — С. 294–306.
93. *Саид Э. В.* Ориентализм. — М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. — 558 с.
94. *Скаков Н.* Культура Полтора // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 161. — С. 104–123.
95. *Скороспелова Е. Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). — М.: ТЕИС, 2003. — 420 с.
96. *Соколов К. С.* Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2019. — Т. 11. Вып. 4. — С. 123–130.
97. Соцреалистический канон. — М.: Академический проект, 2000. — 1036 с.
98. *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 336 с.
99. *Франк С. К.* Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. — 2019. — № 11. — С. 230–247.
100. *Халид А.* Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в

раннесоветский период. — СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022. — 623 с.

101. *Хири Ф.* Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 472 с.

102. *Чандлер Р.* Платонов и Средняя Азия // «Страна философов» Андрея Платонова. — Вып. 5. — М.: ИМЛИ РАН, 2003

103. *Чудакова М. О.* Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 466 с.

104. *Широков Ю. В.* Графика И. Мазеля // Государственный музей искусств народов Востока. Научные сообщения. — 1991. — Вып. 20. — С. 64–73.

105. *Blackwell C.* Tradition and Society in Turkmenistan: Gender, Culture and Oral Songs. — New York: Routledge, 2013. — 224 p.

106. *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. — Princeton: Princeton University Press, 2001. — 319 p.

107. *Bustanov A. K.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. — New York: Routledge, 2014. — 144 p.

108. *Chandler R.* Bread for the Soul: Andrey Platonov // *Studia Litterarum*. — Т. 2. № 1. — С. 244–267.

109. *Clement V.* Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914–2014. — Pittsburg, PA: University of Pittsburgh Press, 2018. — 302 p.

110. *Dobrenko E.* Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // *The Literary Field under Communist Rule*. — Boston: Academic Studies Press, 2018. — P. 3–17.

111. *Dobrenko E.* Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932 // *Slavic Review*. — 2022. — Vol. 81. Iss. 4.

— P. 869–890.

112. *Edgar A. L.* Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. — Princeton: Princeton UP, 2006. — 320 p.

113. *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. — Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2003. — 286 p.

114. *Holt K.* The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Film and Literature, 1921–1935. PhD. Dissertation. — Columbia University, 2013. — 323 p.

115. *Holt K.* Collective Authorship and Platonov's Socialist Realism // Russian Literature. — 2013. — Vol. 73. No. 1/2. — P. 57–83.

116. *Holt K.* Performing as Soviet Central Asia's Source Texts: Lahuti and Džambul in Moscow, 1935–1936 // Cahiers d'Asie centrale. — 2015. — No. 24. — P. 213–238.

117. *Khalid A.* Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present. — Princeton: Princeton University Press, 2021. — 576 p.

118. *Kassymbekova B.* Despite Cultures. Early Soviet Rule in Tajikistan. — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2016. — 296 p.

119. *Kudaibergenova D.* Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. — Lanham, MD & London: Lexington Books, 2017. — 258 p.

120. *Lovell S.* The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Era. — London: St. Martin's Press, 2000. — 223 p.

121. *Sartori P.* What Went wrong? The Failure of Soviet Policy on Sharī'a Courts in Turkestan, 1917-1923 // Die Welt des Islams. — 2010. — Vol. 50. Iss. 3. — P. 397–434.

122. *Schimmelpenninck van der Oye D.* Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. — New Haven, London: Yale

University Press, 2010. — 292 p.

123. *Tlostanova M.* The Janus-Faced Empire Distorting Orientalist Discourses: Gender, Race and Religion in the Russian/(Post)Soviet Constructions of the “Orient” // *Worlds and Knowledges Otherwise*. — 2008. — Vol. 2. No 2. — P. 1–11.

124. *Witt S.* Institutionalized Intermediates: Conceptualizing Soviet Practices of Indirect Literary Translation // *Translation Studies*. — 2017. — Vol. 10. — P. 166–182.

125. *Witt S.* The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literature // *Ab Imperio*. — 2013. — No. 3. — P. 155–189.

Справочные издания

126. Большая советская энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.

127. Краткая литературная энциклопедия. Т. 3: Иаков — Лакснесс. М.: Советская энциклопедия, 1966. — 975 стлб.

128. Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. — 716 с.

129. Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. Кн. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1986. — 431 с.

130. Туркмено-русский словарь. — Ашхабад: Туркменгосиздат, 1940. — 380 с.

131. Туркменско-русский словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1968. — 832 с.

132. *Allen F., Touch-Werner (Tachmouradova) J.* Turkmen-English Dictionary. — Kensington, Maryland: Dunwoody Press, 1999. — 710 p.